

В.А. САДИКОВА

ТОПИКА
КАК СИСТЕМА
СТРУКТУРНО-
-СМЫСЛОВЫХ
МОДЕЛЕЙ
ПОРОЖДЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНОГО
СМЫСЛА

ТВЕРЬ 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»

В.А. САДИКОВА

ТОПИКА КАК СИСТЕМА
СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫХ МОДЕЛЕЙ
ПОРОЖДЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
СМЫСЛА

МОНОГРАФИЯ

ТВЕРЬ 2017

УДК 81'42
ББК Ш 105.5
С 14

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка
Тверского государственного университета

А. А. Залевская

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков
Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Л. Г. Васильев

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных и русского языков
ФГКВОУ ВПО «Военный институт (инженерно-технический) ВА МТО»

М. Вл. Пименова

Садикова В.А.

**С14 Топика как система структурно-смысловых моделей
порождения коммуникативного смысла: монография. – Тверь:
Твер. гос. ун-т, 2017. – 164 с.**

ISBN 978-5-7609-1226-8

В монографии предлагается оригинальный взгляд на соотношение языка, мышления и коммуникации, демонстрируется целостный подход к проблеме. Дается качественная характеристика топиков, понимаемых как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла. Обосновывается идея использования топики-диалектики в качестве инструмента исследования естественного человеческого общения.

УДК 81'42
ББК Ш 105.5

В оформлении обложки использована картина Людмилы Болотовой
«Разговор с Солнцем»

ISBN 978-5-7609-1226-8

© В.А. Садикова, 2017
©Тверской государственной
университет, 2017

ВВЕДЕНИЕ

Проблема моделирования в лингвистике часто рассматривается как проблема чисто научная, отождествляемая с конструированием виртуальных объектов в упрощённом виде и с усилением тех моментов в объекте, которые подвергаются исследованию. Этот путь часто приводит к продуктивным результатам, но это не значит, что невозможен другой, не менее, а может быть, и более продуктивный, если обратить внимание на то, что модели – не только то, что создаётся специалистами-учёными в исследовательских целях. Ведь сам язык организован по принципу моделирования. Значит, в самом языке и следует искать уже созданные им модели. В отличие от искусственных моделей, созданных специалистами с определённой целью и в силу этого по определению односторонних, естественные модели в языке многогранны и многомерны, имеют связи со многими процессами, органичны. Нам представляется, что это свойство *естественных* языковых моделей ещё недостаточно изучено и почти не применяется в практике исследования.

Толика – гибкий и подвижный инструмент взаимопонимания, *в самом языке* существующий, отложившийся в нём на протяжении истории человечества, потому что «естественный язык рождался в процессе антропогенеза из процессов коммуникации человека с природой и с себе подобными, так же и наука возникла позже по сходным мотивам» [Буданов 2002, с. 340]. Позже, когда наука в истории человечества стала занимать определяющее место, когда дезинтеграция стала восприниматься как естественный и закономерный процесс, это изначально *общее* науки с естественным языком, хотя и не утратилось в практике общения людей, но как бы перестало иметь значение.

Сегодня наука делает поворот к своим истокам, и на повестке дня всё настойчивее проявляется идея интеграции наук с центральным объектом изучения – человеком: «Возрастание роли *субъекта познания* требует максимального фокусирования на *языке как достоянии пользующегося им человека*, включённого в определённое физическое и социальное окружение и *переживающего* процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности, которую нельзя «препарировать» [Залевская 2007, с. 4].

Полагаем, что топика *может способствовать* анализу такой целостности, если аппарат анализа искать в самом языке, в его функционировании. А функционирование языка есть функционирование индивидов **в общении**.

Сегодня немодно говорить о диалектике и учитывать её в гуманитарных исследованиях; это считается общим местом, не имеющим отношения по большому счёту ни к одной из наук, кроме разве что философии. На самом деле потребность в диалектике как руководстве к действию в нашей повседневной практике общения, равно как и в исследовании этой практики, существует. Ссылаясь на исследования психологов М.А. Холодной (2002), А.В. Юревича (2005), А. А. Залевская подчёркивает возможность и необходимость использования *разных* подходов к исследованию психики человека, которая «может быть описана и как поведение, и как деятельность, и как трансформация образов, и как взаимодействие сознания и бессознательного, и другими способами. Каждый из таких способов не хуже и не лучше остальных, ни один из них не отменяет другие модели описания, а предполагает дополнение ими» (М.А. Холодная); цит. по: [Залевская, 2007, с. 5]. Что это, если не призыв к *диалектическому* подходу в методологии, который возможен только потому, что и сами изучаемые явления «многоплановы и поликаузальны», которые надо изучать «в единстве а) их когнитивной, эмоциональной и поведенческой сторон, б) феноменологической, социальной и биологической детерминации» (А.В. Юревич); цит. по: [Там же].

«На современном этапе подлинной интеграции наук о человеке ещё не произошло, желаемое лишь принимается за действительное, ибо для построения теории интегративного типа необходима реализация серьёзных междисциплинарных программ, способных обеспечить выход на новый уровень теории высокой объяснительной силы» [Там же].

Нам представляется, что недостаточно иметь для этого междисциплинарные программы. Нужна объединяющая идея, позволяющая реально совершить подлинную интеграцию наук о человеке говорящем и общающемся. Недостаточно услышать друг друга и признать «легитимность» других теорий; прежде всего надо обратиться к тому, что для *всех* теорий является значимым и изначальным бесспорно: к «языку как достоянию пользующегося им человека». Тогда естественным образом на первый план выходят два его (человека) качества: коммуникативность (иначе, зачем

пользоваться языком) и диалектичность (проявляющаяся в диалоге, потому что каждый индивид про всё имеет собственное мнение), дающие возможность изучать человека говорящего и деятельного во взаимодействии с другими говорящими и действующими, т.е. *изучать в процессе!*

Рассматривая топику как систему структурно-смысловых моделей (ССМ) порождения коммуникативного смысла, мы обязаны уточнить значение составляющих, включённых в это терминологическое сочетание. Ведь не только значение древнего термина «топика» на протяжении веков изменилось и размножилось, но и такие активно употребляемые сегодня в науке термины, как *система, структура, модель* и даже *смысл* тоже далеко не однозначны.

А.Ф. Лосев, например, выделяет 34 значения слова *модель*, но полагает, что на самом деле этих значений намного больше [Лосев 1995, с. 92]. Ведь «пользуясь своим языком и своей речью, мы непрестанно употребляем те или иные модели, часто даже сами не понимая, насколько эти модели далеки от обыденного понимания слова «модель», и мы здесь то и дело пользуемся такими структурами, сложность которых не только не приходит никому в голову, но в них затруднится даже научный работник, специально изучающий область структурных соотношений». [Лосев 1995, с. 94].

Мы не претендуем на исчерпывающий, тем более, однозначный ответ, но хотим обратить внимание на такие языковые проблемы, которые до сих пор или остаются вне внимания лингвистов, или полагаются не их делом. Будем исходить из общепонятных и общепринятых определений: *система* – это совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов; *структура* – это отношения между элементами, способ организации системы. Однако для нас важно *диалектическое* понимание структуры-системы: «Структура есть, прежде всего, цельность, однако цельность раздельная внутри себя самой, так что, рассматривая всё, что содержится в этой цельности, я никак не забываю о самой этой цельности. Цельность рассматривается мною в свете составляющих её элементов, а элементы цельности рассматриваются мною в свете этой цельности. Это и есть единая цельность, то есть структура» [Лосев 1995, с. 92].

Как видим, никакого противоречия с общепринятым пониманием *структуры* здесь нет, но термин разъяснён *диалектически*, и это очень важно.

К понятию *смысла* мы будем обращаться многократно, однако в первом приближении возьмём на вооружение высказывание А. А. Брудного: «Смысл –

это место в структуре» [Брудный 1998, с. 122]. Так в одной афористичной реплике сошлись *смысл, структура* и ... *топика*: ведь топ – это место! Но место живое, динамичное, подвижное, рекурсивное, способное наполняться разным, даже противоположным, содержанием. Другими словами, это *место* – модель. Модель для живого, динамичного, подвижного **коммуникативного смысла**.

М. Хайдеггер через всё своё творчество проносит мысль о том, что язык – дом бытия. Ю.С. Степанов уточняет: «Язык – дом бытия духа», «пространство мысли» [Степанов 1995, с. 32]. Но у языка тоже есть «дом»! Это топика как система глобальных категорий, которая образует многомерную «единораздельную цельность», «дом бытия» **языка**, в котором обнаруживаются топы-«комнаты», топы-«каналы»: ИМЯ (1); ДЕЙСТВИЕ (2) и СТРАДАНИЕ или ПРЕТЕПЕВАНИЕ (3); РОД (4) и ВИД (5), ОБЩЕЕ или АБСТРАКТНОЕ (6) и ЧАСТНОЕ или КОНКРЕТНОЕ (7); ЦЕЛОЕ (8) и ЧАСТИ (9); ОПРЕДЕЛЕНИЕ (10); ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (11): места, времени, цели; ПРИЧИНА (12) и СЛЕДСТВИЕ (13); СВОЙСТВА, ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА (14); СРАВНЕНИЕ (15), СОПОСТАВЛЕНИЕ (16), ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ (17); ПРИМЕР (18); СВИДЕТЕЛЬСТВО (19); СИМВОЛ (20). В них помещаются (и перемещаются!) **все** смыслы, которые мы можем породить *в процессе* общения и познания, потому что топика – это наш способ структурирования живого и подвижного Мира, в котором мы живём, действуем, мыслим и общаемся. При этом важно помнить, что и мы сами, и наши мысли, и *процессы* нашего мышления и общения – это тоже часть Мира. А это значит, что и они должны подчиняться общим с Миром законам.

ДИАЛОГ – ДИАЛЕКТИКА – ТОПИКА

Аристотель не даёт в своём трактате «Топика» определений *топа* и *топики*, но подробно рассказывает, как их использовать. При этом подзаголовки глав трактата – «Топика, или диалектика, и её предмет», «О пользе диалектики», «Об овладении диалектикой» и т. д. [Аристотель 1978, с. 349–532] – свидетельствуют о том, что топика у Аристотеля отождествляется с диалектикой, а сам термин «диалектика» используется как уже освоенный современной ему наукой. Аристотель не изобретает топикку, а *открывает* её и систематизирует в научно-практических целях, опираясь на достижения предшественников.

Несмотря на декларирование диалектического подхода в гуманитарной науке сегодня, диалектика Аристотеля прочно забыта и никак не учитывается в современных исследованиях гуманитарного профиля. А если к ней всё-таки обращаются (в основном, философы), то, с одной стороны, совершенно справедливо связывают её с диалогом, понимают как древнюю теорию диалога, с другой стороны, полагают топикку-диалектику исследовательской парадигмой *философского* рассуждения: «"Топика" Аристотеля представляет собой первую в античной философии попытку выработки методологического пособия по античному диалогу. Неслучайно в послеплатоновское время этот трактат использовался как своего рода руководство для спорящих. Но, с другой стороны, эту же работу сам Аристотель рассматривает как диалектическую» [Джохадзе 2012, с.36]. Автор почему-то не полагает возможным (или не считает нужным) обратиться к диалогу *бытовому* сегодня, хотя сам признаёт, что «диалектический способ (метод) мышления порождён диалогом» [Там же, с. 23], а диалог, как известно, не есть принадлежность исключительно философской науки и, безусловно, первичен по отношению к ней: Платон, полагая, для своих философских диалогов использовал естественную для обычного общения диалогичную форму не для того, чтобы «родить» из неё диалектику, а чтобы *в доступной форме* донести до своих учеников философские мысли. А мы ведь мыслим не только тогда, когда размышляем или спорим о высоких материях. Мы думаем каждодневно.

Мы исходим из того, что топика – диалектика нашего каждодневного мышления, главным образом, в процессе общения для решения наших повседневных практических задач. Ведь если диалектика получила высокий статус в науке, она не перестала быть ведущим руководством к общению-действию в насущных бытовых ситуациях. Думать иначе – значит не учитывать

её диалогические корни. А поскольку диалог – это основная форма общения, то именно коммуникацию мы полагаем теснейшим образом связанной с диалектикой. Другими словами, можно считать, что диалектика – не только следствие развившегося до философских высот диалога, но и естественная реализация самого диалога как процесса общения.

Хотя необходимо помнить об исходе диалектики из диалога, нужно обратиться к ещё двум Аристотелевским понятиям – *категории* и *предикабилии*, имеющим непосредственное отношение к диалектике общения. Если к *категориям* Аристотеля современники-гуманитарии всё-таки обращаются (Ю.С. Степанов, Н.Ю. Шведова, А. Вежбицкая, Ю.Л. Воротников и др.), то *предикабилии* вовсе выпали из поля зрения учёных-филологов, несмотря на высокий интерес к проблемам языка и мышления, имеющим прямое отношение к диалогу и диалектике. Между тем Аристотель именно посредством *предикабилий* впервые всерьёз обращается к этой проблеме, не отрывая её от диалога. Он называет четыре класса понятий – *привходящее* (или *случайное*), *род*, *собственное* (или *особенное*) и *определение*, которым придаёт исключительно большое значение. Подробнее см.: [Садикова 2009, с. 32–34]; [Садикова 2016, с. 16–21]. В пятой главе первой книги «Топики» Аристотель даёт характеристики этим четырём классам понятий, которые полагает принципиально отличными от категорий «числом десять», потому что *предикабилии* больше связаны с мышлением, чем с бытием, хотя взаимодействуют с категориями («родами бытия»). «Ведь *привходящее*, и *род*, и *собственное*, и *определение* всегда принадлежат к одной из этих категорий. В самом деле, все положения, образованные посредством их, означают или *суть* [вещи], или *количество*, или *качество*, или какую-нибудь из остальных категорий» [Аристотель 1978. Т.2, с. 358].

На протяжении веков категории, *предикабилии* и *топы* Аристотеля объединяют в одну общую систему, которая постепенно трансформируется в «места риторические». Процесс этот начат ещё во времена Цицерона, трактат которого под тем же названием «Тописка» [Цицерон 1975, с. 56–81] – образец объединения категорий, *предикабилий* и *топов* Аристотеля и переломный этап в развитии этой системы в смысле разделения *топики* и диалектики.

Удалив диалектику из *топики* и скалькировав термин Аристотеля «топ» как «место», Цицерон утверждает, что «этим словом Аристотель назвал как бы хранилища, откуда извлекаются доказательства» (Там же). В числе этих «как бы хранилищ» он называет и *категории* Аристотеля, и его *предикабилии*, и

собственно *способы*, описанные в «Топике» Аристотеля. Таким образом, с одной стороны, Цицерон интегрирует мыслительно-речевую деятельность человека в Мир, с другой стороны – придаёт этой интеграции статус данности, статики, потому что к другому следствию удаление диалектики из топики, т.е. лишение её сущности, привести не может.

Несмотря на то, что Квинтилиан возвращает термину *диалектика* аристотелевское понимание, такое разделение «тела» и «души», *топики* и *диалектики*, имело серьезные исторические последствия: и по сей день «общие места» функционируют в современной риторике как статические данности, обладающие аксиологической ценностью.

Квинтилиан разделяет, в свою очередь, «общие места» и «источники изобретения», быть может, уступая уже сложившемуся мнению о топике, лишённой души. Под «общими местами» он понимает общепринятые мнения, «заготовки», которые можно при случае использовать; под «источниками изобретения» – *наиболее общие категории*, в соответствии с которыми можно строить собственные высказывания, излагая – по одним и тем же моделям – разные точки зрения. При этом «источники изобретения» Квинтилиана практически совпадают с категориями Аристотеля. Ср.: [Аристотель 1978, с. 53–90]; [Квинтилиан 1894, с. 350–375].

Понимание в современной риторике топики как «общих мест» имеет, скорее всего, своим истоком *общепринятые мнения, «заготовки»* Квинтилиана. Тогда как топика как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла восходит к «источникам изобретения» Квинтилиана, основанным на категориях Аристотеля, которые, в свою очередь, есть систематизация, обобщение общечеловеческого опыта в бытии и мышлении, начиная с Гераклита. Подробнее см. в [Садикова 2009, с. 6 – 52]

В дальнейшем топика формализуется и в виде «общих мест» «оседает» в риторике (искусстве красноречия), которой, начиная с софистов, не нужна диалектика; её заменяет прагматика Протагора, софистика, где не думают об истине, но заботятся о выгоде. В то же время и диалектика, отлучённая от топики и «поселившаяся» в философии, не может вполне отвечать научным задачам, потому что истина отделилась от *познающего* истину, т.е. тоже на свой лад формализована, а значит – подменяется формальной логикой.

В средние века именно формальная логика выдаётся за диалектику, а топике придаётся статус «благородных истин», которая остаётся

«хранилищем», откуда можно черпать «истинные» мысли для собственных рассуждений в публичном выступлении. В целом топика, предикабилии и категории Аристотеля продолжают своё существование, однако всё более формализуются и содержательно беднеют.

Общая тенденция формализации и опрощения топики убедительно прослеживается в исторической судьбе топа ИМЯ. Категорию *имя* Аристотель ещё не выделяет, потому что для него важнее *сущность* – категория, непосредственно связанная с бытием, а в предикабилиях – *определение*, которое «есть речь, обозначающая суть бытия» [Аристотель 1978, с. 353]. Хотя неформально, не выделенное в качестве категории, *имя* у Аристотеля употребляется довольно часто, например: «... у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается и имя, и понятие» » [Там же, с. 56]. Или: «... если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем» [Там же, с. 58]. Цицерон же выделяет в своей «Топике» *обозначение*, «когда доказательство извлекается из смысла слов» [Цицерон 1975, с. 58], понимая этот топ чисто прагматически, не связывая с сущностью бытия и не выделяя категорию *сущность*. И, наконец, у М. В. Ломоносова *имя* связывается уже исключительно со *словопроизводством* и *словосцеплением*. Из перечня М. В. Ломоносова *имя*, отождествляемое только тогда, когда речь идёт о происхождении слова, о его этимологии, видимо, и перешло в современные риторики: «Топ имени <...> используется для обоснования значения, которое свойственно или приписывается соответствующему слову. Это значение слова «по этимологии» апеллирует к языку или отражению «народного сознания», «общего мнения» [Волков 2003, с. 58]. «Смысловая модель "имя" является источником изобретения мыслей, развития темы – обращение к происхождению и (или) смыслу слова (имени)» [Михальская 1996, с. 158]. И здесь, как видим, топ продолжает оставаться «местом», «хранилищем», а не *способом порождения* смысла, хотя и назван моделью. Такое понимание логически вытекает из толкования топов как *общих мест*.

Начиная с XVII века, весьма авторитетные учёные активно выступают против «общих мест». Они отождествляют «общие места» с логикой, «которая имеет отношение только к названиям того, что рассматривается» [Ф. Бэкон 1935 (1620), с. 449], или с диалектикой, которая «скорее нарушает здравый смысл, чем укрепляет его; <...> она отвлекает наше внимание от самой природы вещей» [Декарт 1994 (1648), с. 483–484]. И другие авторы выражают

своё негативное отношение к «общим местам»: «Не стоит задаваться вопросом, когда следует рассматривать общие места: это не важно. Быть может полезнее разобраться, не лучше ли было бы не рассматривать их вовсе» [Арно, Николь 1991 (1662), с. 236]. Х. Блер полагает, что тот, кто воспользуется «сими *Locī communes*, местами, учинит рассуждения свои невразумительными» [Блер 1800, с. 58–59]. «Эти так называемые источники изобретения, эти топики, эти общие места <…> – всё это решительно пустяки, и пустяки вредные, губительные» [Белинский 1955 (1843), с. 511]. Полагаем, что общей причиной такого негатива была неподвижность, статика этой системы (точнее, *собрания* «общих мест»), её нетворческая природа, позволяющая только выбирать из данного в «хранилищах», но не творить.

Однако топика-диалектика настолько вездесуща, что фигурирует, не узнанная, даже у тех учёных, которые ей безоговорочно отказали в праве на существование в качестве «общих мест».

Ф. Бэкон, отвергая «логику, которая имеет отношение только к названиям», претендует на истинное знание, которое видит в том, чтобы, опираясь на чувственные ощущения, систематизировать опыт и вернуть людей к «естественной философии». Он составляет так называемые *Таблицы Представления*, подчёркивая, что его *Таблицы* опираются на естественные законы природы, систематизируют и обобщают *Формы* реально существующих вещей. При этом он всё равно не может обойтись без логико-диалектических категорий – таких как *признак, действие, сравнение, части и целое* и подобных. Он, описывая метод индукции («*другое* наведение») и будучи его горячим поклонником, активно использует *пример*, внося его даже в уточнённое название своих знаменитых Таблиц, отражая тем самым их «задачу и цель»: «Представление Примеров Разуму» [Указ. соч., с. 253].

А. Арно и П. Николь, осудив «общие места» в традиционном понимании, чуть выше размышляют «о разновидностях общих идей: *родах, видах, видовых отличиях, собственных признаках, случайных признаках*». В другой главе они говорят «о сложных терминах, об их *общности и частности*», совершенно очевидно не связывая их с «общими местами», а по сути – рассматривая именно их, но в конструктивном – диалектическом – смысле, как топы [Арно, Николь 1991, с. 54–65].

То же самое делает и Х. Блер: «Желаете ли вы представить предмет в самом лучшем виде? Размышляйте об оном довольно глубоко, чтоб рассмотреть оный со всех сторон. Исследуйте по том, какой луч может сообщить ему

Священное Писание; какие соотношения или несходства может он иметь с другими предметами; после умножайте ясность, *сравнивая* его или *противопологая* оным; открывая его *причины*, или исчисляя его *действия*, предлагая *примеры*, или ссылаясь на чувствования ваших слушателей» (Блер 1800, с. 55). Очевидно, что Х. Блер предлагает пользоваться структурно-смысловыми моделями СВИДЕТЕЛЬСТВО (ссылка на Священное Писание), СОПОСТАВЛЕНИЕ («соотношения или несходства»), СРАВНЕНИЕ и ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ («сравнивая или противопологая»), ПРИЧИНА, ДЕЙСТВИЕ, ПРИМЕРЫ, конечно же, не мысля их как структурно-смысловые модели, но полагая естественными способами постижения сути предмета и формулирования своих мыслей по этому поводу.

Таким образом, рассматривая «общие места» как конкретные аргументы, пригодные на все случаи жизни, авторы справедливо отвергают их возможность использования в речи как нетворческие, застывшие, ограничивающие содержательность и глубину речи. В то же время они чувствуют применимость топики-диалектики в качестве системы обобщённых приёмов глубокого размышления над предметом речи, потому что в любом реализованном высказывании, кроме конкретного содержания, есть и абстрактная, типичная, схематичная, *модельная* составляющая.

Однако в целом «общие места» в современной риторике восторжествовали. И начало этого «торжества», полагаем, восходит к М.В. Ломоносову: «Все идеи изобретены бывают из общих мест риторических, которые суть: 1) род и вид, 2) целое и части, 3) свойства материальные, 4) свойства жизненные, 5) имя, 6) действия и страдания, 7) место, 8) время, 9) происхождение, 10) причина, 11) предыдущее и последующее, 12) признаки, 13) обстоятельства, 14) подобия, 15) противные и несходные вещи, 16) уравнения (сравнения)» [Ломоносов 1952, с. 102]. Перечень М.В. Ломоносова объединяет *категории, способы и предикабилии* Аристотеля, однако термин «топика» утрачивается; отныне употребительны только «общие места», которые никак не связаны с диалектикой. И в дальнейшем – в риторике – весь процесс «изобретения» понимается как извлечение нравственно-содержательных истин «из общих мест риторических» (Подробный анализ общепринятой трактовки топов\топосов см. в [Садикова 2009]). Это тот результат, куда пришла топка, отделённая от диалектики, т.е. лишённая «души». Это мёртвая топка.

«Отрицание диалектики есть проявление лени мысли. Между тем в современном мире, особенно в нашей стране, диалогизация общественной

жизни достигла высокой степени напряжения и охватила чуть ли не все области человеческой деятельности. Отсюда актуальность проблем, связанных с теорией диалога и порождённого им диалектического способа (метода) мышления» [Джохадзе 2012, с. 23].

Живая топка – это топика-диалектика, как её и представлял Аристотель. Диалектика родилась из диалогической речи, а это значит, что языкознание должно базироваться на диалектических принципах независимо от того, какой концепции, теории, научной парадигмы придерживается учёный. Опираясь на категории (в широком смысле, совокупно с предикабиями и топами) Аристотеля как на первое синтетическое осмысление бытия через речь и мышление, мы выделяем наиболее оптимальный перечень *современных* топов-категорий, понимаемых как *диалектическая система*:

1.ИМЯ, 2.ДЕЙСТВИЕ, 2.СТРАДАНИЕ (ВОЗДЕЙСТВИЕ), 3.ПРИЧИНА, 4.СЛЕДСТВИЕ, 5.СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА), 6.ЧАСТИ, 7.ЦЕЛОЕ, 8.СРАВНЕНИЕ, 9.СОПОСТАВЛЕНИЕ, 10.ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ (ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ), 11.ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (МЕСТА, ВРЕМЕНИ, ЦЕЛИ), 12.ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ), 14.ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), 15.РОД, 16.ВИД, 17.ОПРЕДЕЛЕНИЕ, 18.ПРИМЕР, 19.СВИДЕТЕЛЬСТВО, 20.СИМВОЛ. Они адекватно отражают целостность бытия в сознании людей и позволяют эту целостность оперативно структурировать «здесь и сейчас» в процессе общения.

Как это происходит? Топы, имеющие диалектическую природу, пребывающие в языке как *вершинные языковые категории* и *потенциальные языковые знаки*, реализующиеся в мышлении и речи как *структурно-смысловые модели* [Садикова 2009, с. 86–109; Садикова 2010; Садикова 2011], обязаны своим функционированием исключительно коммуникации, поэтому не могут изучаться в отрыве от общения¹, несмотря на свой абстрактный характер. Общение, в свою очередь, обуславливается *ситуацией как конкретизированным бытием*, а рекурсивный характер топки как системы связывает воедино Язык, Мышление и Бытие – через коммуникацию, через общение индивидуальных сознаний. Ситуация создаёт «топовостребованные» условия (или конкретный дискурс; см. [Садикова 2016]), ведущими из которых следует считать:

- актуальность, обусловленную внешними обстоятельствами;
- *целеполагание*, связанное с внутренними мирами общающихся;

¹ В данной работе мы используем термины *коммуникация* и *общение* как синонимы.

– *убеждаемость* – как целенаправленное *взаимное* воздействие на сознание оппонента;

– *когерентность*, предполагающую связность не только языковых средств, но всех ситуативных составляющих, обусловленных экстралингвистическими факторами.

В самом общем значении эти условия (конкретный дискурс) определяют формирование и структурирование *смысла*, который обретает существование в процессе нашей коммуникации, поэтому его целесообразно именовать **коммуникативным смыслом**.

Топика, понимаемая как диалектика, не может содержать «общепринятые точки зрения», как полагают и в современной риторике, потому что диалектика «не выводит заключений из чего попало, но только из того, что *нуждается в обсуждении*». Ведь «мы совещаемся относительно того, что, по-видимому, допускает возможность двоякого решения», и «никто не совещається относительно тех вещей, которые не могут, не могли и в будущем не могут быть иными» [Аристотель 1978, с. 21].

Таким образом, под топами у Аристотеля понимаются *определённые мыслительные операции* посредством категорий и предикабилей относительно «вещей», аспектов их бытия. Эта *совокупность способов* рассмотрения объектов действительности с разных сторон и с разных точек зрения и представляла собой собственно *топику* Аристотеля, его *диалектику*. Согласимся с З.Н. Микеладзе: «В "Топике" изучаются диалоги Платона как образцы диалектических (или, вернее, диалогических) рассуждений. <...> Резюмируя, мы можем сказать, что аристотелевское ядро "Топики" заключается в её методологичности» [Микеладзе 1978: 595].

Топика как диалектическая система реализует *закон единства языка/речи/мышления в практике общения людей* независимо от сферы общения, уровня владения языком, возраста, национальности или принадлежности общающихся к определённому социуму, и в этом смысле является универсальной.

МЕСТО ТОПИКИ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ

Современные лингвисты обращаются к категориям Аристотеля каждый раз, когда анализируются проблемы взаимоотношений языка и мышления, при этом, как правило, на первое место выдвигается языковой аспект. Например, Э. Бенвенист рассматривает отношения языка и мышления, «исходя из "категорий", <...> которые греческий мыслитель считал потенциальными предикатами любого объекта и, следовательно, рассматривал как набор априорных понятий, организующих, по его мнению, опыт» [Бенвенист 2002, с. 106]. Изначально приписывая категориям Аристотеля языковую сущность, Э. Бенвенист приходит к выводу, что «классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» [Там же, с. 111]. Той же точки зрения придерживается и Ю.С. Степанов: «...в виде категорий у Аристотеля перечислены <...> все формы сказуемого, которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка» [Степанов 1998, с. 543].

Большинство современных учёных соглашаются с мнением авторитетнейших лингвистов, которое они высказывают в своих работах неоднократно: [Бенвенист 2002, с.104–114]; [Степанов 1995, с. 55–56]; [Степанов 1998, с. 120–134, с. 542–580].

В 70-е годы прошлого века внимание учёных привлекли исследования Э. Рош, которые якобы «бросают вызов традиционной Аристотелевской теории о том, что понятия хранятся в сознании как логические таблицы достаточных и необходимых условий, определяющие место каждой конкретной категории» [Моран 2006].

Мы полагаем, что Э. Рош работает в другом научном русле, и её теория прототипов никак не поколебала классическую теорию, которая совсем не так примитивна, как кажется автору процитированных строк, и сегодня ещё далеко не вполне изучена. Как правило, принимается в расчет только формальная логика Аристотеля, а его топика – неформальная логика говорящих, диалектика правдоподобного (мнения), равно как и его знаменитые категории «числом десять», ещё ждут своего часа.

Нам представляется более конструктивным подход А. Вежбицкой: «Часто призыв к использованию прототипов объединяется с утверждением о существовании двух подходов к категоризации: "классический подход" (связанный с Аристотелем) и "прототипический подход" (связанный, в частности, с Рош и Витгенштейном). Их противопоставляют, как правило, для

того, чтобы объявить классический подход ложным, а прототипический истинным. По моему мнению, однако, подобное противопоставление двух подходов нам ничего не может дать. Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицкая 1996, с. 201].

Однако нельзя недооценивать те *вопросы*, которые задаёт Э. Рош и на которые не может быть ответа до тех пор, пока не будет определёнno выявлена глобальная языковая категоризация, присущая Человеческому Языку в целом. Э. Рош пишет: «Когда мы слышим общее имя (a category word) естественного языка, такое, как *мебель* или *птица*, то какого рода представление оно вызывает в нашем сознании? Список признаков, необходимых и достаточных для принадлежности к данной категории? Конкретный образ, который репрезентирует эту категорию? Список членов категории? Способность употреблять категориальные термины вообще без всякой опоры на ментальные представления? Или какие-то другие, труднее определяемые формы представления?» [Roch 1975, с. 193]. Полагаем, последнее. Потому что *слышим* мы любое *имя*, в том числе и *общее*, в контексте, в ситуации, в дискурсе, и для нас в естественных условиях общения и употребления – всегда – важно только это *актуализированное* имя, сказанное нам или нами *почему-то*.

Э. Рош обратила внимание на категоризацию как таковую, занялась поисками её, однако эти исследования, как нам представляется, носят половинчатый характер: то, что исследует Э. Рош, не вполне категории. Дж. Лакофф подчёркивает, что на третьем этапе своих исследований и сама «Рош пришла к выводу, что вопрос о соответствии экспериментально выявленных прототипных эффектов ментальным представлениям остаётся открытым. Прототипные эффекты лишь ограничивают область того, чем могут быть ментальные представления, однако взаимно однозначного соответствия между ними нет. Прототипные эффекты имеют определённые “источники”, однако мы не в состоянии их выявить» [Лакофф 1995, с. 159].

Их и невозможно выявить в искусственных условиях эксперимента, где нет ни ситуации, ни контекста, ни общения, ни интенций. Однако «другие, труднее определяемые формы представления», «источники» необходимо определить и выявить, потому что они имплицитно присутствуют в любой

нашей речи, которая, на наш взгляд, и возможна только благодаря этим *естественным глобальным языковым категориям*.

Обратимся к работе Н.Ю. Шведовой 1998 г. о местоимениях как смысловых исходах [Шведова 2005, с. 445–543]. Её труд направлен на поиски *наиболее обобщённого языкового смысла*, на целостную организацию *языкового смыслового пространства*, что тождественно поискам глобальных языковых категорий, которые автор называет «вершинными». Почти в самом начале своей работы, обосновывая предмет своего исследования, Н.Ю. Шведова ссылается на Аристотеля: «Здесь целесообразно вспомнить о философских категориях Аристотеля, по существу оказывающихся также и категориями языковыми: все они определяются посредством слов с самым абстрактным значением и, что очень важно, в большинстве своём посредством местоимений» [Шведова 2005, с. 452].

Нам представляется, что высказывание Н.Ю. Шведовой можно было бы продолжить более категорично: философские категории Аристотеля *непрерывно* являются и языковыми – хотя бы потому, что во времена Аристотеля не существовало науки лингвистики, а языковые проблемы отождествлялись с философскими и решались, так сказать, купно. Из того обстоятельства, что категории Аристотеля определяются – «*в большинстве своём*» – местоимениями, вытекает, на наш взгляд, два следствия: во-первых, *не все* категории Аристотеля охватываются местоимениями, во-вторых, для Аристотеля была важна *не форма* выражения, а *сущность* проблемы, и он, вслед за Платоном с его эйдосами, искал *наиболее общие смыслы бытия*.

В то же время мы отдаём должное глубине исследовательской мысли Н.Ю. Шведовой: в её исследовании наиболее адекватно на сегодняшний день продолжены и отражены в лингвистике эти общие смысловые языковые категории. Это именно *смысловые* категории, более общие, чем *прототипы* Е. Рош или семантические *инварианты* А. Вежбицкой, поскольку и те, и другие рассматриваются не в сфере *смысла*, а в области *значения*, ограничиваясь по сути дела только словом. А «*ущербность нашего слова заключается в том, что оно изолировано*, хотя и сохраняет в себе все моменты определения первоначальной сущности» [Лосев 2009, с. 223. *Курсив А. Ф. Лосева*].

Принципиально диалектический подход А.Ф. Лосева даёт возможность мыслить слово-имя не линейно, но как целое, сущность (эйдос) которого одновременно находится и в *целом*, и в каждой его *части*, потому что «целое» есть диалектический синтез «одного» и «многого»: «Именно *один и*

тот же шкаф и един и множественен, *один и тот же* шкаф есть и целое и части, *один и тот же* шкаф есть целое, не содержащееся в отдельных частях (ибо каждая часть не есть целое) и в то же время *только в них* и содержащееся (ибо не может же шкаф находиться сам вне себя)» [Лосев 2009, с. 86–87]. И тогда нельзя считать дейктическую систему языка более абстрактной системой, чем классы других «человеческих» слов в языке. Местоимения, даже те, которые Н.Ю. Шведова полагает «исходами» (термин Н.Ю. Шведовой), формирующими смысловое пространство языка, выражают лишь *степень абстракции*, хотя и большую, чем та, которой обладают другие «человеческие» слова. И вот эту *максимальную для нашей линейной речи абстракцию и выражают* местоимения. Другими словами, местоимения как класс «нормально-человеческих» (по Лосеву) слов, хотя и обладают высокой степенью обобщённости, относятся к плану *выражения*. Тогда как *категории*, по нашему глубокому убеждению, *не могут быть выражением самих себя*. Они только *мыслятся*. В этом легко убедиться на примере грамматических категорий: для того, чтобы выразить падеж (грамматическая категория), нужны флексии (средство выражения), лицо (грамматическая категория) – местоимение в соответствующей форме (средство выражения), время (грамматическая категория) – соответствующая форма глагола (средство выражения) и т. д. Грамматические категории «подчиняются» категориям более общего порядка, языковым, прообраз которых, несомненно, Категории Аристотеля. Но только прообраз. Сегодня нельзя не учитывать их последующую историю.

Конструктивна сама идея Н.Ю. Шведовой о существовании *естественной языковой закрытой исчислимой «вершинной» системы* [Шведова 2005, с. 449–461], а также указание на исторический «исход» этой идеи от категорий Аристотеля. Однако мысль о том, что такой системой является дейктическая система языка, представляется не столько спорной, сколько недостаточной, точнее, недостаточно «вершинной». Несмотря на прозрачный смысл *местоимения* – быть «вместо имени» (вместо слова), анализируемая Н.Ю. Шведовой система обращена к высказыванию, к тексту [Шведова 2005, с. 495], а значит, может быть понята – из всего контекста исследования – как указание на место имени *в тексте, высказывании, речи*. Однако если продолжить развитие этой идеи, то естественно будет обратиться к *ситуации и общению*. Здесь уместно вспомнить и риторические *общие места*, которые в некоторых исследованиях понимаются как смысловые

модели [Михальская 1996]. И тогда не местоимения, а *общие места как смысловые модели* – СРАВНЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ДЕЙСТВИЕ и т.д. – образуют определённые смысловые пространства языка, метакатегориальную языковую систему, в которую действительная система входит как один из способов выражения (реализации) в речи. Но и этого мало: смысл должен быть организован. Поэтому *смысловые модели* А.К. Михальской, мы заменяем *структурно-смысловыми* и перечень их, в отличие от А.К., полагаем *исчислимым*.

В 2007 году к указанной работе Н.Ю. Шведовой обращается Ю.Л. Воротников: «Замкнутый список исходных, глобальных категориальных языковых смыслов и незамкнутое множество смыслов, поставляемых говорящим для языкового выражения, не вступает в противоречие <...> Система исходных языковых смыслов достаточно гибка, чтобы позволить говорящему реализовать любые его смысловые интенции. Можно сказать, что язык в смысловом отношении соразмерен человеческому мышлению» [Воротников 2007, с. 51] Конечно соразмерен! Но понять и исследовать эту соразмерность можно только в том случае, если опираться на единицы, которыми могут соизмеряться и язык, и мышление, и речь, а в конечном итоге – коммуникация в реальном бытии-мире. Ю.Л. Воротников говорит о местоимённых исходах Шведовой, а не о топике. Однако оба учёных обращаются к «старшему брату» – «Категориям» Аристотеля. К сожалению, Ю.Л. Воротников проводит параллель «местоимённых исходов» с категориями Аристотеля и не обращает внимания на его топик. Есть и другие современные исследования, в которых, наоборот, анализируется топика Аристотеля и никак не привлекаются его категории [Боровкова 2009, 2011]. Тогда как эти произведения Аристотеля, безусловно, связаны очень тесно: топика на практике показывает, как действуют категории в живой человеческой речи. И исчислены у Аристотеля именно категории, а не топы, понимаемые как способы. Если пользоваться терминологией Ю.Л. Воротникова и Н.Ю. Шведовой, можно сказать, что ТОПЫ – это исходные, глобальные *категориальные языковые* смыслы, тогда как «незамкнутое множество смыслов» – это *коммуникативные смыслы*, которыми в процессе общения реализуются интенции общающихся.

В связи с необходимостью разработки интегративной лингвистической парадигмы следует обратиться к ещё одной древней проблеме, теснейшим образом с ней связанной, к проблеме языковых универсалий. Часто понимаемая примитивно, эта проблема рядом учёных просто снимается с

повестки дня. Например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре логическое направление в языкознании характеризуется «тенденцией к выявлению универсальных свойств языка *в ущерб* его национальным особенностям», а «выработка единых принципов анализа языка» отождествляется с «*общим для всех языков представлением структуры предложения, системы частей речи* и др.» [ЛЭС 2009. *Курсив мой.* – В.С.]

Никакого «ущерба» национальным особенностям языка при выявлении его универсальных свойств не может быть нанесено при условии *диалектического* подхода к проблеме; сами же универсальные свойства имеют косвенное (опосредованное) отношение к структуре предложения или частям речи. В 1961 году Ч.Ф. Хоккетт писал: «...наша цель – не изобретать языковые универсалии, а открывать их. Но как открывать их – не очень ясно. Было бы справедливым утверждать, что задачи, которые преследует поиск универсалий, совпадают с общими задачами лингвистики по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, это утверждение истинно в эвристическом смысле: мы не можем быть уверены, и это касается любой области лингвистического анализа, что тот или иной анализ не приведёт к обнаружению чего-либо существенного для поиска универсалий. Во-вторых, правдоподобие (если не неизбежная истинность) этого утверждения обнаруживается, когда мы принимаем одно из возможных определений лингвистики как отрасли науки, той отрасли, цель которой определить место человеческого языка во вселенной» [Хоккетт 1970, с. 45]. Ч.Ф. Хоккетт, с одной стороны, связывает лингвистические универсалии и интегративную лингвистическую парадигму в единую проблему, а с другой стороны, демонстрирует *диалектический подход* к проблеме, который сегодня в исследованиях, посвященных языку, на наш взгляд, практически не применяется, хотя однозначно декларируется, как... общее место.

Именно через универсалии может быть продуктивно рассмотрена и объяснена репрезентация мыслительных структур в языке. Хотя можно говорить, как нам представляется, не о «репрезентации мыслительных структур в языке», а об *общей коммуникативной речемыслительной структуре*, о системе таких единиц, которые органично функционируют в интеллекте (мышлении), языке (речи) и общении (понимании), динамически связывая их. Понятно, что эта система единиц (топов) представляет собой систему универсалий.

Хотя традиция диктует другое: часто всё, что выше, «абстрактнее», синтаксиса относят уже не к языку, а к мышлению и логике. Характерным в этом отношении является выделение авторитетнейшим лингвистом-философом прошлого века О. Есперсеном *понятийных категорий как внеязыковых* [Есперсен 1958, с. 58]. Однако это не мешает сегодня справедливо полагать, что именно посредством этих категорий осуществляется «исследование языка с внутренней стороны» [Худяков 2006]. Такое – одновременно внеязыковое и внутриязыковое – положение тех *понятийно-коммуникативных категорий*, которые составляют топику, обусловлено её диалектическим происхождением и каждодневным функционированием в современной коммуникативной практике.

Идея сформировать современный перечень топов-моделей исходит от Аристотеля и его категорий «числом десять»: «Из слов, высказываемых без какой-либо связи, каждое означает или *сущность*, или *качество*, или *количество*, или *отношение*, или *место*, или *время*, или *положение*, или *обладание*, или *действие*, или *страдание*» [Аристотель 1939, с. 78]. Нами список современных топов (напомним, Аристотель исчислял не топы, а категории) формировался по критериям, обусловленным практической необходимостью в процессе общения людей и степенью актуальности для общающихся при спонтанной коммуникации. Для этого важно понять, каким образом топос – общее место и топ – структурно-смысловая модель соотносятся друг с другом.

Топ (структурно-смысловая модель) и *топос* (общее место) и в прошлом, и сегодня часто отождествляются. В современной филологии, в литературоведении в частности, подчёркивается его *универсальность*, которая ставится в один ряд со *статичностью*: «В составе культуры (искусства и литературы в частности) различимы явления индивидуализированные и динамичные – с одной стороны, с другой же стороны – универсальные, надвременные, статичные, нередко именуемые топикой (от др.-гр. *toros* – место, пространство)» [Хализев 2004]. Полагаем, что *динамичные* структуры тоже могут быть универсальными и не могут не быть диалектическими, т.е. топическими (топологическими). Только их надо искать не в созданных произведениях искусства и культуры (там функционируют топосы), а в головах общающихся людей, сформированными на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

В первом приближении можно считать, что «общие места» и «структурно-смысловые модели» соотносятся как *конкретное* и *абстрактное*. Таким образом, анализируя принципиальные различия топов и топосов, *сравнивая* их, мы тоже пользуемся системой структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, потому что только такой анализ (топологический) выявляет их существенные *признаки*. Сравнительная характеристика топов как ССМ и топосов (общие места) представлена в ТАБЛИЦЕ.

ТАБЛИЦА

Топы как общие места (топосы)	Топы как ССМ
В риторике: «общие места», «хранилища» идей вместе с их содержанием	В коммуникативистике: структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла в процессе общения
Имеют бесчисленное множество вариантов	Представляют собой исчислимое количество инвариантов
Содержат общие нравственные и философские положения, которые считаются общепринятыми в данном социуме	Представляют собой систему общих «матриц» для выражения собственного мнения в процессе коммуникации
Статичны , привязаны к конкретному высказыванию, тексту или речи	Динамичны , способны трансформироваться и взаимодействовать в процессе спонтанного общения в зависимости от ситуации и намерений коммуникантов
Выражают определённый смысл, как правило, в виде законченных предложений	Порождают и структурируют коммуникативный смысл в процессе общения; не связаны с предложением как синтаксической единицей
Этикомемы , существующие в сознании общающихся в виде нравственных констант, сознательно используемые в качестве аргументов	Модели , существующие в ментальном пространстве общающихся и используемые в спонтанном общении на неосознаваемом уровне

Таким образом, общие места – это то общее, что одинаково оценивается по нравственно-этическому содержанию. Например, общая "этикомема" (то, что общепринято как этическая ценность) – "Друг познаётся в беде". Если рассматривать то же самое как ССМ, то это топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. Но это только если не учитывать, в какой ситуации это сказано, а рассматривать исключительно как абстрактное предложение безотносительно к какой-либо ситуации, как минимальный контекст, обусловленный только предложением. Та же реплика может оказаться реализацией совсем другой ССМ, если появится какой-то более широкий контекст, дискурс, цель, с которой это сказано, адресат, которому это сказано. Например: "Говорят, что друг познаётся в беде, а я считаю, что он познаётся в радости, которую он разделяет со мной". Контекст расширился, возникла другая ССМ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, и первоначальное высказывание, став ЧАСТЬЮ этого противопоставления, может рассматриваться как ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ.

В русской риторике «*общие места*» осознавались не как универсалии языка и сознания, а как то, что должно быть окрашено моральной идеей, как *общие для всех морально-этические положения*. Тогда как ССМ – это общие матрицы возможного смысла в самом общем виде, которыми мы пользуемся, чтобы взаимодействовать в коммуникации. Наша коммуникация диалектична, потому что в процессе общения наши мнения редко полностью совпадают, и мы должны приходить к консенсусу через взаимодействие-борьбу мнений.

Чтобы сосредоточиться на понимании коммуникации как процесса и понять, почему это важно, следует обратиться к понятию *категории* в современном значении. Будем исходить из двух определяющих признаков: 1) слово происходит от греч. *kategorein* – высказывать, значит изначально связано с пониманием и коммуникацией; 2) термин обладает очень высокой степенью абстрактности и обобщённости и служит, как правило, для упорядочения представлений о том или ином достаточно сложном объекте или явлении. Второе часто приводит к тому, что и в науке, не только в разговорном языке, *категоризация* отождествляется с *классификацией* и порой сводится к таксономии (что вполне продуктивно при определённых задачах исследования). Первое же часто забывается, и в процессе исследования на первый план выходит *познание* и *понимание*, связанное с познанием же, а не с коммуникацией. Нам представляется возможным другой подход, при котором когниция *подчиняется* коммуникации, понимаемой очень широко: и как

общение людей, и как общение человека с миром, и как опосредованное печатными произведениями общение поколений. Однако определяющим и наиболее актуальным объектом исследования мы полагаем бытовую повседневную коммуникацию людей для осуществления бытовых повседневных задач, каждодневно возникающих и каждодневно решаемых обычными людьми.

Изначально *категории* понимались как бытийные. Однако уже сам перечень этих категорий заставляет сомневаться, можно ли их относить исключительно к бытийным: *сущность, качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание* [Аристотель 1939, с. 6]. Совершенно очевидно, что они не только бытийные, но и понятийные, связанные с тем, как человек *понимает* окружающий мир. Вывод Ю.С. Степанова: «Аристотелю удалось <...> наметить отношения между основными и подчинёнными категориями» [Степанов 1998, с. 552–553], конечно же, справедлив. Однако остаётся открытым вопрос о том, каким образом определяется, *какие* из категорий являются *основными*, а какие – *подчинёнными*? Каков критерий такой соподчинённости? Полагаем только один: **коммуникация**, необходимость и достаточность функционирования в общении.

Это понятийно-бытийное существование категорий отражено сегодня в философском определении: «В философии категории, с одной стороны, наиболее общие и вместе с тем простейшие формы действительности, высказываний и понятий, "родовые понятия" (Кант), от которых происходят остальные понятия (*категории познания, сознания*), а с другой – первоначальные и основные формы бытия объектов познания (*категории бытия, категории реального*)» [ФЭС, с. 204].

В теории познания утверждается, что «познание возможно, потому что категории познания идентичны категориям бытия. Однако как неверно говорить, что все категории познания являются категориями бытия, так неправильно доказывать, что все категории бытия представляют собой одновременно и категории познания. Если бы было действительно первое, то всякое познание содержало бы чистую истину; если бы было действительно второе, то всё сущее было бы познаваемо без остатка» [ФЭС, с. 350].

Что же происходит, если во главу угла поставить коммуникацию?

Во-первых, это значит, что определяющим в исследовании становится *взаимодействие* равноправных субъектов.

Во-вторых, *каждый* человек проявляет себя «здесь и сейчас», т.е. в каждый момент общения, как *целостная личность*, т.е. во всем спектре своих эмоционально-экспрессивных и интеллектуально-ментальных особенностей.

В-третьих, объектом исследования лингвиста уже не может быть исключительно речь/язык, потому что значительная часть общения происходит без участия языка, но исключительно важными становятся *контекст и ситуация* общения, которые и обуславливают *использование* как вербальных, так и невербальных средств.

В-четвёртых, как существеннейшая часть ситуации общения рассматриваются интенции, т.е. *намерения, мотивы и цели* коммуникантов, которые проявляются только в коммуникации.

В-пятых, исключительное значение придаётся *мнению*, разным точкам зрения, взглядам общающихся.

В-шестых, изучение общения происходит на основании *вероятностной диалектики*, которая реализуется топикой как системой структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, существующей в языке как система вершинных языковых категорий, а в мышлении – как ментальный язык.

Н.Н. Болдырев полагает, что «исследование языковых категорий невозможно вести в отрыве от порождающих их познавательных процессов и, прежде всего, процесса категоризации, который является одной из ведущих функций человеческого сознания» [Болдырев 2006, с. 21]. В самом деле, «Категоризация – мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека» [Задворная 2003, с. 480].

Но мы не производим эту операцию каждодневно! В нашем сознании уже присутствуют общие понятия, абстрактные категории, сформированные до нас в процессе исторического развития человеческого сознания, начиная с древнейших времен, и осваиваемые нами до языка в процессе онтогенеза [Садикова 2011, с. 113–115]. Именно они обеспечивают нам взаимопонимание в процессе взаимодействия, называемого коммуникацией. Коммуникация как очень практическое и прагматическое занятие, накладывает ограничения на возможность использования тех категорий, которые существенны, например,

для философии. Для нас, например, в момент общения «здесь и сейчас», не важна категория *сущность*: она должна сформироваться ДО общения относительно конкретного предмета общения (как фоновое знание, минимум, необходимый для того, чтобы *начать* общение), потому что иначе нет смысла начинать общение или оно становится абсурдным, как в анекдоте про глухого: «— Здорово, кума! — Да на рынке была. — Никак глуха? — Купила петуха. — Прощай, кума! — Пять алтын дала». Для понимания в процессе общения значительно важнее *сущности* ИМЯ и ОПРЕДЕЛЕНИЕ, чтобы знать, что мы говорим *об одном и том же* и можем (поэтому!) выяснить момент разногласий. Сама же *сущность* предполагает то, что (относительно) объективно, (относительно) независимо от людей существует, что в принципе неважно в момент общения «здесь и сейчас», потому что не является определяющим для формирования в процессе общения *коммуникативного смысла*. Другими словами, фокус внимания в момент общения находится не на том, *что есть что*, а на том, что мы об этом *думаем*, каково наше *мнение* и зачем это нам *нужно*.

Таким образом, кроме категорий бытия и категорий познания правомерно выделять *категории коммуникации* – не описывающие коммуникацию, а обеспечивающие её существование, протекание, *процесс общения*. Частично они совпадают с категориями бытия и категориями познания, но только внешне, поскольку обозначаются одним и тем же словом. Если же не упускать из виду их главную задачу – быть базой взаимопонимания в процессе общения, то внешне совпадающие категории не совпадают *по функции и смыслу*, а значит – являются принципиально другими.

Неудовлетворенность античной парадигмой категоризации в сознании многих современных лингвистов, полагаем, является следствием того, что античная парадигма рассматривается сквозь призму формальной логики и поэтому воспринимается исключительно как предметная [Садикова 2015, с. 98–100]. Отсюда поиски категоризации на других основаниях. На сегодняшний день наиболее конструктивными и авторитетными теориями категоризации являются теория семейного сходства Л. Витгенштейна, теория прототипов и базового уровня Э. Рош, теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа. Исследованию этих теорий посвящено много замечательных работ (например, [Худяков 1999], [Ивашкевич 2011], [Мишуткина 2012]); их стремятся развивать, совершенствовать и применять в практике исследования. Однако в

ряде новейших работ по-прежнему царит предметность, основанная на классификации реальных объектов: «Структура объективной реальности окружающего нас мира отражается в языковом сознании человека в виде *категорий – неких универсальных концептов*, присущих человеческому мышлению» [Экономические и гуманитарные исследования регионов 2011]; «категоризация, т.е. деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям, понимается лингвистами-когнитологами как "интерпретация конкретного события или объекта в качестве отдельного проявления какой-либо категории, что позволяет назвать этот объект или событие определённым словом"» [там же]. Кроме того, хотя в ряде работ анализируется «современное понимание процесса категоризации в рамках *когнитивно-коммуникативной лингвистической парадигмы*», *коммуникативная* составляющая этого процесса остаётся за пределами анализа. Создаётся впечатление (думаю, ложное), что когнитологов коммуникация не интересует. Представляется полезным иногда возвращаться к истокам, может быть, не таким отдалённым, как Аристотель. Например, У.Л. Чейф, значительное внимание уделяет коммуникации, хотя и рассматривает её «среди прочих процессов». У.Л. Чейф не выделяет коммуникативные категории, но «анализирует проблему сочетания увеличивающегося инвентаря понятий со *строго ограниченным набором* языковых символов, пишет о *нелинейном* характере понятий» [Чейф 1975, с. 38–40. Курсив мой. – В.С.], т.е. рассматривает моменты, существенные для коммуникации.

Один из основоположников когнитивной лингвистики Дж. Лакофф выделяет в своей экспериенциалистской теории *доконцептуальный* уровень: «Концептуальная структура является значимой, потому что она *воплощена*, то есть она возникает из нашего доконцептуального телесного опыта и связана с ним <...>; форма концептуальных структур частично обусловлена природой доконцептуальных структур <...>; если концептуальная структура возникает из доконцептуального опыта, **доконцептуальный опыт сам должен быть структурирован**» [Лакофф 2011, с. 348. Выделено мной. – В.С.]. Учёный ставит вполне конкретный вопрос: «Какие виды доконцептуальных структур, из которых возникают концептуальные структуры, существуют в нашем опыте?» Однако Дж. Лакофф также НЕ базируется в своих рассуждениях на коммуникации, и поэтому часть *концептуального* «базового уровня» Э. Рош просто перемещает в *доконцептуальный* опыт, присоединяя к нему и второй

вид доконцептуальных, как он считает, структур – «кинестетические образно-схематические структуры» типа «*путь, связь, сила, равновесие*». Он также относит к доконцептуальному опыту структуры «*верх-низ, спереди-сзади, часть-целое, центр-периферия*», которые «постоянно повторяются в разнообразных ситуациях ориентации и связей с другими объектами» [там же]. С тем, что они «постоянно повторяются» и что именно это позволяет нам их выделять, мы согласны. Но их выделение Дж. Лакофф производит слишком произвольно. Например, ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ действительно представляют собой доконцептуальные структуры, но *верх-низ, спереди-сзади, центр-периферия* – это структурно-смысловая модель ОБСТОЯТЕЛЬСТВО *места*, именно она доконцептуальна и имеет *коммуникативный* смысл в практике общения. Произволен и бесконечно может быть продолжен и первый вид предлагаемых Лакоффом структур: *путь, связь, сила, равновесие*. Это явно концепты, а не доконцептуальные структуры, которые могут иметь какой угодно коммуникативный смысл в конкретной ситуации общения. А реализовываться (*воплощаться*) они будут посредством структурно-смысловых моделей-топов из приведенного выше списка. Другими словами, каждый из этих *концептов* может обрести коммуникативный смысл ИМЕНИ, ОБЩЕГО или КОНКРЕТНОГО, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (цели, места, времени), КАЧЕСТВА, ПРИЧИНЫ, СИМВОЛА и пр. (по списку, но не более того) в конкретной ситуации общения в зависимости от интенций общающихся. Мы полагаем, что наш доконцептуальный опыт изначально приобретается в процессе общения нашего *тела* с окружающим миром и другими людьми *с момента рождения*. И в дальнейшем этот доконцептуальный опыт никуда не исчезает, а продолжает функционировать в виде коммуникативных категорий-топов в процессе общения, конкретизируясь посредством уже *концептуальных* структур в зависимости от интенций общающихся.

На наш взгляд, *доконцептуальный* не значит *доязыковой*, поэтому мы настаиваем на том, что топика представляет собой вершинный *языковой* уровень. «Если до недавнего времени семантика (как лингвистическая область) противопоставлялась прагматике (как области нелингвистической), то теперь выявляется неоднородность семантического уровня, и прагматические компоненты могут рассматриваться как частные сферы семантического представления» [Кибрик 1992, с. 20]. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что прагматика такая же лингвистическая область, как и семантика. Полагаем,

не только прагматику не имеет смысла противопоставлять семантике, но и коммуникацию в целом (а значит и топику) невозможно игнорировать. Топика позволят выработать конструктивный подход к категоризации, концептуализации и классификации и может стать искомой интегративной лингвистической парадигмой, в которой язык/речь не отрываются от коммуникации, а изучаются именно в ней как естественной среде обитания, обусловленной человеческим фактором. «Душа свободно говорит нам о своём бессмертии, но доказать его нельзя. *Науки ищут то, что остаётся неизменным при всех изменениях (вещи или функции)*». [Бахтин 1996, с. 7. *Курсив мой. – В.С.*]. Как же совместить целостно-изменчивое «бытие человеческой души» и «то, что остаётся неизменным при всех изменениях»? Полагаем, только изучая Бытие *в процессе* изменений, т.е. диалектически, где под Бытием понимаются не только вещи (в самом широком смысле), но и то, что мы о них думаем и говорим друг другу в процессе коммуникации.

Таким образом, топы как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла в процессе общения с полным правом можно полагать ***коммуникативными категориями.***

МЕНТАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНЫЙ СМЫСЛ

Каждый *реализованный* в конкретной ситуации топ – это обретенный в ней *смысл*, который теснейшим образом связан с интерпретацией ситуации общающимися, а «интерпретирование связано с проекцией содержания высказывания как на внеязыковую реальность, так и на внутренний мир интерпретатора» [Демьянков 1980, с. 346]. Например, элементарное предложение «*Строят дом*» вне ситуации обладает абстрактным содержанием, но не имеет коммуникативного смысла. Как только эта фраза реализуется в ситуации, она обретает определённый смысл, сформированный тем или иным топом.

Ситуация 1. Здесь всегда можно было проехать на машине, а сегодня всё перегородили. В чём дело? А, *строят дом...* (топ ПРИЧИНА).

Ситуация 2. Тут был заброшенный пустырь, а теперь совсем другое дело, *строят дом...* (топ ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ).

Ситуация 3. Каждый человек должен в своей жизни совершить три дела: вырастить сына, посадить дерево, *построить дом* (Разновидность одного из трёх самых главных дел человеческой жизни; топ ВИД).

Как видим, под ситуацию подстраивается и грамматика, но коммуникативный смысл определяет не она, а топ. Ситуация 1 и Ситуация 2 могли бы, если исходить из формального построения предложения, рассматриваться одинаково – как противопоставление, но если учитывать *актуальность* для говорящего *смысла* данного высказывания, то становится очевидным, что они не равнозначны: в первой ситуации актуальна ПРИЧИНА, во второй – ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ. Хотя противопоставление как предпосылка присутствует и в первой ситуации.

Потенциально мы располагаем не только словарным запасом и набором грамматических правил, но и – прежде всего – системой «идеальных» моделей формирования коммуникативного смысла, связанных с постоянной потребностью взаимодействия в процессе общения в реальной действительности. Эти модели обращены в реальный мир, структурированный по законам бытия, и отражают *актуальную* действительность и наше к ней *отношение*. В реальном общении мы выделяем фрагмент действительности не для наименования (поименовано всё до нас), а для того, чтобы что-то о нём сказать другому человеку, чтобы посредством этого денотата, выделив в нём те

или иные стороны, соотнеся его с другими денотатами, выразить собственное мнение, убедить в нём другого человека.

Возьмём какое-нибудь элементарное предложение, например: *Я иду в библиотеку*. Вне ситуации это просто сообщение (констатация факта), где наиболее важным представляется *обстоятельство* места. И тогда топ ничем не отличается от члена предложения. На самом деле, полагаем, всё обстоит иначе. Члены предложения – это *застывшие* элементы в формальном высказывании, взятом вне контекста, или в *письменном* тексте, анализируемом линейно, по предложениям. Представим себе, что это предложение сообщается *зачем-то*, содержит интенцию говорящего.

Ситуация 4. Друзья поссорились, обида ещё не прошла, но один из них хочет предоставить другому возможность продолжения общения, поэтому, уходя, говорит: «Я иду в библиотеку», т.е. вот где я буду; если хочешь помириться, можешь меня там найти. Я тебе об этом сообщаю, потому что *хочу* помириться и таким образом косвенно *убеждаю* найти меня там. Так в реальном общении действует топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО (а не член предложения *обстоятельство*), который в данном реальном высказывании – **одновременно** – ОБСТОЯТЕЛЬСТВО *места* и ОБСТОЯТЕЛЬСТВО *цели*, потому что так «здесь и сейчас» выражен **смысл** сказанного в общении.

Ситуация 5. Друзья поссорились; один из них хочет уйти, чтобы прекратить общение, может быть, навсегда, и находит повод: *Я иду в библиотеку*. Оба понимают (из более широкого контекста), что дело не в библиотеке, товарищ её «приплёл», чтобы обосновать *сиюминутность* ухода, а важен именно *уход*. И тогда мы имеем дело уже с топом ДЕЙСТВИЕ как поступком, в результате которого могут прекратиться дружеские отношения.

Ситуация 6. Сын пошёл на футбол, хотя обещал матери пойти в библиотеку. Оправдываясь, он ссылается на друзей, которые его соблазнили нарушить обещание. Мать советует: «А ты бы сказал *Я иду в библиотеку*». В данном контексте анализируемое высказывание выступает как топ СВИДЕТЕЛЬСТВО (как фиксированное обещание). Если же мальчик действительно в ответ на предложение друзей пойти на футбол сказал «*Я иду в библиотеку*», то мы имели бы дело уже с топом ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ.

Чуть-чуть изменим ситуацию (хотя этого можно было бы и не делать): *Я иду в школу*.

Ситуация 7. Сестра просит брата сбежать в магазин за хлебом. Брат отвечает: *Я иду в школу* (т.е. не могу пойти за хлебом, потому что мне пора идти в школу). Коммуникативный смысл выражен высказыванием *Я иду в школу* и реализован топом ПРИЧИНА.

Ситуация 8. Знакомый приходит в семью, в которой не был семь лет. Видит ребёнка, о существовании которого даже не знал. Невольно восклицает: «О, у вас малыш...». Дети не любят, когда их называют малышами. Ребёнок реагирует: *Я иду в школу!* (т.е., я уже большой, а не маленький). Коммуникативный смысл реализован топом ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ и выражен тем же самым высказыванием *Я иду в школу*.

Если рассматривать функционирование топики в онтогенезе, то окажется, что существует определённая (но не жёсткая) *последовательность* освоения топов только что родившимся человеком, и начинается оно не с имени. Ж. Пиаже когда-то сказал: «Двойственная природа интеллекта, одновременно логическая и биологическая, – вот из чего нам следует исходить». Следуя Ж. Пиаже, будем исходить из двойственной природы интеллекта, под которым в данном исследовании понимаем не развитое сознание образованного человека, а *способность* к развитию, в том числе коммуникативному и языковому, заложенному в биологической природе человека от рождения. До языка и до коммуникации человек начинается с *движения*: родился – значит начал двигаться. Непроизвольные движения постепенно начинают переходить в осознанные ДЕЙСТВИЯ: потянулся к игрушке, улыбнулся маме. Эта игрушка *гладкая*, а эта – *мягкая*: осваиваем топ СВОЙСТВА. Мокрые пеленки причиняют СТРАДАНИЕ (воздействуют негативно), а сухие нет: осваиваются *практически* топы ПРИЧИНА, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ. Руки, лицо, питающая грудь – ЧАСТИ очень хорошего ЦЕЛОГО, которое называется *мама*. Место на руках у мамы лучше, чем другое место, например, в кроватке; захотел кушать – ищет грудь (появилась *цель*); кормят в одно и то же время, т.е. ребёнок осваивает ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места, цели и времени.

Таким образом, ребёнок начинает понимать первичную логику окружающего мира и своего функционирования в нём, обусловленного физиологическими потребностями, актуальными для него «здесь и сейчас». И, наконец, задолго до начала освоения собственно языка, приходит понимание того, что *всё в мире как-то называется*, и ребёнок готов к освоению топа ИМЯ, а значит – к овладению языком. Мой сын первые слова произнёс в год, а

показывать пальчиком на *называемый* предмет научился к семи месяцам, т.е. *интеллект* уже функционирует, *общение* уже происходит, хотя *язык* – как средство коммуникации – ещё не освоен.

Топы ОБЩЕЕ (абстрактное), ЧАСТНОЕ (конкретное), РОД, ВИД осваиваются человеком позже ИМЕНИ и свидетельствуют о *расширении* мира ребёнка и начале социализации. Именно этот период, как правило, попадает в поле внимания исследователей-экспериментаторов, и психологов, и лингвистов, видимо, потому что пока ребёнок не может ИМЕНОВАТЬ, исследователь не может делать адекватные выводы.

Топы ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО уже очевидно «социумные» топы, потому что их освоение требует, с одной стороны, определённого знания языка, чтобы можно было дать хотя бы элементарное объяснение (определение) явлению (*гроза – это когда гром и молния*), а не только назвать его; с другой стороны, надо иметь хотя бы минимальный жизненный опыт и опыт общения с другими людьми, чтобы суметь привести ПРИМЕР (*а Роме купили велосипед*) или сослаться на чьё-то мнение, т.е. употребить СВИДЕТЕЛЬСТВО (*мама сказала «можно»*). Хотя *подражание* как начало освоения ПРИМЕРА, доступно уже очень маленьким детям.

В зрелом возрасте мы продолжаем пользоваться топами как базовой системой взаимопонимания, потому что именно система топов (структурно-смысловых моделей) позволяет нам адекватно структурировать мир, совершенствовать и усваивать знания, приобретать дальнейший жизненный опыт и общаться. Их последовательность, предложенная в перечне, перестаёт иметь для нас значение. Мы пользуемся ими подсознательно и (почти) автоматически, но в каждой новой ситуации общения топы формируют конкретный коммуникативный (и вербальный, и невербальный) смысл, адекватный ситуации общения.

Хотя интуитивно совершенно понятно, что такое *общение*, дать однозначное и в то же время глубокое определение, на наш взгляд, не представляется возможным. То же относится и к определению *интеллекта*. По большому счёту то же самое можно сказать и о *языке*. Однако то, что эти три сферы теснейшим образом взаимосвязаны и обладают двойственной природой – «одновременно логической и биологической», нам кажется совершенно очевидным. Отсюда закономерно и то, что эта взаимосвязь должна находить своё отражение *в общей структуре*. Мы видим эту общую

структуру в *топике*, понимаемой как базовая система структурно-смысловых единиц (моделей, инвариантов) общения, порождающих *коммуникативный* смысл.

Таким образом, *топика* представляет собой *общую для интеллекта/мышления, языка/речи и бытия/коммуникации структуру*, которая, одновременно присутствуя во всех трёх сферах (каждая из которых дуалистично-диалектична), органично связывает их в процессе функционирования, определяя сиюминутный *смысл* общения в бытии. В этом отношении *топику* можно полагать ***ментальным языком***, посредством которого и формируется ***коммуникативный смысл***.

Мы осознаём, что, говоря о ментальном языке, обращаемся к ещё одной сложнейшей проблеме. Несмотря на то, что попытки создания ментального языка предпринимаются давно: монадология Г.В. Лейбница появилась в начале 18 века, ментализ Дж. Фодора – в середине прошлого; Естественный Семантический Метаязык А. Вежбицкой [Вежбицкая 2001] – наиболее популярная работа по этой теме сегодня, но вопрос остаётся открытым. «Трудности построения ментального языка» [Демьянков 1996, с. 100], отмеченные в словаре когнитивных терминов, не могут быть преодолены, пока «язык мысли» изучается отдельно от коммуникации и рассматривается как аналог языка естественного и в то же время как искусственно построенный.

Полагаем, что ментальный язык не надо изобретать; его надо *выделять* в естественном Языке как универсальную составляющую метаязыкового сознания, а *не вырезать* «в общем ядерном фонде естественных языков» на уровне семантики [Вежбицкая 2001, с. 47].

Для этого следует рассматривать коммуникацию как естественную среду формирования Языка/Метаязыка (в диахроническом аспекте) и его обитания (в аспекте синхроническом). А дискурс – «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, <...> дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях» (Новейший философский словарь, 2014) – как *абстрактное* представление всех возможных ситуаций общения, которое каждый раз в естественной коммуникации *конкретизируется*. Отсюда – характер связи ментального языка и коммуникативного смысла: ***ментальный язык абстрактен, коммуникативный смысл – как порождение реальной ситуации общения посредством ментального языка – конкретен.***

В силу своей предельной абстрактности ментальный язык не должен и не может иметь *синтаксические* свойства, но должен иметь (и имеет!) собственные *единицы*. Полнота и исчерпанность перечня *единиц* ментального языка обеспечивает взаимопонимание людей. Если бы мы не **мыслили коммуникативными единицами-категориями** ИМЯ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ, РОД, ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ, ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА, ДЕЙСТВИЕ, ПРЕТЕРПЕВАНИЕ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ, *процесс* общения был бы невозможен.

Имея исторические корни в глубокой древности, и сегодня в реальной практике коммуникативного взаимодействия топика осуществляет единство когнитивной, эмоциональной и поведенческой сторон и увязывает феноменологическое, социальное и биологическое в единую целостность, которая проявляет себя в каждый текущий момент общения как коммуникативный смысл.

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОВ

Из сказанного выше следует, что диалектически понимаемая топка может быть показана в разных ипостасях. Во-первых, она представляет собой *систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла*; эту ипостась полагаем главной, потому что именно в этом качестве топка функционирует в общении – определяющей функции языка (язык жив, пока на нём общаются). Во-вторых, она является *системой вершинных – или глубинных – языковых категорий*, если учитывать языковую рекурсию; ведь общение невозможно без общей языковой базы, которая усматривается нами не только в родственности (или не родственности) конкретных языков (английский, китайский, русский, армянский и т.д.), но и в том *общем* на категориально-коммуникативном уровне, которое даёт возможность не только осваивать чужие языки, но даже понимать друг друга без слов. В-третьих, топка – это наш *ментальный язык*, так как для того, чтобы общаться, надо мыслить и понимать. Эти три ипостаси топки проявляются в реальном общении «здесь и сейчас» как единое целое, точнее – как «цельнораздельная целостность», которая каждый раз конкретизируется «здесь и сейчас» в процессе естественной коммуникации. Эта «цельнораздельная целостность» структурирована и реализуется исчислимым списком гетерогенных единиц, которые, однако, между собой теснейшим образом связаны и взаимодействуют. Анализу каждой из этих единиц, их специфике и взаимодействию, посвящена эта глава.

Топ ИМЯ

Общеизвестная школьная классификация грамматических категорий сужает значение ИМЕНИ до частей речи – имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, – противопоставляя знаменательные части речи местоимению и глаголу и определяя некоторые *виды* имён: имена собственные, нарицательные, конкретные, собирательные, вещественные и т. д. [Ахманова 2007, с. 174–175]. Однако уже в словаре О.С. Ахмановой называются ИМЯ МЕСТА и ИМЯ КАЧЕСТВА, хотя также ещё в очень узком, традиционно лингвистическом смысле: имя места – «подразряд собственных имён, называющих страны, города, материки и т. п. □ *Русск. Тула, Австралия, Европа*» [Там же, с. 174]; имя качества – «отвлечённое существительное, образованное от прилагательного со значением определённого признака. □

Русск. доброта, белизна» [Там же, с. 175]. Некоторые учёные смотрят на ИМЯ шире, рассматривая его как «номинативный компонент речевой деятельности». [Кубрякова 1984]. Такой подход представляется важным в смысле расширения и углубления сферы лингвистики относительно ИМЕНИ, но всё-таки недостаточным.

Вписывая ИМЯ в систему структурно-смысловых моделей высказывания (топов), мы шли от того понимания, которое вкладывает в него А.Ф. Лосев в своей работе «Философия имени». В то же время мы стремились осмыслить ИМЯ, во-первых, с лингвистических позиций, во-вторых, в максимально практическом плане, на основе употребления в речи.

Как и для А.Ф. Лосева, для нас ИМЯ равно СЛОВУ, любое слово есть ИМЯ. Среди исследователей творчества А.Ф. Лосева бытует справедливое мнение, что его «Философия имени» имеет теологические корни, т. е. речь идет об Имени Бога, которое вынужденно завуалировано из цензурных соображений (работа написана в 1923 году), чтобы быть напечатанной. См. в [Гоготишвили 2009, с. 6–9]; [Постовалова 2009, с. 38–41].

Для лингвиста, как нам представляется, приоритетно диалектически обоснованное *логико-лингвистическое* содержание данной работы А.Ф. Лосева. «Философия имени» есть первооснова языковой концепции А.Ф. Лосева, без знания которой, как справедливо считает Л.А. Гоготишвили, «поздние лосевские труды по языкознанию рискуют остаться превратно понятыми» [Гоготишвили 2009, с. 5].

Отождествление ИМЕНИ и СЛОВА возможно исключительно на основании *обобщающей* функции слова и языка в целом, которая напрямую выводит на связь языка и мира, касается не только и не столько слов и имен, сколько *вещей* в широком смысле. Другими словами, А.Ф. Лосеву удалось установить *естественную* связь имен и вещей, нашедшую выражение в лаконичном «имяславском» тезисе, который Л.Г. Гоготишвили отмечает как ведущий, но своеобразно толкуемый в работе А. Ф. Лосева: *имя вещи есть вещь, но вещь не есть имя* [Гоготишвили 2009, с. 8, 19].

Здесь нашла отражение главная отличительная особенность подхода А.Ф. Лосева как философа к проблеме языка: для него неприемлемо разделение на онтологию и гносеологию [Гоготишвили 1993, с. 910]. Полагаем, что это обстоятельство и позволило ему предложить миру оригинальную и продуктивную концепцию языка, недооценённую в полной мере и сегодня. В

самом деле, как возможно *отдельно* бытие и познание? Ведь познание обязательно требует объекта, познания *чего-то*. И это *что-то* – в широком смысле – есть бытие. И это бытие познаётся (осознаётся) через язык. Таким образом, вместо того, чтобы отделять язык от философии, освободиться от него, А.Ф. Лосев пошёл ему навстречу: «Я не понимаю, как можно говорить и мыслить о бытии помимо слова, имени и помимо мысли» [Лосев 2009, с. 286]. Другими словами, вещь бытует, она есть, но познаётся через имя, через язык. Без имени она глуха и слепа сама по себе и невидима для нас, и мы ничего не можем о ней *сказать* друг другу.

Чтобы *сказать*, надо *мыслить*. Отсюда второе исключительно важное для лингвиста положение языковой концепции А.Ф. Лосева: для того, чтобы появился *язык*, необходимо появление *мышления*. Эта мысль прослеживается не столь явно: «Уже давно было замечено и неоднократно было выставляется, что мышления не существует без слов. Слово, и в частности имя, есть необходимый *результат* мысли, и только в нём мысль достигает своего высшего напряжения и значения» [Лосев 2009, с. 96. *Курсив мой.* – В.С]. Уже здесь заложена идея о том, что *сначала* появляется мысль, а *потом* слово, и понимаемо это может быть как в процессе бытования, функционирования, так и в историческом процессе возникновения, в гносеологии. В более поздней работе А.Ф. Лосев уже прямо пишет: «Часто забывают, что для языка необходимо мышление» [Лосев 1982, с. 94].

Мышление не обязано существовать в вербальной форме. До того, как *стать* вербальным, оно должно пройти огромный путь невербального развития и почувствовать (в лице своего носителя – человека) *необходимость* языка как посредника между вещами и мышлением, вещами и людьми, человеком и человеком. *Сначала* возникает *необходимость* языка, и только *потом* Язык как *называние, именование вещей*. Мышление неизбежно предшествует языку – и гносеологически, и онтологически.

Далеко не все учёные так считают. В советское время была распространена другая идея, опирающаяся на философию К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, на «с головы на ноги» поставленную диалектику Гегеля. Например, Э.В. Ильенков, отождествляя категории и понятия, полагает: «Если в голове человека есть только слова, но нет категорий, то нет и мышления, а есть только словесное выражение чувственно воспринимаемых явлений. Поэтому-то человек и не мыслит сразу, как только научается говорить. Мышление

возникает в определённом пункте развития индивида (как и в развитии человечества). *До этого человек осознает вещи, но ещё не мыслит их, не «размышляет» о них* [Ильенков 1997, с. 64 – 65. Курсив Э.В. Ильенкова].

Нам представляется, что всё происходит совсем наоборот. Для нас убедительны в этом плане весьма простые вещи. Например, в телевизионной передаче «Записки натуралиста» ведущий рассказывает о жизни шимпанзе в заповеднике. Некоторые животные любят думать; для того, чтобы обезьяны не скучали без «творческой» деятельности, для них расставляют специальные «хитрые» кормушки, и чтобы пообедать, они должны *придумать*, как достать корм. У этих обезьянок ещё нет потребности вербально выражать свои мысли, но есть потребность в *решении* определённых практических задач; может быть, они не могут научить друг друга *словами*, (хотя показать, как открывать кормушки, вероятно, могут), но в рамках индивидуального опыта, пользуясь – несомненно – мыслительными способностями, шимпанзе решают определённо творческие задачи. Значит, мышление у них *уже* есть, а языка *ещё* нет.

Существование авербального общения в жизни людей, которое «свидетельствует о наличии иных, альтернативных форм мыслительных процессов» [Романов 2004, с. 22], всё чаще подтверждается научными исследованиями в самых разных аспектах. Подробный анализ см. в [Романов 2004]. Правомерно предположить, что и вербальное, и авербальное общение базируется на неких общих принципах, *общих категориях*. Общеизвестна точка зрения, разделяемая многими учёными, что язык появляется в ответ на потребность в коммуникации. Однако в процессе *непосредственного* общения с *присутствующими наглядно* предметами такая потребность не может возникнуть: достаточно показать, мол, делай, как я (*уже* функционирует топ СОПОСТАВЛЕНИЕ!). Но чтобы можно было *сказать в отсутствие* интересующей нас в данный момент вещи, надо, чтобы у неё было имя. Чтобы *сказать*, надо – до этого – *назвать*. Язык возникает от осознания потребности в именовании. И язык есть определённый *этап в развитии* мышления – абстрактного, обобщающего, но *не момент возникновения* мышления. Так – в тесной взаимосвязи – реализуются языком *функция именования* (структурно-смысловая модель ИМЯ) и *функция обобщения* (структурно-смысловые модели ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ).

Таким образом, язык – это не только орудие общения, но и орудие *обобщения* действительности в процессе общения людей, в той степени, в какой это необходимо для естественного (прежде всего – бытового) общения. В принципе функция общения была бы невозможна или, по крайней мере, очень затруднена, если бы язык не мог *обобщать*: ведь тогда для каждой *конкретной вещи* нужно было бы иметь *собственное имя*.

Если мы захотим диахронически выделить момент возникновения ИМЕНИ в системе «общих мест» как смысловых моделей в риторике, то увидим, что ИМЯ в качестве *категории* приходит на смену самой «категорийной», самой «первичной», самой «сущностной», категории СУЩНОСТЬ. Для того чтобы в этом убедиться, мы сравнили категории, предикабилии и топы Аристотеля, «места» Цицерона, «источники изобретения» Квинтилиана, «десять первых начал» и дополнительные категории Порфирия, «места риторические» М.В. Ломоносова и проследили, как этот список трансформируется. Каждый из древних авторов, предлагая собственный перечень категорий/топов/мест, никак не мотивирует ни исключение тех или иных из перечня, ни дополнение списка, хотя и ссылается на предшественников. Это происходит оттого, что исследователи идут от бытия, и структурно-смысловые категории (топы) *не придумываются, а выявляются* в процессе речевой практики и наблюдений. Главное в языке и мышлении людей остается неизменным, несмотря на то, что язык (языки) и стиль общения людей на протяжении веков меняются.

Замена СУЩНОСТИ на ИМЯ нам представляется самой значительной из всех исторических трансформаций категориального плана. Неожиданной она кажется только на первый взгляд и становится совершенно правомерной, если вслед за А.Ф. Лосевым проследить все «пласты», все «слои», все «уровни» СЛОВА-ИМЕНИ (а в конечном итоге – *смысла*). Именно А.Ф. Лосев обосновывает эту трансформацию, хотя очевидно не ставит перед собой такой задачи. Эту особенность функционирования ИМЕНИ вместо ВЕЩИ отмечает и Булгаков, рассматривая её не в философском, а в совершенно естественно-языковом плане: «По верованиям всех индоевропейских народов, слово есть самая вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих *слово* и *вещь* [Булгаков 1999, с. 346. *Курсив С.Н. Булгакова*], сколько распространённым *на все слова* [*Курсив мой.* – В.С.] верованием, что они обозначают сущность явлений». И уже тогда совершенно правомерно – не

теологически, а именно лингвистически – и то, что «слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит, однако, мир не есть слово» [Булгаков 1999, с. 35]. Совершенно очевидное совпадение с А.Ф. Лосевым.

А.Ф. Лосев выделяет «слои» слова (его смысла), которые позволяют лингвисту отчетливее представить место «нормально-человеческого» слова в мире и в разуме, в действительности и в мышлении; чтобы понять и конструктивно доказывать, что *всё* есть единый, неразрывно связанный, взаимообусловленный *смысл*, а потому – способный функционировать и жить. Под «человеческим словом» А.Ф. Лосев понимает реальное, выраженное слово-имя естественного языка, живую человеческую речь. Но у этого «человеческого» слова есть «до-предметные» корни, которые начинаются с «членораздельного звука, издаваемого голосом человека» [Лосев 2009, с. 100-101] и предметная сущность – «последнее оправдание и опора всех качеств, свойств и судеб произносимого слова» [Там же, с. 158]. А слово, понимаемое как *имя* предмета, есть «арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого.<…> Имя предмета есть цельный организм его жизни в иной жизни, когда последняя общается с жизнью этого предмета и стремится перевоплотиться в неё и стать ею. Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, необщителен, несоборен и, следовательно, также и не индивидуален, не сущий, он – чисто животный организм или, если ещё человек, умалишённый человек» [Там же, с. 113]. Тогда как «знать имя вещи значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от неё. Знать имя значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью. Ибо имя есть сама вещь в аспекте своей понятности для других, в аспекте своей общительности со всем прочим» [Там же, с. 253].

Не вдаваясь в подробности анализа всех «слоев» СЛОВА-ИМЕНИ, выделяемых и анализируемых А.Ф. Лосевым, отметим *важность* его в топологическом ракурсе. Топос (по Лосеву) – одна из пяти форм эйдетической предметности имени, в числе которых, кроме *топоса*, ещё *схема*, *эйдос в узком смысле*, *символ* и *миф*. Каждая из форм есть ракурс рассмотрения эйдоса как такового, точка зрения на один и тот же смысл, *понимание одного и того же сущего*, но как бы *в разной степени и с разных сторон осмысленного* [Лосев 2009, с. 175–183]. Каждая из форм есть в то же время один из «слоев»

имени с соответствующим порядковым номером в числе шестидесяти семи: схема – 48, топос – 49, эйдос в узком смысле – 50, символ – 51, миф – 52.

А.Ф. Лосев вообще придаёт огромное значение числу, числовой характеристике имени, а эйдос полагает возможным быть выраженным числом, «как взаимоотношение его элементов». *Схема* понимается А.Ф. Лосевым здесь не в каком-то «запредельном», сугубо философском смысле, а в том самом обычном, который и сегодня вкладывает в это понятие любой человек, пожелавший понять самый общий смысл предмета, его размеры, пропорции, форму. «Это – то, что мы называем 48) *схемой*, или *схематическим слоем эйдоса* («Menge» – «множество» в смысле *Кантора*), – составяемость и составленность целого из частей, когда целое охватывает части при помощи идеи, выходящей за пределы значимости каждой части. <…> Это – совокупность идеально-математических характеристик предмета» [Лосев 2009, с. 175–176. Курсив А.Ф. Лосева].

«Топос» А.Ф. Лосева – закономерно следующий «слой» слова-имени, выделяемый им в эйдосе-сущности. Это «*момент качественной определённости*», «*качественная заполненность этой схемы*» [Там же, с. 176; курсив А.Ф. Лосева]. «Эту совокупность идеально-качественных моментов эйдоса назовем (49) *морфным*, или топологическим моментом» [Там же]. Так А.Ф. Лосевым выделяется не просто *структурность* слова, но его *качественная* структурность, в отличие от *количественной*, отраженной в «схематическом слое эйдоса».

Однако «нужно все эти схемно-морфные моменты подчинить более высокому и общему смыслу, чтобы получилась определённая вещь, – пишет далее А.Ф. Лосев. – Нужен *момент эйдоса в узком смысле этого слова*. Это (50) *момент идеально-вещной, или категориальной, определённости эйдоса*. Тут выдвигается категория единичности, одного» [Там же. Курсив А.Ф. Лосева].

Таким образом, *эйдос в узком смысле* отличается от схемного и морфного (топологического) моментов своей большей частностью: только здесь можно, наконец, говорить о единичной вещи, о её определённости, которая связывается в первую очередь с её функциональностью. Пример А.Ф. Лосева: «Если перед нами эйдос топора, то схемой этого эйдоса будет совокупность наглядно данных математических характеристик, морфе – совокупность наглядно данных умно-качественных определённостей, эйдосом в узком

смысле – явленность этой вещи как определённого орудия для рубки» [Там же, с.176–177].

Почему А.Ф. Лосев не переходит сразу от *схемы* (момент 48) к *эйдосу в узком смысле* (момент 50)? Полагаем, это связано с тем, что именно топос – это то *промежуточное* между множеством и единством в нашей речи, на которое указывал ещё Платон [Платон 1994, с. 12–13]. *Эйдос в узком смысле* – это не конкретная вещь, но «момент *идеально-вещной, или категориальной, определённости*». В лингвистическом смысле это ближе всего к *значению* слова – так, как оно даётся в толковом словаре, через его ведущий категориальный (родовидовой) признак (топор – *орудие* для рубки).

Казалось бы, следующий «слой» имени должен раскрывать уже эту единичность, конкретность вещи, но А.Ф. Лосев говорит не о *вещи*, а о её *имени*, о слове, которое «сама вещь, но в аспекте её уразумённой явленности», «постигнутая вещь, с которой осмысленно общается человек» [Лосев 2009, с. 245]. Осмысленное общение с вещью через её имя – это общение с её эйдосом, энергией, *смыслом*. Ведь по большому счёту и в слове, и в высказывании «есть только смысл и больше ничего».

С одной стороны, «*ущербность нашего слова заключается в том, что оно изолировано*» [Там же, с. 223]; с другой стороны, между *словом* и *высказыванием* нет непроходимой границы; на это указывает не только философское обоснование, но и жизненный опыт любого человека. Так как слово «сохраняет в себе все моменты определения первоначальной сущности» [Там же], оно *способно* быть высказыванием, т. е. преодолевать свою изолированность.

Неразрывная, целостная связь слова с высказыванием подчёркивается и С.Н. Булгаковым: «Имя есть скрытое суждение, неразвернутое предложение» [Булгаков 1999, с. 89]; «имя есть первоначальное сказуемое, получается в результате скрытого суждения», «сказуемость предшествует номинативности» [Там же, с. 90]. И наоборот: «*Всякое суждение есть именование in pace, облечение смыслом*» [Там же, с. 94]. А также: «*Всякое имя есть конкретное употребление общей идеи, и сказуемое, скрытое в имени, по природе своей есть идея, имеющая всеобщую значимость*» [Там же, с. 92]. О том же самом пишет А.Ф. Лосев: «Если остановиться на отдельном слове, то слово не есть понятие, но есть определённым образом выраженное понятие; слово о вещи не есть сама вещь, но определённым образом выраженная вещь,

определённым образом понятая вещь, т. е. определённым образом интерпретированная вещь» [Лосев 1982, с. 98]. А *слово как интерпретированная вещь* – уже суждение, уже мнение, уже *высказывание*.

Это подтверждается исследованиями в области когнитологии. «Одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки “концептуализируют” (т. е. преломляют) действительность по-разному, но и *за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты*» [Фрумкина 1992, с. 3. *Курсив мой – В.С.*]. Это, на наш взгляд, и есть основа разнообразия мнений и позиций людей. В практическом плане, при общении, это различное – до противоположного – понимание одного и того же (в том случае, если оно осознаётся говорящими), в утрированном виде выражается высказываниями типа «есть инженеры и инженеры, художники и художники, психологи и психологи» и пр. Как правило, такое обобщённое (топ ОБЩЕЕ) высказывание имеет место в очень конкретной ситуации по поводу конкретного же специалиста, когда *оценка* его как специалиста не совпадает в сознании говорящих.

Таким образом, с одной стороны, «всякое слово есть конкретное употребление общей идеи» (Булгаков), с другой стороны, «слово есть определённым образом понятая вещь» (Лосев). Правомерно предположить, что *конкретное употребление* неизбежно и есть *определённым образом понятое*. И то, что для А.Ф. Лосева *общая идея*, для С.Н. Булгакова, который идет от А.А. Потебни, – *внутреннее слово* [Булгаков 1999, с. 30], которое для него отнюдь не субъективно, но изначально.

Вернемся к топосу и топике и сделаем некоторые выводы.

Общее и частное в слове градуировано, имеет степени, что наглядно отражено в работе А.Ф. Лосева «Философия имени», в его 67 «слоях», и топос слова есть его *качественно определённая* схема или – применительно к «человеческому» слову – *общая идея* слова. При этом каждый «слой» слова-имени содержит в себе *весь эйдос, всю сущность*, и тем самым слово сохраняет свою смысловую целостность. *Общая идея конкретного* слова имеет продолжение в своём «ином» – как в сторону ещё большей конкретизации, и тогда это *употребление* слова и тем самым *интерпретация* вещи, которая именуется этим словом, так и в сторону ещё большего обобщения, и тогда это

ИМЯ как структурно-смысловая модель, заменяющая категорию СУЩНОСТЬ в ментальном плане.

Слово-имя сказуемостно, т. е. содержит в себе свёрнутое высказывание. Это убедительно обосновано в когнитивной лингвистике парадигмой концептуальности: см. определения концепта и его анализ в [Прохоров 2008]. В речевой практике часто бывает достаточно для высказывания одного слова-имени.

Таким образом, ИМЯ можно рассматривать и как *частный случай высказывания*, употребление конкретного слова в реальной речевой практике в качестве высказывания, и как *одну из структурно-смысловых моделей высказывания* – наряду с другими структурно-смысловыми моделями (топами), такими как ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ, ПРИЧИНА, СЛЕДСТВИЕ и т. д. В то же время ИМЯ может рассматриваться как метакатегория, как замена самой *сущности* вещи в ментальном плане, где *вещь* понимается очень широко, не только как физическая вещь реального мира, но и как реалья ментального, интеллигентного, «умного» по А.Ф. Лосеву мира человека.

Аналогом структурно-смысловой модели ИМЯ в дейктической системе Н.Ю. Шведовой являются «местоименные исходы» *кто* и *что*. «Местоимение *кто* занимает главное место в строе местоименных исходов», – пишет Н.Ю. Шведова, совершенно справедливо мотивируя это тем, что оно означает «существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего» [Шведова 2005, с. 479]. А «местоимение *что* как исход, возглавляющий собственную дейктическую микросистему, означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевлённым; в этом смысле *что* внутри класса местоимений находится в противопоставлении к *кто*» [Там же, с. 487]. С приведенными высказываниями Н.Ю. Шведовой трудно не согласиться. Однако хотим обратить внимание на то, что топ ИМЯ, если это слово в лосевском смысле, естественным образом *объединяет* эти «местоименные исходы»: *именованы* как одушевлённые, так и неодушевлённые сущности. И тогда *кто* и *что* могут рассматриваться как *разновидности* ИМЕНИ, которые в самом общем виде находятся между собой в отношениях *противопоставления* по указанному Н.Ю. Шведовой признаку. И если ИМЯ в нашем ментальном мире заменяет СУЩНОСТЬ, то на «вершинной» ступени абстракции определённо нивелируется и

противопоставление одушевленности/неодушевленности: «*Понятие субъекта гораздо менее ясно, чем понятие сущности, да если и становится ясным в результате анализа, то тут же неоспоримым делается и тот факт, что субъект – сам нечто происшедшее из более универсального источника и никак не может являться абсолютной инстанцией и критерием*» [Лосев 2009, с. 168. Курсив мой – В.С.]. Таким образом, все топы, в том числе и топ ИМЯ, не «привязаны» к грамматическим категориям или определённым лексическим классам слов. Они реализуются *целостно*: не только лексикой и грамматикой языка, но и ситуацией общения, а также спецификой субъектов и объектов общения, их *отношением* к себе и друг к другу и т. д. Диалектически они могут мыслиться *двойко*: как *метакатегории*, организующие смысловое пространство языка, и как *структурно-смысловые модели*, реализующие (гибко, текуче, рекурсивно, объёмно) эти метакатегории в *речи*, т. е. метакатегории и структурно-смысловые модели – в духе А.Ф. Лосева – одновременно одно и то же и не одно и то же, но могут быть определены одним общим *именем* – топы.

Топы как структурно-смысловые модели одинаково важны и тогда, когда мы говорим, и тогда, когда мы воспринимаем речь. А *именование* многие авторитетные учёные полагают наиважнейшей языковой функцией, которая реализуется в речи: «...речь сводится к именованию, осуществляемому в сложных, расчленённых и богато организованных формах, но всё это богатство и пышность убранства не затемняет и не отменяет единства функции, а функция эта есть, повторяем, ИМЕНОВАНИЕ» [Булгаков 1999, с. 133]. Они же, топы, в первую очередь важны и *для восприятия* сказанного или написанного, для понимания, например, текста при чтении. «Чтение – это работа, <...> и метод этой работы – топологический» [Барт 2009, с. 54]. Р. Барт подчёркивает принципиальную объективность и систематичность этого метода, где исключительно важную роль играет именование: «Читать – значит выявлять смыслы, а выявлять смыслы – значит их именовать; <...> эти получившие имена смыслы устремляются к другим именам, так что имена начинают перекликаться между собой, группироваться, и эти группировки вновь требуют именованья: я именую, отбираю имена, снова именую, и в этом-то, собственно, и заключается жизнь текста: она есть становление посредством номинации, процесс непрерывной аппроксимации, метонимическая работа» [Там же]. Ср. в диалоге Платона «Теэтет»: «...вещи и сами представляют собой некое переплетение, и

имена их, также переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен» [Платон 1993, с. 264].

Практически каждая категория, входящая систему топов, в разное историческое время становилась определяющей в философии; ИМЯ было основой *номинализма* – философского воззрения, возникшего ещё во времена киников и стоиков, расцветшего в период ранней схоластики и занявшего ключевые позиции в философии XV века. Сегодня времена номинализма прошли, но углублённо понимаемое ИМЯ не утратило своей актуальности в общем гуманитарном знании – от психологии до лингвистики. Психолог Л.С. Выготский указывает на то, что каждый ребёнок во младенчестве открывает, что «каждая вещь имеет своё имя» [Выготский 1996, с. 102]. На следующих этапах развития ребёнок активно *использует* это открытие, примеряя открытые им ИМЕНА на себя (*я – птичка; я – машина; я – мама* т. д.), тем самым первоначально познавая *сущность* вещей. Позже – и в мышлении, и в речи – он освоит и другие категории-топы, но *сознательное* освоение Мира начинается с ИМЕНИ.

Таким образом, топ ИМЯ первоначально и «первопричинно» определяет смысловое пространство языка, потому что в ментальном плане ИМЯ равноправно СУЩНОСТИ. Мы общаемся посредством ИМЕН, а не сущностей.

Топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ

Рассматривая топ ИМЯ как первую и, может быть, важнейшую («наивершинную»), категорию языка, мы обращались к категориям ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, базировались на них, подчёркивая, что функция именования и функция обобщения взаимообусловлены. Переходя от слова к высказыванию, мы убедились, что ИМЯ можно рассматривать и как *частный* случай высказывания, когда названное ИМЯ полностью определяет *смысл сказанного*, и как наиболее обобщённую категорию бытия (*эйдос, энергию, сущность*) любой реальной вещи.

Указанные в наименовании подраздела категории – тесно взаимосвязанные, пересекающиеся, но не вполне синонимичные понятия. К ним следует добавить ещё, по крайней мере, две категории: *единичное* и *всеобщее*. Кроме того, не совпадают, но опираются на них широко функционирующие в науке понятия *объективного* и *субъективного*; в литературоведении ОБЩЕЕ часто преломляется в *типичное*; в социологии

говорят об *индивидуальном и коллективном, личном и общественном*. Без специфического функционирования АБСТРАКТНОГО и КОНКРЕТНОГО, ОБЩЕГО и ЧАСТНОГО нет и искусства: «Ведь оно должно представлять содержание не в его всеобщности, взятой как таковой, а должно индивидуализировать эту всеобщность» [Гегель 1968, с. 57]. Попробуем рассмотреть, как эти категории функционируют в обыденном сознании и бытовом языке в процессе общения, потому что «...говорящие стремятся приспособить высказывания о мире для выражения более частных суждений, относящихся скорее к ближнему своему, нежели ко вселенной» [Арутюнова 1976, с. 267].

Рассматривая причины, обуславливающие развитие языка, И.А. Бодуэн де Куртене одним из первых русских лингвистов отметил общие законы его развития, которые называет *силами*. *Силы* эти действуют *бессознательно* для носителей языка. Существеннейшие из них учёный связывает с АБСТРАКТНЫМ, КОНКРЕТНЫМ и ОБЩИМ: переход «от *конкретного* к *абстрактному* для облегчения отвлечённого движения мысли»; «бессознательное *обобщение*, <...> т.е. сила, действием которой народ подводит все явления душевной жизни под известные общие категории» (центростремительная, по Бодуэну де Куртене, сила); «бессознательная *абстракция*, бессознательное отвлечение, бессознательное стремление к *разделению*, к дифференцировке» (центробежная сила) [Бодуэн де Куртене 1964, с. 268–269]. Отметим, что абстракция и обобщение у И.А. Бодуэна де Куртене *противоположные* силы.

На первый взгляд может показаться, что в бытовой сфере для нас более актуальны топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, а в ментальной, мыслительной, особенно, научной (научно-теоретической), – АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ. На самом деле всё значительно сложнее. Гегель находит возможным определённый образ совершенно бытового мышления именовать абстрактным. В статье, «написанной в стиле газетного фельетона», Гегель «вышучивает то антикварное почтение к "абстрактному", которое основывается на представлении о научном мышлении как о некоей таинственной области, вход в которую доступен лишь посвящённым и недоступен "обыкновенному" человеку, живущему в мире "конкретных" вещей» [Ильенков 1997, с. 35]. Философ Э.В. Ильенков ценит в работах Гегеля то, что у него «научное мышление выступает как высшая ступень развития "обыденного" мышления», что «Гегель ищет ключи к важнейшим логическим проблемам в анализе

обычайших умственных операций, производимых всяким и каждым ежедневно и ежечасно» [Там же, с. 38].

В современном философском словаре значится: «АБСТРАКТНЫЙ (от лат. *abstractus* – отвлеченный) – в обычном словоупотреблении означает чисто мысленное, поскольку такое по отношению к непосредственно переживаемому, наглядному, воспринимаемому, данному в чувствах, т. е. *конкретному*, выступает как обесцвеченное, не наглядное, опосредованное, данное в понятиях; в отрицательном смысле понимается также как нечто удалённое от жизни, как чуждый действительности *интеллектуализм*» [ФЭС 2006, с. 8].

При сравнении этих определений становится понятно, что никакого противоречия здесь нет, если выделить сущностное этой категории: топ АБСТРАКТНОЕ функционирует там, где нужно, можно или необходимо отвлечься от конкретных деталей, условий, признаков, причин и пр. и сконцентрироваться – мысленно – на чем-то обобщённом. Топ АБСТРАКТНОЕ – *категория*, потому что отделяет, обособляет, изолирует – абстрагирует – рассматриваемый объект от всех других категорий-топов, рассматривает объект в самом обобщённом, часто схематичном, виде.

Известно, что абстрактное обладает степенями, «ступенями» (это учитывается всеми исследователями и во все времена, от Аристотеля до Н.Ю. Шведовой; см. выше). Тогда ОБЩЕЕ можно рассматривать как наивысшую степень АБСТРАКТНОГО, как «ВСЕОБЩЕЕ – то, что не только в силу случайности, но и в силу необходимости или закономерности является для множества общим» [ФЭС 2006, с. 79].

Анализируя «Капитал» К. Маркса, Э.В. Ильенков убедительно доказывает, что в историческом и экономическом процессах актуально не АБСТРАКТНО-ВСЕОБЩЕЕ, а КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩЕЕ [Ильенков 1997, с. 117]. Учёный указывает на обобщающую функцию *любого* высказывания в процессе формирования общественного сознания: «Наименование, слово, высказывание – действительно представляют собой первый фильтр, сквозь который процеживается индивидуально неповторимое содержание восприятия в превращении в общественно-осознанное содержание» [Там же, с. 43]. В целом же философ придаёт большее значение конкретному, чем абстрактному: «...абстракция – это попросту отражение «общего», многократно повторяющегося факта, явления, отношения между вещами и т. д. и т. п. в

мозгу», «очень несложная с философской точки зрения вещь», которую в логике «рассматривать было бы нелепо», потому что такую абстракцию «делает и любое животное» [Там же, с. 49]. Но специфически *человеческая* абстракция – это «*сознательно производимая* абстракция» [Там же], и в этом качестве представляет интерес и для логики, и для философии, и для психологии, и для социологии, и для лингвистики.

Проблема АБСТРАКТНОГО и КОНКРЕТНОГО волнует умы учёных очень давно. Она воплощена в *идеях* Платона как и по сей день не вполне разгаданная тайна. Подробный анализ этой проблемы в своих многочисленных и глубоких трудах даёт А.Ф. Лосев. Наиболее компактно его мысли на этот счёт изложены в [Лосев 2000, с. 170–173]. «В платоновских идеях несколько не отрицается их субстанциональность и несколько не отрицается их как бы некоторая отделённость от материального мира. Но в этой субстанциональности подчёркивается её структурный характер, её живой лик» [Там же, с. 171]. А.Ф. Лосев постоянно подчёркивает эту диалектически неразрывную связь чувственно воспринимаемого и абстрактно-обобщённого, невозможность, непродуктивность «отрывания логики от онтологии и живых порождающих функций понятия от самодвижной, саморазвивающейся действительности» [Там же]. Он стремится отразить эту позицию и в терминах: *смысловой образец, порождающая модель*.

В лингвистике АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ получило своё закономерно обоснованное место с того самого момента, как было осознано (прежде всего в трудах Ф. де Соссюра) различие языка и речи. Язык – АБСТРАКТНОЕ, ОБЩЕЕ; речь – КОНКРЕТНОЕ, ЧАСТНОЕ проявление, функционирование языка. Из этой дихотомии родились и другие (того же порядка): «Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» [Соссюр 2006, с. 38]. Однако Ф. де Соссюр, углубляясь в проблему, находит целый ряд моментов, которые не позволяют ему однозначно определиться с пониманием абстрактного и конкретного в языке. С одной стороны, «входящие в состав языка знаки суть не абстракции, но реальные объекты», которые «можно назвать конкретными сущностями этой науки» [Там же, с. 105]. С другой стороны, «мы убеждаемся, что понятие слова несовместимо с нашим представлением о конкретной единице языка»; «не в слове следует искать конкретную единицу языка» [Там же, с. 107]. Знаменательно размышление Ф. де Соссюра, в котором он

выступает как подлинный диалектик: «Если в какой-либо науке непосредственно не обнаруживаются присущие ей конкретные единицы, это значит, что в ней они сколько-нибудь существенного значения не имеют. В истории, например, это – личность, эпоха или нация? Неизвестно. Но не всё ли равно? Можно заниматься историческими изысканиями, не выяснив этого вопроса. Но подобно тому, как шахматная игра целиком сводится к комбинированию положений различных фигур, так и язык является системой, исключительно основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Нельзя ни отказаться от их обнаружения, ни сделать ни одного шага, не прибегая к ним; а вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально. *Странным и поразительным свойством языка является, таким образом, то, что в нем не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие и образует язык*» [Там же, с. 108. Курсив мой – В.С.]. Позже С.И. Карцевский выразит эту мысль кратко и определённо, уже без всяких сомнений, аксиоматично: «Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как *общее* и *отдельное (индивидуальное), абстрактное* и *конкретное*» (курсив Карцевского), и «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» [Карцевский 1964, с. 85].

В современной лингвистике *абстрактное* используется широко, входит в ряд составных терминов, например, «*Действие абстрактное <…>. Птицы летают; рыбы плавают*» [Ахманова 2007, с. 127], «*Абстрактное предложение <…>. Человек смертен.*» [Там же, с. 30]; *абстрактный глагол, абстрактные формы, абстрактные существительные* и т. д. [Там же]. Эти термины без сомнения обозначают языковые категории. А к чему следует относить *конкретные предложения*, приведенные в словаре в качестве примеров? Это уже речь, или ещё язык? Несомненно, чтобы войти в речь, они должны стать *конкретными высказываниями по конкретному же поводу*. Значит, в таком виде эти примеры *конкретны для языка, абстрактны для речи* и... абстрагированы от общения.

В 60–70-е годы прошлого века внимание учёных переместилось с разграничения языка и речи на выявление *общего* между ними. «Преодоление взгляда на язык и речь как на разные явления достигается с помощью

выдвижения *сущности* и её проявления в качестве основания противопоставления языка и речи. Такое понимание основания различения языка и речи исключает возможность отнесения одних фактов к языку, а других – к речи. С этой точки зрения в речи не может быть таких единиц, которые не имели бы места в языке, а в языке нет таких единиц, которые не имели бы места в речи. Язык и речь различаются не по различию явлений, а по различию сущности и её проявлений» [Ломтев 1976, с. 57].

Строго говоря, выдвижение сущности в лингвистике на первый план не есть что-то принципиально новое. Это скорее традиция, идущая от Аристотеля, чем новаторство. Но *сущность* видится разными учёными в разном, а отношения между АБСТРАКТНЫМ и КОНКРЕТНЫМ иногда представляются очень однозначно, не диалектически: «Все *синтаксические модели принадлежат языку только как абстрактные модели*, а их конкретное наполнение той или иной лексикой бесконечно разнообразно и относится к речи» [Маслов 2007 (6-е изд. стер.), с. 182]. Данный выше анализ примеров из словаря убеждает в том, что «конкретное наполнение той или иной лексикой» синтаксической модели ещё не позволяет отнести её – только на этом основании – к речи. Для этого как минимум надо учесть те прагматические факторы, которые делают возможным функционирование модели и целесообразным её наполнение определённой лексикой в зависимости от целей, мотивов и обстоятельств общения.

Но и этого оказывается мало, как только мы вспоминаем о том, что «для языка необходимо мышление». Проблема языка и мышления, также имеющая многовековую историю, по большому счёту тоже упирается в проблему ОБЩЕГО и ЧАСТНОГО, в ещё один её разворот. На первый взгляд всё понятно: «Законы логики – законы общечеловеческие, так как мыслят люди все одинаково, но выражают эти мысли на разных языках по-разному» [Реформатский 2007, с. 26]. В наше время сама логика активно развивается, множатся её разновидности: логика классическая, неклассическая, формальная, математическая, многозначная, модальная; логика предикатов, норм, отношений, высказываний и т. д.

Но даже «*логика высказываний*, или пропозициональная логика» на поверку не оказывается нашей повседневной логикой общения, «логикой говорящих». Это «раздел логики, формализующий употребление *логических связок* "и", "или", "не", "если, то" и т. п., служащих для образования сложных

высказываний из простых» [Горский 1991, с. 87]. И получается парадоксальная вещь: с одной стороны, логика не может обойтись без обыкновенных человеческих слов (пусть даже и употреблённых в качестве *логических связок*), без естественного языка; а с другой стороны – логика высказываний занимается уже *сложными* высказываниями и её совсем не интересует, как образуются простые. Тем самым, на наш взгляд, игнорируется самое главное: *связь языка и мышления*. А простое высказывание в логике совпадает с простым суждением-предложением и исследуется формальной логикой.

Однако для говорящих важна принципиально *другая* природа высказывания, формально не зависящая ни от объема, ни от формы выражения, ни даже от того, вербально или невербально мы общаемся. А.А. Реформатский приводит пример самого короткого *высказывания*, сказанного когда-либо на каком-либо языке («*Поезжай*», которое на латыни звучит как «*!*») и приходит к выводу, что различия элементов структуры языка не количественные, а качественные [Реформатский 2007, с. 35–36]. А это значит, что никакое *линейное* логическое исследование не может в полной мере вскрыть ни природу языка, ни природу мышления. «Качественность» же того и другого проявляется только в реальной речи. Поэтому в лингвистике должен использоваться другой механизм исследования, и если это логика, то это «логика говорящих», диалектика в изначальном понимании (от слова *диалог*). Другими словами, это топика как система «вершинных» языковых категорий или структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла.

Обратимся к бытовому пониманию ОБЩЕГО, которое каждодневно функционирует в нашей речевой практике.

Надо учитывать, что в этом плане ОБЩЕЕ имеет не только вертикаль, отражающую степень абстракции, но и горизонталь. Например, слово *мебель*, рассматриваемое Э. Рош как *общее* имя, не может быть охарактеризовано как имя *абстрактное*. В школьной грамматике это существительное относится к *собирательным*, что вполне отражает «горизонтальный» характер такого рода имён: список предметов, относящихся к *мебели*, может быть расширен или сужен. В то же время любой *концепт* – не только научный, но и вполне бытовой – может рассматриваться как АБСТРАКТНОЕ. Например, можно говорить о *конкретном* стуле, на который мы в данный момент предлагаем присесть гостю, а можно посмотреть в толковом словаре значение слова *стул*, и последнее будет совершенно очевидно *абстрактным*: «род мебели для

сидения, со спинкой (на одного человека)» [Ожегов 1968, с. 765]. Таким образом, «мебель» – ОБЩЕЕ (но не абстрактное) и КОНКРЕТНОЕ в каждой конкретной ситуации, для конкретных общающихся (например, продавец и покупатель обсуждают, что именно будет куплено/продано); «стул» – АБСТРАКТНОЕ (но не общее) и КОНКРЕТНОЕ, в зависимости от ситуации, в которой нас интересует эта реалья.

КОНКРЕТНОЕ касается и ситуации, «положения дел» «здесь и сейчас», при этом может использоваться как лексема «частный», так и лексема «конкретный»: *частный случай, конкретная ситуация*.

В то же время они не только не полные синонимы, но в ситуации общения могут выступать как ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ: *частный случай* скорее используют для оценки события, скажут о том, что уже произошло, чтобы *предупредить обобщение*: «Ну, это частный случай, так бывает редко, не стоит обобщать». *Конкретную же ситуацию* предлагают рассматривать, как правило, в качестве типичного примера, чтобы как раз *привести к обобщению*, доказать его правомерность: «Нет, давайте рассмотрим конкретную ситуацию, тогда Вы убедитесь, что мои выводы верны».

Единичное, индивидуальное может существовать только благодаря тому, что существует общее, всеобщее, а всеобщее – благодаря индивидуальному. Н. Гартман пишет: «Как не может существовать сама по себе чистая индивидуальность, так не может существовать само по себе и чистое всеобщее. Но всеобщее является реальным только «в» индивидуальном, ибо только это последнее имеет существование; индивидуальное же имеет определённость только в том, что в нём является общим с другим, что в нём является всеобщим по форме» («Zur Grundlegung der Ontologie», 1941)» [Цит. по: ФЭС 2006, с. 79].

Ему вторит Э. Кассирер: «Невозможно, однако, разделить оба эти момента – всеобщее и отдельное <…>. Любое суждение – это всегда синтетическое единство обоих моментов, поскольку содержит элементы всеобщности и отдельности» [Кассирер 1998, с. 660].

ЧАСТНОЕ в ФЭС отсутствует, как, видимо, неактуальное в философии, но для нашего повседневного общения оно первостепенно: наша *частная жизнь* – это то, что мы оберегаем от других в первую очередь. ЧАСТНОЕ, КОНКРЕТНОЕ могли бы рассматриваться как синонимы, но в *категориальной* сфере этого недостаточно, хотя в процессе употребления иногда их определённые различия, характерные для синонимов вообще, в некоторых ситуациях

стираются, перестают иметь значение. Так, реализованный в речевой практике топ ПРИМЕР можно рассматривать и как *конкретный* случай, и как *частное* событие. *Индивидуальное* же коррелирует с *особенным* (ср.: человек – индивид, птица – особь), а значит не только указывает на единичное, на КОНКРЕТНОЕ, но и связывает эту группу категорий со СРАВНЕНИЕМ.

«КОНКРЕТНОЕ (от лат. *concretus* – сгущённый) – естественное, видимое и осязаемое действительное, которое в определённое время находится в определённом месте; противоположность – абстрактное» [ФЭС 2006, с. 218]. В нашей повседневной речевой практике эта категория особенно употребительна, потому что наше бытие по определению конкретно. Оно нам заменяет философское *единичное*. Всегда конкретна и наша речь. «И хотя мы говорим, что объектом исследования является "речь вообще", но эта "речь вообще" как реально существующее представляет собой просто *массу, совокупность* осуществляющихся в разных местах и разное время <...> единичных актов речи. <...> Чтобы отразить в мысли эту сложную совокупность единичностей, чтобы создать понятие о ней, нужно каким-то образом выделить общие стороны всех этих конкретно-данных, осуществляющихся в разных местах и в разное время единичных актов и заместить их одним "обобщённым" образом, их абстрактно-общим. Собственно, только после этого можно будет говорить о "речи вообще" в точном смысле этого слова» [Щедровицкий 2006, с. 29]. «Заместить *одним обобщённым образом*» вряд ли удастся, но *системой* топов как структурно-смысловых моделей – вполне возможно.

Как функционирование АБСТРАКТНОГО и КОНКРЕТНОГО могут рассматриваться и сами топы: абстрактны коммуникативные категории, структурно-смысловые модели; конкретны «этикомемы», индивидуальные высказывания, построенные по этим структурно-смысловым моделям.

Топы РОД, ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Без ОБЩЕГО и ЧАСТНОГО не может функционировать практически ни одна из «вершинных» языковых категорий. О роли этой категории для ИМЕНИ мы уже сказали. Из определения понятия ОБЩИЙ в философском словаре очевидна важность этой категории для РОДА: «ОБЩИЙ (от лат. *generalis*) – родовой, всеобщий, иногда означает также схематический. Противоположность – индивидуальный» [ФЭС 2006, с. 313]. И там же: «ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ – в противоположность индивидуальному понятию означает понятие

рода, класса, вида. Общими являются также собирательные понятия, понятия сущности и др.» [Там же, с. 312].

В риторике – в той, в которой всё-таки присутствует топика, топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, равно как и АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ, отсутствуют [Михальская 1996, с. 129–158]. Их заменяют РОД и ВИД, что не вполне корректно уже потому, что родовидовые отношения носят скорее формально-логический, чем коммуникативно-риторический характер, а значит – не могут вполне охватить все бытующие сферы общения и говорения. В то время как первый и наиважнейший признак категории вообще – это способность охватить всё осмысленное бытие целиком. В этом смысле ВИДОВОЕ можно рассматривать как *в определённой степени абстрактное* ЧАСТНОЕ, а родовидовые отношения – как разновидность отношений АБСТРАКТНОГО и КОНКРЕТНОГО. В то же время именно РОД и ВИД лежат в основе концептуальных языковых парадигм – как теории прототипов, так и (частично) теории инвариантов (семантических примитивов). А при анализе работ, посвящённых этим проблемам (см. работы Э. Рош, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой), выявляются очевидные несоответствия именно потому, что не разграничены в качестве «вершинных» категории РОД и ВИД – с одной стороны, и ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ – с другой. Иногда сюда относят и ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ, которые представляют собой тоже «вершинные» категории, но образуют *свои* отношения и *своё* смысловое пространство.

Уже М.В. Ломоносов даёт необходимое и достаточное, по крайней мере, для бытового общения, определение РОДА и ВИДА: «Родом называется общее подобие особенных вещей. Такое подобие видим Невы с Двиною, Днепром, Волгою и другими в моря протекающими великими водами и оно называется одним словом – река, которая есть род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла и прочие суть виды онога» [Ломоносов 1952, с. 102]. Понятия РОДА и ВИДА М.В. Ломоносов распространяет не только на физическое бытие, но и на ментально-этическую сферу. И раньше великие учёные древности отмечали эти *разновидности* РОДА: арабский учёный Авиценна (Ибн Сина) ещё в X веке писал о роде *естественном* и роде *логическом* [Ибн Сина 1980]. Однако в «бытии» РОДА всё не так однозначно, потому что, с одной стороны, «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей» [Спиноза 1957, с. 407], а с другой стороны, «отдельный и одинокий несмешанный род и не очень возможен, и бесполезен» [Платон 1994, с. 73].

В современном философском словаре даются следующие определения РОДА и ВИДА. «РОД – общая философская характеристика для группы предметов с общими существенными свойствами, несущественные свойства которых отличаются друг от друга. Аристотель характеризовал эти общие свойства, общность которых со времени Платона рассматривалась как метафизическая действительность и в средние века играла важную роль в качестве «универсалий» (см. *Всеобщее*), как «существенно-всеобщее в отдельных вещах». В логике понятие рода является упорядочивающим понятием, которое, имея более высокую степень общности, охватывает ряд менее общих понятий (см. *Вид*)» [ФЭС 2006, с. 398]. «ВИД (лат. species) – в логическом смысле понятие, которое образуется посредством выделения общих признаков в индивидуальных понятиях и само имеет общие признаки с др. видовыми понятиями; *из понятия вида может быть образовано ещё более широкое понятие рода. <…> В свою очередь понятие вида может стать по отношению к подчинённым понятиям также понятием рода* (Курсив мой. – В.С.) [ФЭС 2006, с. 66]. Выделенное очень важно, потому что тем самым признаётся главное свойство топа – его рекурсия, «текучесть», зависимость от обстоятельств, способность отражать изменившуюся ситуацию общения. Это свойство ВСЕХ топов, но наиболее очевидно в родовидовых отношениях.

Таким образом, для каждодневной речевой практики важно то, что РОД и ВИД – понятия относительные. Всё зависит от актуальной в данный момент общения степени обобщения. Поэтому одно и то же в разных ситуациях и различных дискурсах может быть и РОДОМ, и ВИДОМ. Дж. Лакофф считает, что «в случае такой градационной категории, как *высокий человек*, содержание которой размыто и не имеет четких границ, прототипные эффекты могут возникать из градации членства, в то время как в случае категории *птица*, которая чётко отграничена от других категорий, прототипные эффекты порождаются другими особенностями внутренней структуры категорий» [Лакофф 1995, с. 162].

Мы находим, что и *птица*, и *человек* могут рассматриваться как категории. В качестве «вершинных» категорий и то, и другое – это топ ИМЯ, если в нашем распоряжении нет никаких дополнительных условий, связанных с общением или ситуацией. В более широком контексте и *птица*, и *человек*

может выражать РОД – относительно соответствующих *разновидностей*, или ВИД *живого существа*.

Топы предполагают *смысл*, а не формальное предложение, словосочетание или слово, и определяются по тому, *что* актуально в данный момент общения. *Высокий человек* может быть и высказыванием в конкретной ситуации, а не абстрактным словосочетанием. Тогда это *конкретизация имени по признаку*, топ ПРИЗНАК, который в данный момент и актуализирован этим минимальным контекстом.

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ – понятие, по содержанию и объему отграниченное от др. понятий. Определение понятий называется *детерминацией*. <…> Определённость сущего состоит в том, что в нём может быть (категориальная определённость) высказано» [ФЭС 2006, с. 319].

С точки зрения теории высказывания, построенной на топике, ОПРЕДЕЛЕНИЕ можно охарактеризовать как развёрнутое ИМЯ сущности. В повседневной речевой практике степень постижения сущности всегда относительна, так как обусловлена ситуацией и целями общения. ОПРЕДЕЛЕНИЕ – как одна из структурно-смысловых моделей порождения смысла – не может ограничиваться только родовидовыми отношениями, но способно практически выражаться через любые другие отношения-топы, от нового ИМЕНИ (*мечта – путеводная звезда*), до СИМВОЛА (*он – Манилов*). Отсюда и детерминация, сопровождающая функционирование топа ОПРЕДЕЛЕНИЕ в естественном речевом общении. Это *не только* «добавление признаков к более общему понятию (родовое понятие), благодаря чему возникает видовое понятие» [Там же, с. 131], но любая *актуальная в данной ситуации* и для данных общающихся *характеристика* предмета общения, построенная на выделении соответствующих параметров, реализующихся в высказывании тем или иным способом.

На родовидовых отношениях построены многие научные дефиниции в словарях. Этот способ составления дефиниции-ОПРЕДЕЛЕНИЯ является наиболее типичным, однако в реальной практике даже в словарях далеко не все определения даются именно через родовидовые отношения. В то же время любое определение – от самого научного до самого бытового – всегда оформляется по той или иной структурно-смысловой модели (топу). Например: «Прозелитизм – стремление обратить других в свою веру» (Определение через

интенциональное ИМЯ ДЕЙСТВИЯ), «воровство душ» (метафорическое определение, новое ИМЯ, основанное на СОПОСТАВЛЕНИИ).

Ещё более разнообразны ОПРЕДЕЛЕНИЯ, которые мы даём предметам, событиям, реалиям, актуально для нас существующим. Это может быть и традиционное родовидовое ОПРЕДЕЛЕНИЕ: «Счастье – чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Ожегов 1968, с. 772], и ОПРЕДЕЛЕНИЕ по ПРИЗНАКУ, который говорящий полагает самым главным, для того чтобы достичь такого состояния: «Счастье – это когда тебя понимают» (причем ПРИЗНАК выражается здесь через ДЕЙСТВИЕ, что придаёт дополнительную емкость высказыванию). Но для того, чтобы могло возникнуть второе высказывание, необходимо, чтобы в сознании общающихся существовало знание, понимание первого ОПРЕДЕЛЕНИЯ (социально концептуального).

Таким образом, в реальной речевой практике родовидовые отношения присутствуют, как правило, имплицитно, но они – основа для взаимопонимания говорящих, которые имеют полную свободу выражения своих мыслей, собственного мнения по тому или иному поводу при помощи всей системы структурно-смысловых моделей (топов) порождения смысла.

Без ОБЩЕГО знания родовидовых отношений говорящий был бы лишён возможности презентовать другому человеку своё *отношение* к предмету общения. В речи функционируют не понятия, а концепты; а в спонтанном бытовом общении – *индивидуальные* концепты, которые мы «доносим» до собеседников посредством разнообразно построенных топов-ОПРЕДЕЛЕНИЙ.

Необходимость ОПРЕДЕЛЕНИЙ как способа обмена мнениями, как выявление позиции собеседника была оценена ещё Сократом/Платоном. Практически в каждом диалоге Платона всё рассуждение-действие базируется на ОПРЕДЕЛЕНИЯХ: в «Софисте» – это определение софиста, в «Теэтете» – определение знания, в «Федре» – определение любви и т. д. Если для «личного пользования» нам, как правило, достаточно ИМЕНИ, содержащего суть, то для общения, чтобы сделать доступным собственное понимание этой сути для Другого, необходимо ОПРЕДЕЛЕНИЕ.

Современный учёный дополняет ОПРЕДЕЛЕНИЕ *объяснением*: «Соответствующим определению видом (трансформированным для достижения психологических целей – простоты, доступности, интереса и т. д.) является объяснение» [Одинцов 1980, с. 88]. Объяснение не составляет самостоятельной структурно-смысловой модели, но представляет собой (в

указанных В.В. Одинцовым целях) *трансформированное* ОПРЕДЕЛЕНИЕ, т. е. переведённое в другой топ, в другую (или *другие, многие*) структурно-смысловую модель. Собственно, и В.В. Одинцов признаёт объяснение трансформированным ОПРЕДЕЛЕНИЕМ. Имея в распоряжении знание топики, мы можем в каждом конкретном случае выявить, как именно происходит эта трансформация (анализ), или определить заранее, как построить (при помощи каких топов) своё высказывание, чтобы быть понятным именно этой аудитории в данной конкретной ситуации. В.В. Одинцов приводит пример такого трансформированного ОПРЕДЕЛЕНИЯ: «Если дать циркулю произвольный раствор и, поставив одну ножку остриём в какую-нибудь точку О на плоскости, вращать его вокруг этой точки, то описываемая на плоскости непрерывная линия, все точки которой одинаково удалены от точки О, называется окружностью» [Ibid]. Автор сравнивает это определение с традиционным и приходит к выводу, что трансформированное определение более доступно школьникам. Зная топику, легко понять, что это *трансформационное определение* дано посредством описания КОНКРЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ, т. е. более наглядно. Значит, способ оформления ОПРЕДЕЛЕНИЯ зависит от коммуникативной цели говорящего.

Таким образом, наличие в сознании людей структурно-смысловых моделей РОД, ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ способствует их ориентации как в физическом, так и в ментальном мире, помогает выработке ОБЩИХ ориентиров при общении, потому что именно эти топы реализуют самые общие представления людей о вещах и понятиях, создают базу конструктивного взаимодействия на основе адекватного представления о Мире. В то же время топ ОПРЕДЕЛЕНИЕ – главная (определяющая) структурно-смысловая модель, позволяющая донести свою мысль Другому, сделать доступным для него свой *индивидуальный* концепт. ОПРЕДЕЛЕНИЕ – это единственная структурно-смысловая модель (топ), которая, будучи реализованной в речевой практике, обязательно должна иметь вид *развернутого* и хотя бы относительно *завершенного* высказывания.

Топ СВОЙСТВА, ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА

СВОЙСТВА, ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА – это один и тот же топ, одна и та же структурно-смысловая модель, но имеющая разные ИМЕНА в зависимости от уточнённой сферы функционирования. Из определений в словаре понятно, что

наиболее ОБЩИМ является СВОЙСТВО, потому что и КАЧЕСТВО, и ПРИЗНАК включают в свою дефиницию как РОДОВОЕ ИМЯ именно СВОЙСТВО: «КАЧЕСТВО – *свойство*, специфика, "как" и "что" вещи» [ФЭС 2006, с. 207]; «ПРИЗНАК – *свойство*, по которому познают или узнают предмет; *определения*, которые отличают одно понятие от другого» [Там же, с. 362]. Само же СВОЙСТВО не имеет родового определения и описывается только через дейктическое местоимение: «СВОЙСТВО – *то*, что присуще какому-либо предмету, что составляет его *конкретное* существование» [Там же, с. 407].

Как ИМЕНА топы СВОЙСТВО, ПРИЗНАК, КАЧЕСТВО отражают *сущность* вещей, но сами являются абстрактными понятиями, немислимыми без «вещей», хотя в определённых ситуациях такое мышление возможно (например, в эксперименте Ф.Е. Василюка на тему «мечта об отдыхе» испытуемый рисует ...пятна: жёлтое, зелёное и синее, потому что именно *цветовые признаки* видит определяющими представителями *лета, леса, реки* [Василюк 1993, с. 6]). Их присущность вещам относительна: «Есть существенные свойства, без которых предмет существовать не может, и несущественные свойства, без которых существование предмета возможно» [ФЭС 2006, с. 407]. *Существенные* и *несущественные* признаки отмечал ещё Порфирий. Этот топ теснейшим образом связан с классическим родовидовым ОПРЕДЕЛЕНИЕМ, потому что главное содержание ОПРЕДЕЛЕНИЯ обязательно реализуется через *существенные* и *особенные признаки*. Топ СВОЙСТВА связан и с ИМЕНЕМ, потому что «перенос имени означает как бы и перенос и свойства одной вещи на другую, настолько тесно и неразрывно связаны между собой свойства вещи и её название» [Выготский 1996, с. 312]. Он органично связан и с другими структурно-смысловыми моделями: ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ (см. в словарной дефиниции «конкретное существование»), РОД и ВИД (КАЧЕСТВО и ПРИЗНАК – разновидности СВОЙСТВА), ДЕЙСТВИЕ и ПРИЧИНА, где действие оказывается следствием КАЧЕСТВА (например, *она не хотела тебя толкнуть, просто она большая*) и пр. Топ СВОЙСТВА может иметь степени, градацию, т. е. «постепенный переход от конкретных к абстрактным названиям можно исследовать на названиях качеств вещей» [Кассирер 1998, с. 599]. Поскольку *сущности* могут быть сходны или различны, значит на них же (ПРИЗНАКАХ, КАЧЕСТВАХ, СВОЙСТВАХ) базируется структурно-смысловая модель СРАВНЕНИЕ.

Предмет в широком смысле – не только «вещь», но и ситуация, «положение дел» и пр. Всё что может быть предметом общения и обсуждения, может иметь «существенные и несущественные» свойства, которые в данном аспекте точнее определить как актуальные и неактуальные для общающихся. От этого зависит, какое название топа мы выберем. Когда речь идет о характеристике *ситуации*, то скорее будут названы именно ПРИЗНАКИ, а не качества или свойства. Если актуален какой-либо *материальный предмет*, то описываются КАЧЕСТВА или СВОЙСТВА. Если нас интересуют *положительные* свойства, то мы будем вероятнее всего описывать именно КАЧЕСТВА (ср.: *качественная вещь*): от других ИМЁН этой структурно-смысловой модели такое ОПРЕДЕЛЕНИЕ невозможно. Эта «положительность» определила выбор имени КАЧЕСТВО и в некоторых лингвистических исследованиях [Шибкова 2006]. (Кроме того, именно это ИМЯ сохраняет закономерную преемственность исследования от Аристотеля до наших дней.) В самом начале работы автор пишет: «Основное содержание названной категории составляет признаковость объекта, осознанная познающим человеком как *сущностное свойство* или *свойство, привносимое в процессе взаимодействия с объектом*» [Шибкова 2006, с. 5. *Курсив мой. – В.С.*]. Именно такая двойственность делает исключительно гибкой эту категорию, реализуемую как структурно-смысловая модель в плане практического употребления. В работе О.С. Шибковой даётся подробнейший обзор исследований по этой проблеме от античности до современности, исследуются практически все способы выражения категории КАЧЕСТВО в языке (главное внимание уделяется прилагательному и когнитивным моделям, построенным на его основе). Это избавляет нас от необходимости «детализирования» в этом направлении. Хочется только подчеркнуть, что в реальной речевой практике топ КАЧЕСТВО всё равно не исчерпывается той глубочайшей и детализированной классификацией, которая предлагается какой бы то ни было лингвистической (даже когниолингвистической) теорией. Одна только реплика кондуктора в трамвае «Кто без билетов?» указывает на неполноту любой самой полной теории о категории КАЧЕСТВО, потому что в такой привычной и многократно наблюдаемой ситуации эта реплика – очевидная реализация именно топа КАЧЕСТВО. И если выразить эту мысль другим образом – существительным «безбилетник», метафорой «заяц», прилагательным «безбилетный» – ничего не изменится, если в целом сохраняется ситуация «здесь и сейчас». Это

КАЧЕСТВО (быть без билета) может быть ПРОТИВОПОСТАВЛЕНО другому КАЧЕСТВУ (быть с билетом) – независимо от того, какими лексическими средствами оно будет выражено. Если актуальны *оба* КАЧЕСТВА, то мы имеем дело уже с топосом ВИД (разновидности). Отраднo, что «на современном этапе развития языковедческой мысли мы вправе говорить о расширении лингвистического представления о категории вообще и о категории Качество, в частности» [Там же]. Однако этого расширения недостаточно, если реплика «кто без билетов?» функционирует как *качество*, но не вписывается в современное исследование, специально посвященное этой категории.

Таким образом, для наименования «вершинной» категории мы выбираем имя КАЧЕСТВО, которое вбирает в себя два других варианта – СВОЙСТВО и ПРИЗНАК – на том основании, что последние в силу своей лексико-семантической нейтральности и объективности слабее выражают *отношение* говорящего к обсуждаемому. В самом деле: ПРИЗНАКИ – это то, что в первую очередь позволяет идентифицировать объект или ситуацию (*посмотри, какие листья, это дуб; посмотри, какие тучи, будет дождь*); СВОЙСТВА – это объективно присущие предмету качества (*свойства воды, свойства металла и пр.*). И хотя свойства могут быть, как и качества, положительными и отрицательными, мы оцениваем их не безучастно, а относительно *данных* условий, в данной *ситуации* и в зависимости от того, какие цели преследуем. Пила должна быть *твердой* и *острой* (мы выбираем *твердость* стали), но нам нужна, например, не твердая и острая, а *красивая* брошь – из мягкого драгоценного металла (мы выбираем *мягкость* золота). Точно так же вода: полезно купаться в *морской* воде, но нельзя её пить и пр. «В языке, как и в любой другой семиологической системе, не может быть различия между свойствами вещи и тем, что определяет её существование, <...> тем, что отличает какую-либо единицу от других, и тем, что определяет её существование» [Соссюр 1990, с. 163]. Таким образом, *свойства* вещи «определяют её существование» безотносительно к нуждам, к «заботе» (по М. Хайдеггеру) человека. КАЧЕСТВА эту «заботу» учитывают. В лингвистике и в культуре речи как учебной дисциплине понятие *речи* определяется через её КАЧЕСТВА. *Содержательность, логичность, выразительность, убедительность, эмоциональность* и пр. – качества, а не свойства или признаки речи.

Особо следует остановиться на *количестве*. В современной диалектике понятия *количество* и *качество* неразрывно связаны известным законом. В реальной жизни актуально именно КАЧЕСТВО. А количество может рассматриваться как разновидность качества, хотя изначально, у Аристотеля, эти категории различались, и *количество* входило в его знаменитые категории «числом десять» наряду с *качеством* [Аристотель 1939, с. 78].

Русские философы XX века полагали: «Аристотель считал, что уяснение количественной характеристики сущности служит предпосылкой для правильного понимания категории качества» [Александров 1939, с. XXI]. Сегодня всякое понятие, связанное с качеством, рассматривается как такое, которое «уже имеет в своей основе *количество*». Однако научные и обывательские выводы из этого делаются разные до противоположности. С одной стороны, отмечается, что «сведение качества к количеству – основная тенденция современного естествознания» [ФЭС 2006, с. 207], которая реализуется везде, где применяются математические методы и квантификация; с другой стороны, наблюдения учёных-языковедов заставляют думать, что в обыденном сознании и реальной речевой практике *качество* и *количество* функционируют по-другому. Так, в работе Н. К. Рябцевой подчёркивается: несмотря на то, что «в системе категорий Аристотеля количество занимает второе место после сущности» [Рябцева 2005, с. 126], в реальной речевой практике повседневного общения *количество* функционирует вовсе не как математическая категория, но имеет прямую связь «и с логическим, и с эмоциональным в речи» [Рябцева 2005, с. 133]. На это обращают внимание и другие учёные, подчёркивая приоритет *качества* над *количеством* в языке [Бенвенист 2002, с. 106]; [Степанов 1981, с. 15, 1998, с. 553]. Эта повсеместно присутствующая в бытовом общении связь и делает *количество* разновидностью КАЧЕСТВА, и тогда вряд ли целесообразно выделять *количество* в самостоятельную «вершинную» языковую категорию. В самом деле, в повседневном общении мы чаще используем понятия *много*, *огромный*, *невероятный* или *мало*, *крохотный* и пр., чем точные цифровые данные. И если мы всё-таки используем количественную лексику, то обычно для того, чтобы выразить своё *качественное* отношение к этому количеству: *растратили миллион государственных средств; я отниму у тебя всего минуту*, т.е. используемая нами количественная лексика всегда выражает наше отношение, оценку. А оценка, отношение говорящего к ситуации, к

высказыванию или поступку оппонента – это тоже определённого рода КАЧЕСТВО, *приписываемое* предмету говорения-общения «здесь и сейчас». Эти субъективно понятые КАЧЕСТВА становятся, как правило, основанием общения говорящих, так как именно они и делают общение «животрепещущим», составляют главное содержание спора. Любое оценочное суждение есть реализация топа КАЧЕСТВО, которое может быть положительным или отрицательным. В процессе острого спора, рассматриваемого как ЦЕЛОЕ, порождаемая говорящими интеракция – при противоположности качественных оценок – трансформируется в топ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ). В то же время мы понимаем друг друга и договариваемся, потому что обладаем метакогнитивными способностями, которые «позволяют представлять содержание не только собственного сознания, но и содержание сознания других людей – их чувства, мысли, планы, желания, эмоции, мнения и т. д.» [Клепикова 2010, с. 271]. А это даёт возможность говорить не только о «разделяемом языковом сознании» [Там же, с. 272], но и о языке в целом как метарепрезентационной системе [Клепикова 2010]. Топ КАЧЕСТВА – существеннейшая часть этой системы.

Ещё М.В. Ломоносов в своих «общих местах риторических» разделял СВОЙСТВА (КАЧЕСТВА) на «материальные», такие как *величина, твердость, цвет, вкус, теплота* и пр., и «жизненные». Последние он относил исключительно к «одушевлённым вещам», которые подразделял, в свою очередь, на *дарования, страсти, добродетели, пороки, внешнее состояние, телесные свойства и чувства* [Ломоносов 1952, с. 102–103]. В целом и сегодня такая классификация топа КАЧЕСТВА (СВОЙСТВА) актуальна для общающихся, хотя перечень чувств значительно расширился. (Ломоносов относил к ним только те, которые осуществляются органами чувств: *зрение, слышанье, обоняние, вкушение, осязание*).

Объектом лингвистических, психолингвистических, когнитивных исследований всё чаще становятся не только чувства, но и эмоции [Мягкова 1990; Апресян 1993; Ортони, Клоур, Коллинз 1995; Паршин 2003; Волостных 2003; Шаховский 2008 и др.]. Ведь «эмоции многогранны; они затрагивают чувства и опыт, физиологию и поведение, формы познания и концептуализации» [Ортони и др. 1995, с. 314].

В упомянутой работе Ф.Г. Василюка представлена модель образа сознания в виде «психосемиотического тетраэдра», четыре угла (узла, полюса)

которого символизируют четыре определяющих человеческое сознание аспекта: *предметное содержание, личностный смысл, значение, слово как знак*. Эти аспекты связаны общей *чувственной тканью*, которая преломляется и «уплотняется» в каждом из этих узлов, имеет собственную природу (личностный смысл автор связывает с эмоцией) [Василюк 1993, с. 8], а в целом является пятым параметром, пятым «измерением» человеческого сознания. Напомним, что о *четырёх* аспектах видения, *четырёх* точках зрения (в буквальном, а не метафорическом смысле) говорили и Аристотель, и Порфирий, и – в наше время – В.Ф. Асмус, по-своему их толкуя и структурируя. Однако предшественники не выделяли *обобщающий* момент этих аспектов – «чувственную ткань», которую Ф.Е. Василюк называет «пятым измерением». Сегодня справедливо предполагается, что этих полюсов (моментов, аспектов, узлов) может быть и больше: «...После раздумий можно прийти к выводу, что модель психосемиотического тетраэдра может быть доработана за счет увеличения количества "полюсов" (тогда она перестанет быть тетраэдром!), но при обязательном сохранении целостности образа сознания и возможности фокусирования внимания на какой-то из его ипостасей» [Залевская 2002, с. 11].

Сегодня уже никто не сомневается, что в нашем сознании чувственное и логическое не просто соседствуют, но представляют собой единое и нерасторжимое целое, одно не существует без другого. «Высший принцип Локка (XVII век) гласит: нет ничего в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях и чувствах» [ФЭС 2006, с. 248].

Очевидно, что не только «чувственная ткань» *образа* сознания, но и само сознание как функционирующее живое целое есть «многомерная субстанция». Хотим обратить внимание на то, что, несмотря на стремление к *единению* всех составляющих образа сознания через «чувственную ткань», Ф.Е. Василюк предлагает *логически структурированную* модель: «Каждый из узлов образа – пограничная сущность, одной стороной обращённая к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка и культуры), а другой – к непосредственной субъективности; всё же вместе эти узлы задают объём, в котором пульсирует и переливается живой образ. Представим его в виде тетраэдра» [Василюк 1993, с. 8]. И то обстоятельство, что внутри этого тетраэдра «пульсирует и переливается живой образ», указывает лишь на то, что эта модель ещё и *динамическая*. Представляется также очень важным, что «узлы» этой модели *задают объём*. Этот объём не пуст, он

наполнен (живым образом), а «узлы» дают только самую общую ориентировку в мире, но не позволяют уловить динамику процессов внутри этого объема. Топика как система структурно-смысловых моделей это позволяет, потому что именно она образует эту «чувственную ткань».

Обратимся к примерам Ф.Е. Василюка, которые почерпнуты им из жизни, из собственной практики врача-психопатолога.

ПРИМЕР 1. Испытуемый В.: «Справедливость? Ну, например, разделили торт поровну. Это справедливо. <…>». Автор делает вывод: у больного «предмет стал доминантой образа» [Василюк 1993, с. 8–9]. Если целью было выяснить способность пациента к абстрактному мышлению, может быть, это и закономерный вывод. Но многие ли из здоровых людей поступили бы иначе? Примеры могли быть и другие, но для обыденного мышления так естественно обращаться к КОНКРЕТНОМУ!

ПРИМЕР 2. «Когда у нас не подчиняются, я, бывает, обругаю кого-то; мне говорят: Ира, ты была несправедлива». <…> Испытуемая идёт от противоположного (топ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ).

ПРИМЕР 3. «Испытуемая Г. на слово "дружба" рисует "свою верную подругу", а на слово "счастье" – человека с погонами: "Чтобы я вышла за него замуж. Это конкретный человек, он военный".

Автор приходит к выводу: «Во всех этих случаях стимульное слово сразу же помещает сознание в контекст личной жизни» [Там же, с. 10], т.е. имеется тяготение к личностному смыслу. С точки зрения топической организации и здесь имеет место обращение к КОНКРЕТНОМУ, только в первом примере это предмет, а в третьем – человек. Но может оказаться не менее важным и то, что испытуемая И. использует топ ДЕЙСТВИЕ в высказывании, а к стимульному слову подбирает ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, а испытуемая Г. связывает свои мысли с будущим возможным поступком, ДЕЙСТВИЕМ. При этом не очевидно, что в процессе высказывания эти испытуемые проявляли эмоции. Однако нельзя не согласиться с автором в том, что в любом нашем высказывании «эмоция составляет непосредственную чувственную подкладку личностного смысла», что «эмоция осмыслена, а смысл эмоционален» [Там же, с. 11].

ПРИМЕР 4. «Испытуемая Т. при предъявлении выражения "вкусный ужин" рисует окно, луну и тарелку, эмоционально комментируя рисунок: "Люблю всё красивое. Вкусный ужин – это расслабленность" – и мечтательно продолжает: "Красивая ветка, запах, вкусная еда поднимают настроение" [Там

же]. Обнаруживая здесь «чувственную ткань личностного смысла», можно увидеть и её структуру, которая и формирует эту ткань, этот объём. Во-первых, Т. рассматривает «вкусный ужин» как ситуацию (т. е. определённое ЦЕЛОЕ), состоящую из КОНКРЕТНЫХ ЧАСТЕЙ – красивой ветки на окне, запаха и вида вкусной еды на тарелке и пр. Она оценивает эту ситуацию как *приятную*, т. е. выделяет важные для неё КАЧЕСТВА ситуации и использует ОБЩЕЕ, чтобы указать на ПРИЧИНУ своей оценки (*люблю всё красивое*). Она указывает и на СЛЕДСТВИЕ (*вкусный ужин – это расслабленность*). В этом примере *имеет место* эмоция, «обнаруживающая своё самостоятельное бытие».

Таким образом, топика охватывает все сферы человеческого существования, как физического, так и ментального, как рационального, так и чувственного, в том числе сокровенные, личные, связанные с проявлением эмоций. Любое *оценочное* высказывание, любое *эмоциональное* высказывание строится из тех же самых структурно организующих смысл субстанций, на основании тех же самых структурно-смысловых моделей, что и любое логическое высказывание.

Мы поместили это утверждение в главу «Топ СВОЙСТВА, КАЧЕСТВА, ПРИЗНАКИ» по двум причинам. Во-первых, именно эти топы наиболее наглядны при выражении *оценки*, которая в бытовом общении, как правило, эмоциональна (хотя оценочным на практике может быть практически любой топ: *ты свинья!* – топ ИМЯ; *ну что ты тут бегаешь и бегаешь!* – топ ДЕЙСТВИЕ; *все вы такие!* – топ ОБЩЕЕ и т. д.). Во-вторых, *логическое* и *чувственное* – это *разновидности* топа КАЧЕСТВА; любому высказыванию может быть дана в этом плане *качественная* характеристика – в зависимости от того, что в нём превалирует: рационально-логическое или эмоционально-чувственное. Но главное заключается в том, что «хотя нечто, какие-то свойства, "качества" вполне объективно и "вещно" существуют и действуют в мире, но их не было бы и не могло быть без активного присутствия и *движения* сознания», потому что «мы *видим* вещи *так, как их понимаем*» [Мамардашвили 1992, с. 128–129].

Топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели)

Пространство и время – сложнейшие философские категории, которые в бытовом языке и повседневном общении людей представляются ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ, координирующими это общение. Однако в

подавляющем большинстве лингвистических исследований эта обобщённая и жизненно необходимая функция пространства и времени анализируется только на уровне *выражения словом*, хотя предварительный анализ философского и эстетического (в искусстве) понимания этих категорий, как правило, присутствует. Например: «Предварим лингвистический *анализ слов с пространственной семантикой* [курсив мой – В.С.] обсуждением некоторых общих вопросов, связанных, во-первых, с пониманием самого пространства – одной из фундаментальных категорий мировосприятия человека ("пространство" в философии, в картине мира...), а во-вторых, затронем вопрос об использовании "языка пространства" во вторичных моделирующих системах ("пространство" в искусстве)» [Яковлева 1994, с. 16].

Представляется актуальным *расширить границы лингвистического исследования*, по возможности органично совместив анализ семантики-смысла высказывания в ракурсе пространственно-временных и целевых отношений как ведущих ОБСТОЯТЕЛЬСТВ коммуникации. Топы ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места и времени актуальны для общающихся, прежде всего, как *качественные* характеристики предмета, события, ситуации, например: *долгая жара привела к засухе; повсеместно погиб урожай пшеницы*. В этих примерах слиты воедино КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО: в первом примере – количество и качество времени, во втором – количество и качество места. Причем последнее, качество, более значимо; точнее, более значима *качественность количества*, потому что она имплицитно выступает ПРИЧИНОЙ определённых СЛЕДСТВИЙ.

В повседневной жизни более актуально конкретное *место*, чем абстрактное *пространство*, но даже в философии и *пространство* связывается с человеческим переживанием: «ПРОСТРАНСТВО – то, что является общим всем *переживаниям*, возникающим благодаря органам чувств» [ФЭС 2006, с. 369]. Начиная с XVII века, внимание учёных переместилось с «пустого пространства» геометрии на «физическое пространство» и его воспринимаемость. И. Кант рассматривал его «как форму всех явлений внешних органов чувств, т. е. как формальное свойство всякого восприятия внешнего мира, благодаря чему только и возможны наши внешние наглядные представления» [Там же]. По И. Канту, пространство и априорно, и трансцендентально по отношению к человеческому опыту. В современной психологии признаётся, что пространство не дано нам как таковое, мы воспринимаем его только потому, что оно наполнено «вещами» и их

многообразными отношениями; сами отношения могут рассматриваться как пространство, «существование является пространственным» [Там же].

Существование «вещей» в пространстве настолько определяюще, что «интеллектуальная» пространственность поселилась и в нашем сознании: «общие места» в риторике есть отражение этого процесса. «Кроме возможности быть заполненным, пространство не имеет никаких других свойств» (Metzger. *Psychologie*, 1941) [ФЭС 2006, с. 370]. «Никаких других свойств» не имеют и «общие места», понимаемые как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла, как коммуникативные категории.

«ВРЕМЯ – форма возникновения, становления, течения, разрушения в мире, а также его самого вместе со всем тем, что к нему относится. Объективное время <...> нужно отличать от субъективного, которое основано на осознании времени. Последнее зависит от содержания переживаний и является гл. о. возможностью что-то делать, переживать и т. п.» [Там же, с. 78]. В реальной повседневной жизни мы всегда соотносим время со своими и чужими действиями, планами, возможностями, с событиями и ситуациями. Наше время всегда наполнено, поэтому только и ощущается нами. Каждый человек на личном опыте убеждается, что дни, бедные событиями, тянутся очень долго, а наполненные – пролетают очень быстро. Мы переживаем бедное событиями время как длящееся настоящее, как застой в нашей жизни, а наполненное событиями время – как активный переход в будущее, как движение вперед. Таким образом, каждый человек может убедиться в справедливости термина «субъективное время», принятого в философии [ФЭС 2006, с. 77] и лингвистике [Рябцева 1997, с. 80], которое связывается с осознанием времени и его переживанием человеком.

Каждодневно существуя во времени, мы в нём обязаны постоянно ориентироваться, чтобы согласовывать свои действия с действиями других людей и с разного рода событиями и ситуациями: «ещё рано», «пора на работу», «встретим в пять часов» «приходи в четверг», «я опаздываю», «завтра праздник», «как бы не было поздно» и т. д.

Выражение тех или иных моментов в нашем текущем времени, их выделение связано с ситуацией. И тогда правомерно выделить ещё один вид времени – «актуальное время», которое в реальной речевой практике реализуется структурно-смысловой моделью (топом) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

времени. Будущее, настоящее, прошедшее время – это абстракции от естественного понятия текущего времени как актуального «здесь и сейчас».

Августин и Лейбниц рассматривали время как безусловную предпосылку существования человека и *способ* его существования. И. Кант полагал, что время является формальным априорным условием всех явлений вообще.

Подробный анализ философских толкований времени с позиций лингвистики см. в [Чугунова 2009]. Вслед за В.Г. Гаком, который оперирует понятием семантического поля времени, С.А. Чугунова выделяет внешнюю и внутреннюю структуру этого поля при функционировании в речи. Внутренняя структура поля, в свою очередь, описывает время процесса, которое может быть внешним (его репрезентанты отвечают на вопрос *когда? Вчера, в прошлом году*) и внутренним (его репрезентанты отвечают на вопрос *как? Полным ходом, вдруг*) [Чугунова 2009, с. 107–108].

Если рассматривать время как ОБСТОЯТЕЛЬСТВО времени в системе других коммуникативных категорий, то становится очевидным, что в конструкциях, отвечающих на вопрос «как?», действует другая категория – топ КАЧЕСТВО (на что указывает сам вопрос), а *время* здесь вторично, только *способ выражения качества*. Хотя собственно *время* функционирует и в выражениях типа *время жить, время любить, время вращать*, которые относятся С.А. Чугуновой к «внешней структуре поля времени» [Чугунова 2009, с. 108], мы здесь имеем дело, на наш взгляд, уже не с ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ времени, а также с его качественной характеристикой, топом КАЧЕСТВО. В более просторном контексте часто актуализируется уже и вовсе далекий от времени топ, например, *время собирать камни и время разбрасывать камни*. Здесь актуально ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ. Существует и ОБЩЕЕ, которое может быть выражено устойчивым выражением *всему своё время*, мудрость которого ещё и в распределённости (своё), которое можно понимать как КОНКРЕТНОЕ в АБСТАКТНОМ.

В работах В.Г. Гака и С.А. Чугуновой подчёркивается связь семантического поля времени с другими семантическими полями, причём направление может быть как от времени к другим семантическим полям, так и от других семантических полей к времени. В.Г. Гак, например, указывает на распространённые способы определения времени «через элементы бытия»: движение («русское слово *время* восходит к корню со значением «вращать»), пространство («приду где-то около восьми»), занятие («за обедом»), человек

(«При Петре I») [Гак 1997, с. 124–125]. Ещё более распространены ситуации, когда не *время* через бытие, а «элементы бытия определяются через время» [Там же, с. 125–130]. Причём к элементам бытия относятся и *становление/исчезновение*, и *действие/деятельность*, и *обладание*, и *удобный момент*, и *отрезок времени*, и *эпоха*, и *логические отношения* (чаще всего *причина*) и т. д. При всём глубочайшем уважении к учёному не оставляет ощущение произвольности этого перечня. В списке совершенно очевидно имеют место ситуации, когда собственно ВРЕМЯ в них отсутствует или имеет очень слабую (второстепенную и третьестепенную) позицию. Например: *После этого я не хочу иметь с ним никаких дел*. В этом примере В.Г. Гак справедливо усматривает предшествующую причинность, но утверждение, что в основе этих логических отношений лежат временные отношения [Гак 1997, с. 129], не кажется бесспорным. «*После этого*» в данном случае менее всего *время*, но: *событие*, *поступок*, может быть, *высказывание*, то есть ДЕЙСТВИЕ, которое послужило ПРИЧИНОЙ сложившейся ситуации, которая, в свою очередь, есть СЛЕДСТВИЕ. В то же время представляется исключительно важным подчёркиваемая учёными связь времени с другими явлениями и понятиями; подмечен и общий принцип этого взаимодействия: от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлечённому [Гак 1997, с. 124; Чугунова 2009, с. 108].

Таким образом, с одной стороны, топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ – это не любое выражение времени, покрываемое семантикой концепта или поля времени, а выражение *актуального времени в данной ситуации, в данном контексте для данных общающихся*. С другой стороны, посредством этого топа устанавливается связь не вообще с какими-либо явлениями и понятиями, выбранными произвольно, а с определёнными структурно-смысловыми моделями, в первую очередь, с такими, как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, ДЕЙСТВИЕ и ПРЕТЕРПЕВАНИЕ (СТРАДАНИЕ).

«Время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие, и всякое бытие может переходить во время, и время может переходить в различные формы бытия. Нет времени вне человека» [Гак 1997, с. 124]. «Бытие и время взаимно определяют друг друга» [Хайдеггер 1993, с. 392], и их взаимоотношения в процессе бытования и общения людей регулируются ментально-бытийной структурно-смысловой моделью (топом) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ, существующей в языке как «вершинная»

категория времени, которая в процессе реализации в реальных коммуникативных отношениях может иметь какие угодно выражения. *Способы* выражения времени в лингвистической литературе многократно описывались и классифицировались. Подробный анализ см. в [Яковлева 1994], [Арутюнова 1997], [Гак 1997], [Рябцева 1997, 2005], [Чугунова 2009] и др.

Если «нет времени вне человека» (а для обычного, реально живущего человека так и есть), то не время, а именно топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ ежедневно актуализирует – разными способами в разных ситуациях – эту существеннейшую для нас координату бытия.

Ещё более естественно, органично и неизбежно мы привязаны к пространству. Во-первых, мы сами, наше тело, занимаем определённое пространство. Во-вторых, наше пространство-тело в каждый момент времени находится в определённом пространстве-мире, что столь же важно для ориентации в мире и согласования своих действий и поступков с действиями и поступками других людей, как и согласование во времени. В-третьих, существует ещё наше «внутреннее» пространство – не столько в смысле наших внутренних органов, сколько в смысле духовного мира или душевных состояний.

Для реальной человеческой жизни, таким образом, важны не сами по себе пространство и время, а их органичное взаимодействие. В самом деле, если я, например, опаздываю, значит, я не могу в определённый момент *времени* явиться в определённое *место*; если моя машина в одно и то же *время* окажется в одном и том же *месте* с другой машиной, неизбежна авария. Мы вынуждены постоянно координировать свои действия в пространстве и времени.

Н.Д. Арутюнова полагает: «Линейность составляет тот общий параметр, который позволяет сопоставить темпоральные и пространственные отношения. Линия – это пространственная (геометрическая) метафора времени» [Арутюнова 1997, с. 6]. Наша речь – вид действия, разновидность нашей деятельности – тоже происходит в пространстве и времени: «Речь, как и время, линейна. <…> Речь всегда остаётся линейной и необратимо текущей из прошлого в будущее» [Там же]. С этим трудно не согласиться. Однако распространённая метафора «речевой поток», хотя и включает понятие линейности, линейного движения, предполагает и объём (трудно представить себе поток, не имеющий объёма). А Слово может быть сказано как «вовремя» и

«к месту», так и «не вовремя» или «не к месту». Само «слово» может быть – в определённом смысле – местом и временем: «к слову сказать», «пришлось к слову».

Удачной попыткой связать воедино пространство/время нашей речевой практики – антропологически глобально, всеобъемлюще – представляет собой «крест реальности» О. Розенштока-Хюсси [Розеншток-Хюсси 1994, с. 55–70]. В момент речи каждый говорящий оказывается как бы в центре пересечения двух координат: одна – вертикальная, пространственная – имеет обозначения «внутри/вовне»; другая – горизонтальная, временная – ориентирована словами «назад/вперед». «Человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве. "Здесь" он говорит в направлении из внутреннего пространства во внешний мир и в направлении из мира, что находится снаружи, в своё собственное сознание. А "Теперь" он говорит в промежутке между началом времён и их концом» [Розеншток-Хюсси 1994, с. 56]. В этой работе поражает не только масштаб ответственности человека за произносимое «здесь и теперь» Слово, на который указывает О. Розеншток-Хюсси, но и предложенная им дихотомия: *внутреннее пространство и внешнее пространство* – с фактически поставленным между ними знаком равенства, равновеликости, равноправия. Подчеркнем: важно, по О. Розенштоку-Хюсси, не столько положение человека говорящего в физическом пространстве, сколько *соотношение* его внутреннего пространства с этим физическим пространством, которое осуществляется исключительно посредством речи. Это открытие, сделанное, по свидетельству К. Гарднера, учёным ещё в 1916 году [Гарднер 1994, с. 7], но опубликованное впервые только в 1969 (на английском языке), к сожалению, оставалось долгое время неизвестным для многих современных исследователей. Совершенно по-новому – в свете этого открытия – понимаются и «места риторические». Рассмотренные как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла, они получают дополнительное обоснование для своего существования во внутреннем – ментальном – мире человека. Древние мыслители были очень мудры, дав наименование топам («места»), связанное с пространством. Не их вина, что потомки выхолостили это ИМЯ.

Единство времени и пространства очень наглядно продемонстрировал П.А. Флоренский, просто внимательно присмотревшись к дереву: «Дерево ветвится в высоту.... Но ведь самые ветки появляются *с течением времени....*

Мы мало думаем об этом, отчасти потому, что ранее образовавшиеся части ветвей не уничтожаются, и таким образом пространственный трёхмерный образ дерева накапливает весь временной процесс и оттесняет его своею полнотою из нашего сознания. Но представим себе растение, отмирающее по мере его роста, например, что-нибудь вроде священной смоковницы. Тогда пространственный образ уже явно не замещает собой четырёхмерного образа этой смоковницы, как организма *растущего*» [Флоренский 1993, с. 212]. Если нет Времени, значит, прекратилось изменение в пространстве; дерево остается *одинаковым*, не изменяется; строго говоря, оно не может даже появиться, возникнуть, потому что возникновение – процесс во времени. Подобные «махинации» со *временем* многократно описывались в научно-фантастической художественной литературе, а выражение «время остановилось» вполне приемлемо для определённых моментов и в нашей реальной жизни. Мы его понимаем и употребляем как метафору, очень точно передающую определённое психическое состояние.

Намного сложнее представить себе отсутствие пространства. Время есть, а пространства – нет. «Пространственный образ» уже не только «не замещает собой четырёхмерного образа», его нет. А время есть. Это значит, что нечто возникает и, может быть, даже развивается, но не формируется, не становится, *не приобретает вещественность*. П.А. Флоренский от образа дерева переходит к описанию функционирования человеческого рода, смене поколений. Но если продолжить его идею о дереве в намеченном им плане, то, вероятно, существование Времени без Пространства можно представить себе в виде энергий: растения-энергии, животные-энергии, люди-энергии...

Существуя в пространстве и времени, обладая сознанием, содержание которого – переживание чувственных и умственных образов, человек не может не *желать*, а значит – не может не ставить перед собой целей.

«ЦЕЛЬ – представляемое и желаемое будущее событие или состояние, осуществление которых является промежуточным причинным членом на пути к цели, которая есть антиципированное представление результата наших действий (В. Вунд). <…> Возможность достижения некоторой цели может предполагаться только постольку, поскольку имеется возможность целеполагающего вмешательства человека в причинно обусловленные явления природы. <…>» [ФЭС 2006, с. 506].

Таким образом, если время, будучи актуальным в настоящий момент, обращено в прошлое и будущее, если пространство обеспечивает нашу собственную телесность и телесность всего бытия вокруг, то ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ – антропологический параметр, связанный с желательным для человека будущим. Цели коммуникантов могут быть разные, вплоть до противоположных, значит легко переходят в структурно-смысловую модель ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ. Частично совпадающие, они могут быть тесно связаны с СОПОСТАВЛЕНИЕМ или СРАВНЕНИЕМ. Цель появляется в связи с какой-либо ПРИЧИНОЙ. Вывести на желание осуществления какой-либо цели может чей-то ПРИМЕР. Цели могут быть ОБЩИМИ и КОНКРЕТНЫМИ. Реализация цели требует, как правило, ДЕЙСТВИЙ. И, конечно же, ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ всегда привязано к ВРЕМЕНИ и ПРОСТРАНСТВУ (*в семнадцать лет хочу с отличием закончить школу; в двадцать пять – иметь хорошую работу и крепкую семью и т. д.*) Если «нет времени вне человека», то ещё более закономерно, что нет цели вне человека.

Для достижения жизненных целей практически всегда актуальна речевая деятельность (подробно анализируемая в рамках прагмалингвистики и психолингвистики), которая предполагает «целеполагающее вмешательство человека» в бытие как природы, так и других людей. «Крест реальности» не включает в себя целеполагание, тогда как именно цели, намерения, желания, стремления, поставленные задачи, интенции, воля, наконец, человека регламентируют бытие как человеческого общества, так и природы, подвергаемой активному влиянию человека. Конечно, каждое из этих понятий имеет собственное семантическое поле, отличающееся степенью активности, определённой реализацией и др., т. е. они не синонимичны. Но в качестве «вершинной» языковой категории и – функционально – в качестве структурно-смысловой модели все эти смыслы покрываются топом ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ, который мы рассматриваем как один из ведущих, наряду с ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА и ВРЕМЕНИ.

Как и другие топы, в своё время целеполагание периодически в истории выступало на первый план и становилось ведущей научной парадигмой не только в лингвистике (особенно, в прагмалингвистике в виде интенций), но и в философии, социологии, психологии и даже естествознании, хотя И. Кант называет понятие цели «чужаком в естествознании». Целеполагание неизбежно проникает и в искусство: как минимум – в виде художественной

задачи автора. А в системе К.С. Станиславского становится определяющим постулатом: сверхзадачу работы актера над ролью он определяет как «цель творческого стремления» [Станиславский 1982, с. 343], уточняя и усиливая конкретные задачи актера даже тавтологией: «хочу стремиться к Софье», «хочу стремиться к отечеству», «хочу стремиться к свободе» [Там же]. Более подробно об определяющей роли глагола «хотеть» в системе К.С. Станиславского см. в [Садикова 1993, с. 116–118].

Поскольку ЦЕЛЬ сугубо антропологична, она напрямую связана с этикой – в отличие от других структурно-смысловых моделей. Характер целевой деятельности человека обуславливает её этическую ценность. По результатам этой деятельности (с точки зрения блага для других людей и бытия природы в целом) определяется степень ценности самой личности.

В то же время через ЦЕЛЬ определяется и само понятие структуры, входящее в состав термина *структурно-смысловая модель*. У И. Канта, несмотря на отрицательное отношение к целеполаганию в естествознании, структура – «положение и связь частей какого-либо организма, образованного с определённой целью». Сегодня в философии под *структурой* понимают «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» [ФЭС 2006, с. 438]. Топы есть *структурно-смысловые модели*, потому что обеспечивают диалектическую связность/целостность смысла и одновременно его актуальную «здесь и сейчас» дифференцированность.

Целостность тоже связана с целью: ЦЕЛОЕ – это то, что есть результат достижения цели, нечто, обусловленное целью, завершённое потому, что достигнута цель, выполнено (реализовано) ОБСТОЯТЕЛЬСТВО цели. По сути дела, *целостность* объекта можно определить, только связав с целью. Иначе целостность уходит в «дурную бесконечность» и теряет свой смысл. Целостность всегда относительна. Относительно того, какую антропологическую цель мы имеем в виду в данное время и в данном месте. Корни этого отношения в аристотелевской *энтелехии* (от греч. *entelecheia* – завершение, осуществленность). Это понятие функционирует во всех исторически сформировавшихся телеологических системах (начиная с Фомы Аквинского), рассматривающих с точки зрения цели не только действия человека, но и бытие вещей, полагающих, что цель заключена в самих вещах и связана с их смыслом. Эту идею последовательно развивает феноменология (подробный анализ см. в [Д.А. Леонтьев 2007, с. 8–27]).

В ряде языков само понятие смысла (а «в языке нет ничего кроме смысла») восходит к понятию цели, желания: немецкое «Sinn» (смысл) происходит от древненемецкого *sinnan*, переводимого как «быть на пути к цели»; английское слово «meaning», по некоторым источникам, восходит к англосакским корням с семантикой «желать», «намереваться» [Леонтьев 2007, с. 8]. Д.А. Леонтьев подчёркивает, что «при всем разнообразии трактовок <...> смысл всегда указывает на замысел, задачу, интенцию автора высказывания, на неязыковой контекст, ситуацию употребления знака» [Там же, с. 12]. Предлагая всесторонний теоретический анализ смысловой реальности с позиций психологии, автор, на основании анализа понятия *смысл* в гуманитарных науках, постулирует следующее: «Смысл (будь то смысл текстов, фрагментов мира, образов сознания, душевных явлений или действий) определяется, во-первых, через более широкий контекст, и, во-вторых, через интенцию или энтелехию (целевую направленность, предназначение или направление движения)» [Там же, с. 26]. Если присмотреться к «более широкому контексту», то окажется, что его определяющими параметрами являются ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места и времени.

Таким образом, определяющими для смысла в целом, смысла вообще, смысла как «наше всё» в языке оказываются ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА, ВРЕМЕНИ и ЦЕЛИ, рассматриваемые как «вершинные» языковые категории и используемые нами каждодневно в речевой практике как структурно-смысловые модели (топы) порождения коммуникативного смысла. Такое понимание смысла, как нам представляется, снимает «затруднение», на которое указывает Д.А. Леонтьев, однозначно разграничивая понятия смысла как «достояние науки», с одной стороны, и как «элемент обыденного языка и обыденного сознания», с другой [Там же, с. 27]. А.Ф. Лосев, наоборот, находит самое научное, казалось бы, понятие *диалектика* и самым житейским, бытовым и жизненным: «Жизнь сама порождает из себя науку и диалектику. Нет жизни, нет верного восприятия жизни, – не будет ничего хорошего и от диалектики, и никакая диалектика не спасёт вас, если живые глаза ваши – до диалектики – не увидят подлинной и обязывающей вас действительности» [Лосев 2009, с. 91].

Представляется несправедливым, что ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ часто уходит из поля внимания учёных-риторов, признающих и использующих топику в целом. Так, А.К. Михальская, выделяя топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО (места, времени,

условия) [Михальская 1996, с. 152–153], ничего не говорит об ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕ ЦЕЛИ, тогда как любое высказывание, любая речь – эксплицитно или (чаще) имплицитно – начинается с определения *цели* высказывания. Я всегда знаю, *зачем* я высказываюсь.

Зато вызывает большие сомнения необходимость выделять в качестве самостоятельной структурно-смысловой модели *Обстоятельство условия*. Представляется, что это обстоятельство носит локальный характер и не обеспечивает собственного смыслового поля в качестве «вершинной» языковой категории. Несмотря на то, что «УСЛОВИЕ – то, от чего зависит нечто другое (обусловленное), что делает возможным наличие вещи, состояния, процесса, в отличие от *причины*, которая с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо (действие, результат действия)» [ФЭС 2006, с. 469], это различие вряд ли существенно в процессе повседневного естественного общения и деятельности. Для говорящих условие как условие всегда предполагается в будущем, актуально только до тех пор, пока не осуществилось, пока сохраняется возможность выбора. Осуществлённое, оно становится реализованным топом ПРИЧИНА с соответствующим СЛЕДСТВИЕМ. Значит, условие может рассматриваться как имплицитная, мыслимая, ментальная ПРИЧИНА. Ср.: *если он придет...* (условие); *он пришел, поэтому...* (ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ), *он не пришел, поэтому...* ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ). Пока в процессе высказывания сохраняется возможность выбора, мы имеем дело чаще всего с явным или скрытым ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ: *Если он придет, то..., а если не придет, то...* И если всё-таки возникает высказывание типа «*если он пришел, то...*», мы определённо устанавливаем *причину*, а не условие события.

Есть сомнения и относительно ОБСТОЯТЕЛЬСТ, отвечающих на вопросы *как?* и *каким образом?* Во-первых, они не имеют никакого отношения к указанным А.К. Михальской обстоятельствам (место, время, условие). Во-вторых, автором убедительно описан с точки зрения употребления в речи топ СВОЙСТВА (КАЧЕСТВА) [Михальская 1996, с. 142–144], который может рассматриваться не только в статике (что *каково?* или *какое?*), но и в динамике (что происходит *как?* и *каким образом?*). Тем более это правомерно, так как к этому же топу (СВОЙСТВА) А.К. Михальская относит и ФУНКЦИИ [Михальская 1996, с. 142].

Таким образом, топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА необходимо и достаточно определяется ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ МЕСТА, ВРЕМЕНИ и ЦЕЛИ, обеспечивая адекватную связь актуального (коммуникативного) смысла высказывания с реальностью и его (высказывания) функционирование в этой реальности. В таком триединстве топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА представляет собой одну из «вершинных» языковых категорий, покрывающей существеннейшее смысловое поле языка, подтверждая справедливость не только афоризма М. Хайдеггера «язык – дом бытия», но и его уточнение Ю.С. Степановым: «язык как пространство мысли» и «дом бытия духа» [Степанов 1995, с. 32].

Топы ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ

Наряду с «качественной определённой» выделяется «целостная определённая», которая наиболее полно разрабатывается в гештальттеории. Выдвинутая Хр. Эренфельсом идея о принципиальной несводимости целого к сумме составляющих его частей получила широкое распространение не только в психологии (например, в [Выготский 1996, с. 11–14]), но и в других гуманитарных сферах. Единицей гештальттеории является гештальт – «пространственно наглядная форма воспринимаемых предметов; в переносном смысле употребляется также по отношению к психическим и культурно-историческим образованиям, части которых определяются целым и которые в то же время взаимно поддерживают и определяют друг друга; образования, чьи существенные свойства нельзя понять путем суммирования свойств их частей» [ФЭС 2006, с. 103].

Это обобщённое в современном философском словаре положение имеет долгую историю. Его прообраз можно найти ещё у Платона применительно к речи: «Пожалуй, следовало бы за слог принять не совокупность букв, а какой-то возникающий из них единый зримый вид, имеющий свою собственную идею, отличную от букв» [Платон 1993, с. 266]; «А давать имена – не входит ли это как часть в нашу речь?» [Платон 1990, с. 618].

Исследователь истории риторики отмечает, что и речь как целое (прежде всего, ораторская речь) не случайно рассматривалась как *dispositio* (расположение), а не *compositio* (сочетание), т. е. строилась «не снизу вверх, а сверху вниз», не синтезировалась из элементов, а разворачивалась как целое. См. [Гиндин 1996, с. 23]. Эта традиция продолжена и М.В. Ломоносовым, что позволило С.И. Гиндину сделать следующий вывод о системе топосов в

риториках М.В. Ломоносова: «...перед нами, фактически, ранний образчик порождающей системы, строящей текст по сжатоному представлению его смысла» [Там же, с. 33].

Вопреки мнению о механистическом отношении между душой и телом у Декарта («дух в машине»), Декарт рассматривает человека как ЦЕЛОЕ, состоящее из двух определяющих ЧАСТЕЙ – души и тела. При этом каждая из ЧАСТЕЙ есть также ЦЕЛОЕ. Из современных философов это признал только М.К. Мамардашвили: «Для Декарта сознание есть непосредственное видение предмета, та же палка слепого, прикасающаяся к предмету» [Мамардашвили 1993, с. 286]. И далее: «Душа (у Декарта) связана со всем телом. Под «палкой» ведь мы имеем в виду состояние, держащееся каким-то надутым напряжением, концы которого пространственно отделены один от другого, но мы полагаем их мгновенно, одним и тем же и на одном конце, и на другом. И не можем дробить это состояние и понимать его посредством увязывания с какими-то локализуемыми частями тела. По Декарту это исключено. И это, действительно, исключено» [Там же, с. 287]. И ещё: «Декарт вообще видел свою задачу в том, чтобы устранить какой бы то ни было механистический элемент из мысли, даже какой-либо оттенок его. Этого требует принцип активности, невербального существования "простых интуиций" *korumo*. Иначе мы делаем ошибку в психологии и разрушаем психологическую картину» [Там же, с. 293].

Подробно ЦЕЛЫМ и ЧАСТЯМИ занимается гештальтпсихология, но у нее был предшественник – бихевиоризм, потому что «бихевиорист интересуется прежде всего поведением *целого* человека» [Толмен 1980, с. 49], потому что «поведение как тип связи с окружающей средой может осуществляться только целым организмом» [Там же, с. 59]. А поведение этого целого организма «направлено на целевой объект или исходит из него» [Там же, с. 62]. Способность к обучению и познанию (в аспекте целенаправленности поведения) «является функцией организма как целого» [Там же, с. 63]. Поэтому считаем, что «формула», приведённая немецким психологом М. Вертгеймером, основоположником гештальтпсихологии, базируется уже на определённой традиции: «Существуют связи, при которых то, что происходит в целом, не выводится из элементов, существующих якобы в виде отдельных кусков, связываемых потом вместе, а, напротив, то, что проявляется в

отдельной части этого целого, определяется внутренним структурным законом всего этого целого» [Вертгеймер 1980, с. 86].

Собственными свойствами, КАЧЕСТВАМИ (гештальткачествами) обладают как эти целостности, так и их части. «ГЕШТАЛЬТКАЧЕСТВА (свойства целого, качества Эренфельса) – свойства целостностей, в особенности свойства *гештальтов*, которые не вытекают из свойств частей этих гештальтов, а присущи самим гештальтам в целом как таковым» [ФЭС 2006, с. 103–104]. М. Вертгеймер подробно анализирует качества Эренфельса и приходит к выводу, что целостность, в которой функционирует человек как поведенческая целостная единица может быть охарактеризована как поле, в котором человек есть его ЧАСТЬ, «но такая часть, которая характеризуется целостностью, так же как и его реакции» [Вертгеймер 1980, с. 87–91]. Основной вопрос для М. Вертгеймера «состоит в следующем: определяется ли часть осмысленно, своим целым, структурой целого или всё происходит механически, слепо случайно, поэлементно, так, что то, что имеет место в целом, строится на основе суммирования того, что происходит на отдельных участках» [Там же, с. 93]. Всей своей работой гештальтпсихолог доказывает первое.

Гештальтеория и гештальткачества основываются на многообразии раздражений, которое способен испытывать человек, на его переживании самостоятельных или совокупных внешних стимулов. Например, переживание музыкального аккорда совершенно отлично от суммы переживаний составляющих его отдельных тонов. Были установлены также сходства между гештальткачествами, принадлежащими к совершенно различным сферам чувств и вещей: например, музыкальное *crescendo* – восходящее солнце – возрастающее ожидание или сходство стиля произведений поэзии, живописи и изобразительного искусства. Однако само *сходство* не рассматривалось как гештальткачество, исключалось из системы гештальтеории. В целом выделялось три *вида* гештальткачеств: 1) *структура* (строение, тектоника), куда относились и пространственная форма, и окраска или яркость, и степень важности, и ритм и пр.; 2) *свойство* (или качество) целого, его материальные свойства, которые выражались неограниченным списком прилагательных, например, *прозрачный, сияющий, шероховатый, упругий, пронзительный* и пр.; 3) *сущность*, под которой понимались свойства, характеризующие личность: *радостный, спокойный, гордый, мрачный* и пр. Таким образом, тут предлагается *совместная* классификация и очень *обобщённых*, и очень

конкретных характеристик качеств как единое, «промежуточное же от них ускользает» [Платон 1994, с. 13].

Например, «теплота» в гештальттеории может рассматриваться и как температурное ощущение (например, тёплое молоко), и как определённая окраска (например, жёлтые или бежевые тона), и как определённые интонации в голосе собеседника, проявление его *тёплого* отношения и пр. Для нас здесь важно, что все эти различные смыслы «теплоты» основываются на одной и той же структурно-смысловой модели – СОПОСТАВЛЕНИЕ, которая остается за пределами гештальттеории, не связывается ни с ЧАСТЯМИ, ни с ЦЕЛЫМ, что вполне закономерно: СОПОСТАВЛЕНИЕ, СРАВНЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – это *другая* структурно-смысловая модель (топ).

Чтобы охарактеризовать топы ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ как «вершинные» языковые категории, обратимся к более общему философскому понятию: «ЦЕЛОСТНОСТЬ – завершенность, тотальность, цельность и собственная закономерность вещи. На рубеже XIX–XX вв. стали употреблять это понятие для того, чтобы рассматривать все вещи прежде всего в их первоначально цельной взаимосвязи, в их структуре и т.о. отдать справедливость тому факту, что указание свойств составных частей никогда не сможет объяснить общего состояния или общего действия вещи; ибо отдельное, "часть" не может быть понята только вне целого, а целое, как учил ещё Аристотель, больше суммы своих частей. Целое не "составлено" из частей, в нём только различаются части, в каждой из которых действует целое <...>» [ФЭС 2006, с. 506].

Обратим внимание на ещё один аспект целостности, который особенно актуален для топологии как системы. Целостность – это ЦЕЛОЕ, обусловленное ЦЕЛЬЮ, где цель понимается широко – от назначения (вещи) до предназначения (человека). Как видим, главная идея, берущая начало от Аристотеля, продуктивна не только для психики человека, но и для «вещей». А от «вещей», от бытия естественен переход к языку как «дому бытия» (М. Хайдеггер) и «дому бытия духа» (Ю.С. Степанов).

Р. Якобсон убедительно анализирует очерк Э. Нагеля «Целое, сумма и органичные единства», в котором выделяются «некоторые типы отношений между целым и частью». Э. Нагель, по словам Р. Якобсона, указывает что «слово "целое" может означать *процесс*, одна из частей которого является уже другим процессом». «При другом типе отношений между частью и целым слово "целое" означает некоторый *временной период*, в пределах которого

частями являются временные интервалы». Под *целым* можно подразумевать и «любой класс, набор или *совокупность элементов*, и тогда *часть* может означать "либо любой подходящий подкласс исходного множества, либо любой элемент этого множества" (Нагель)». Р. Якобсон подчёркивает, «что каждый из этих типов играет существенную роль в структуре языка и что пренебрежение ими может привести к искажению и обеднению всей языковой системы» [Якобсон 1985, с. 301–305]. Несмотря на то, что вербальное сообщение как ЦЕЛОЕ является временным периодом, Р. Якобсон, вслед за Нагелем подчёркивает, что «ни целое, ни части не должны с необходимостью быть непрерывными во времени» [Там же]. Это значит, что высказывание (вербальное сообщение), содержащее коммуникативный смысл, не может быть только линейным. Уже основной принцип взаимоотношений ЧАСТИ–ЦЕЛОГО Аристотеля / Эренфельса это предполагает. Рассматривать высказывание исключительно как последовательно линейное образование – значит заведомо этот принцип нарушать. Выделенные Нагелем ВИДЫ ЦЕЛОГО с очевидностью указывают на взаимосвязь этой «вершинной категории» не только с ЧАСТЬЮ, но и с ДЕЙСТВИЕМ (процессом), и с ОБСТОЯТЕЛЬСТВОМ времени, и с РОДОМ, и со СВОЙСТВАМИ в качестве ЧАСТЕЙ ЦЕЛОГО объекта. Р. Якобсон отмечает и наиболее глобальную реализацию «модели отношений» ЦЕЛОЕ у Э. Нагеля – «вопрос о фундаментальном различии между замыслом и конкретным воплощением», где речь идёт скорее об ОБЩЕМ и ЧАСТНОМ (конкретном), нежели о ЦЕЛОМ и ЧАСТИ: «Если целое является "моделью отношений", то часть, как замечает Нагель, может также относиться к любому из элементов, которые соотнесены по этой модели в конкретном её воплощении» [Там же, с. 304].

«Пространственно-временные границы сообщения становятся одним из камней преткновения при любом объективном подходе к языку. С реалистической точки зрения *язык не может быть интерпретирован как изолированное и герметически закрытое целое, а должен рассматриваться одновременно и как целое, и как часть*» [Там же. Курсив мой. – В.С.]. Это теоретическое положение Р. Якобсон уточняет относительно сомнительной возможности анализа отдельного предложения-части без учёта его места в высказывании-целом, где под ЦЕЛЫМ понимается не только вербальная составляющая высказывания, но и контекст, ситуация общения, дискурс: «Искусственная трактовка сообщений без обращения к предполагаемому

контексту ещё раз наглядно подтверждает неправомерность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое» [Там же]. Как и Э. Нагель, Р. Якобсон считает, что «богатая шкала связей между целым и частями» участвует в строении языка, что отношения ЧАСТИ – ЦЕЛОГО «являются фундаментальными устройствами» [Там же, с. 305]. И если в результате функционирования ЦЕЛОГО и ЧАСТЕЙ, их взаимодействия, появляется (по Якобсону) необходимость введения *временных и пространственных* факторов, то это значит, что Р. Якобсон уже указывает на необходимость системности на глобальном уровне.

И другой замечательный исследователь справедливо полагает, что «язык представляет собой систему и единое целое. Он организуется как упорядоченный набор различных и служащих различению "знаков", которые обладают свойством разлагаться на единицы низшего порядка и соединяться в единицы более сложные. Эта большая структура, включающая в себя меньшие структуры нескольких уровней, и придаёт форму содержанию мысли» [Бенвенист 2002, с. 104]. Однако сегодня этого недостаточно. Важно понять, с одной стороны, как ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ *функционируют* в речи, увидеть *диалектическую природу их взаимодействия в конкретной речевой практике*, с другой стороны – *увидеть Язык как действительно системное ЦЕЛОЕ*. Отсутствие в общепризнанной лингвистической парадигме «вершинных» языковых категорий (прежде всего таких, как ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ) приводит к тому, что Язык видится не как ЦЕЛОЕ, а как *совокупность* систем, где каждая система рассматривается автономно, как ещё один ракурс, аспект, сторона языка. И оказывается, что, видя системность какой-либо *стороны* языка, специалист формально «складывает» из этих подсистем якобы целую систему Языка. Полагаем полезным в этом смысле прислушаться к философу: «"Часть" – внешне обособленный предмет, входящий в состав другого предмета ("целого") и выполняющий в нём определённую роль. "Целое" – предмет, состоящий из различных частей и обладающий в силу этого определёнными свойствами, которых нет у отдельных частей и которые присущи лишь их координации. "Суммативных" целых (то есть таких, которые целиком сводятся к свойствам своих отдельных частей) *вообще не бывает* [Курсив мой. – В.С.]. С другой стороны, целое не существует как особый, самостоятельный предмет наряду со своими частями. Оно отличается от своих частей лишь так, как координация отличается от координированных в ней

элементов» [Мамардашвили 1992, с. 217]. У М.К. Мамардашвили часто встречается это слово – «координация». По сути дела всё именно в ней; через это понятие определяется даже понятие синтеза: «Синтез же есть фиксирование координации различающихся своей ролью внутри целого внешне обособленных предметов или связей» [Мамардашвили 1992, с. 214]. М.К. Мамардашвили *не отождествляет ЦЕЛОЕ с координацией, а сопоставляет их как процессы. Другими словами, ЦЕЛОЕ динамично, изменчиво. Применительно к речи, к конкретному высказыванию ЦЕЛОЕ обусловлено ситуацией общения, контекстом, актуализированным дискурсом; каждое новое «здесь и сейчас» может дать новое ЦЕЛОЕ. Но это справедливо только для настоящего момента. По П.А. Флоренскому, подлинная целостность не трёхмерна, а четырёхмерна, т. е. следует учитывать временную координату. Это касается как вещей, так и людей: «...каждый действительный образ имеет *четыре* измерения и есть, если говорить о нём как о целом, некоторое образование четырёхмерной геометрии, т. е. не тело, а сверх-тело» [Флоренский 1993, с. 195]. Другими словами, человек в каждый момент своего существования есть лишь ЧАСТЬ себя самого, и эта ЧАСТЬ представляет всего человека как ЦЕЛОЕ. Говорить же о подлинной *целостности* человека можно только по завершении его жизни, имея в виду *всю* его жизнь – от рождения до смерти. При этом, видимо, следует говорить уже не о *целостности*, а о *цельности* (о цельном образе), что прямо указывает на связь ЦЕЛОГО и ЦЕЛИ. «Правда, у каждого процесса может быть наиболее значительная стадия, и мы тогда сознаём этот отрезок процесса господственным над всеми прочими, в известном смысле – *целью* существования всех прочих, и тогда эта стадия оценивается нами как энтелехия всего процесса, как символический представитель четырёхмерной сущности» [Там же, с. 199]. В психологии эта цельность/целостность человека, которая формируется и проявляет себя в каждый момент его жизни, именуется личностью.*

Таким образом, проблема ЦЕЛОГО и ЧАСТИ рассматривалась разными специалистами в разных науках и с разных сторон. Но «структура вербального кода, возможно, представляет собой самый поразительный и самый сложный пример иерархии отношений между целым и частью» [Якобсон 1985, с. 304]. Сложность заключается ещё и в том, что и язык не может рассматриваться как изолированная система: его необходимо соотнести, по крайней мере, с двумя реалиями – Бытием и Мышлением. Относительно бытия: «Отражение мира,

которое закрепилось в языке, не фиксируется в отдельных его единицах, а соотносится целиком со всей языковой системой, внутреннее строение которой является производным от общих объективных закономерностей» [Колшанский 1990, с. 68]). Процесс мышления в рассматриваемом аспекте в самом общем виде заключается в том, что «репрезентация создаёт ментальные целостности; символизация отбирает какие-то части, которые должны отражать это целое» [Психолингвистика 1984, с. 96]. Понятие целостности исключительно важно и при общении, при диалогических отношениях, потому что «это особый тип смысловых отношений, членами которых могут быть только целые высказывания» [Бахтин 1979, с. 320].

Целостности в языке и речи посвящена работа Э. Сепира, впервые опубликованная в 1930 году [Сепир 1993]. Учёный исходит из того представления о целостности, которое функционирует в нашем бытовом мышлении и повседневной речевой практике: «Понятие «totality» ('целостность, объединённость в целое') может рассматриваться как некое *первичное подсознательное понятие*: оно столь естественно и неизбежно *формируется из эмпирической реальности*, что сведение его к более простым понятиям весьма затруднительно, а для большинства людей, по-видимому, вообще невозможно» [Там же, с. 387. Курсив мой. – В.С.]. Подчеркнем: по Э. Сепиру понятие ЦЕЛОГО определённно связано и с мышлением, и с бытием. Функционирует это понятие в нашем сознании «двумя способами – с одной стороны, сохраняя свою отдельность и особость, например, *стол* в противоположность *стулу*, а с другой стороны, объединяясь в функциональные единства, например, *стол* и *стул* – как необходимые части мебельного гарнитура» [Там же]. Таким образом, *стол* может рассматриваться как ЦЕЛОЕ, состоящее из ЧАСТЕЙ (деталей) и как ЧАСТЬ ЦЕЛОГО (мебельного гарнитура). «Однако существует глубокое различие между деталью стола в отношении к столу и столом в отношении к мебельному гарнитуру» [Там же, с. 388]. Чтобы квалифицировать это различие и классифицировать ВИДЫ целостностей, Э. Сепир прибегает к понятию *сущности* и *количества*; последнее задействовано в формировании ведущих терминов: квантифицируемое – то, что может быть охарактеризовано *количественно*, а квантификатор – выражение, представляющее собой *указание некоторого количества* и пр. Учёный выделяет сущности, «не объединимые в целое» («сохраняемые сущности») и «объединимые в целое» («подверженные различным операциям

складывания»). Сохраняемая сущность «не может мыслиться как объединённая в целое, она может быть лишь *индивидуализирована*» [Там же]. Вторую разновидность сущности Э. Сепир подразделяет на шесть типов в зависимости от того, каким именно «операциям складывания» она подвергается в сознании (примеры в скобках принадлежат Э. Сепиру): 1. «Сущность, мыслимая как делимая на части, но при этом "сопротивляющаяся" такому делению» (например, *всё количество воды*). 2. «Сущность, мыслимая как совокупность частей, вычленяемых из обычно неделимой сущности» (например, *всё, из чего состоит стол*). 3. «Сущность, мыслимая как делимая на части, но при этом упорно сопротивляющаяся деформации в суммированную сущность» (например, *стол целиком сделан из дуба; вода полностью кипит*). 4. «Совокупность сущностей, каждая из которых рассматривается как обладающая независимой функциональной реальностью», «простая совокупность» (например, *все столы, множество/комплект столов в данной комнате*). 5. «Совокупность, мыслимая как делимая на элементы или части и "не сопротивляющаяся такому делению», «полная совокупность» (например, *полное множество столов*). 6. Совокупность, воспринимаемая в аспекте угрозы её распада и превращения в простую совокупность» (например, *все из столов в данном наборе*) [Там же, с. 389–390]. На основании классификации сущностей по типу объединения в целое Э. Сепир даёт типологию ЦЕЛОСТНОСТЕЙ и предпринимает попытку выявить различия в *структуре* этих типов, опираясь на идею количественности и используя так называемые *квантификаторы* и *определители*. Однако он признаёт, что «не всегда бывает легко отнести реальные слова и выражения, содержащие в своем значении идею количества, к тому или иному типу, поскольку существуют многочисленные смешанные типы» [Там же, с. 404].

Положив в основу «первичное *подсознательное* понятие» целостности, Э. Сепир интуитивно и произвольно пытается классифицировать *все* типы этого подсознательного понятия, опираясь, видимо, исключительно на собственный – безусловно, богатый – речевой и научный опыт. В результате он анализирует и не реальную речь, обусловленную контекстом, дискурсом, ситуацией, и не язык, не абстрактные языковые модели, но пытается на основании произвольно сформулированных и предположительно обычно функционирующих в речи выражений сделать ОБЩИЕ для языка (в данном случае, английского) выводы. К тому же ЦЕЛОЕ далеко не всегда связывается с

количеством, поэтому только условно можно отнести к «целостностям» выражения типа «этот рыболов – настоящий спортсмен». Э. Сепир характеризует это выражение как «целостную нормальность», хотя и указывает, что здесь речь идет уже не о *сущности*, а о *совокупности качеств*, необходимых для успешного занятия этим видом спорта. Таким образом, автор стремится понятием ЦЕЛОСТНОСТЬ охватить *всё* бытие и *всё* мышление, включая сюда – как подчинённые – и другие вершинные языковые категории, в данном случае – КАЧЕСТВО. В то же время, полагаем, что разделение целостностей на «индивидуализированные» и «совокупные» весьма конструктивно и актуально для общающихся. Оно даёт первичную подсознательную ориентацию для взаимопонимания – там, где при общении актуальна структурно-смысловая модель ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ.

Смешение категорий приводит и других специалистов к путанице. На такое смешение в исследовании Э. Рош указывает А. Вежбицкая: Э. Рош обнаруживает «неявное допущение, что *птица* и *мебель* "категориальные слова" одного и того же типа. Следуя Рош, многочисленные психологи и, что более неожиданно, лингвисты приняли это допущение как безусловно верное. Имеются, однако, ясные грамматические (а также семантические) свидетельства того, что эти два слова воплощают совершенно разные типы понятий. Птица – таксономическое понятие, соотносимое с определённым "типом живых существ". Но мебель – никоим образом не таксономическое понятие: это СОБИРАТЕЛЬНОЕ понятие (ср. Wierzbicka 1984 и 1985; Zubin, Корске 1985), которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов» [Вежбицкая 1996].

По Э. Сепиру, *мебель* – совокупное ЦЕЛОЕ, а *птица*, полагаем, сохраняемая индивидуализированная сущность, ЦЕЛОЕ, неразложимое на ЧАСТИ. Уточним: если иметь в виду *всю* систему топов, то *птица* – не «тип живых существ», но ВИД (относительно РОДА «живое существо») или РОД (относительно *пород* птиц). В конкретной ситуации *птица* может оказаться и АБСТРАКТНЫМ, если актуально только какое-то *общее* свойство (*ты же не птичка, чтобы клевать по зернышку!*), и КОНКРЕТНЫМ (*вот та самая птица*). Может быть актуализирована и ЧАСТЬ (*у этой птицы повреждено крыло*). Таким образом, мы ещё раз убеждаемся, что абсолютизация любой структурно-смысловой модели, в том числе и такой важной, как ЧАСТЬ и

ЦЕЛОЕ, приводит к не вполне адекватному анализу речевого общения, к отрыву от реальной действительности.

Мудрейший знаток человеческих душ Марсель Пруст пишет: «... мы познаём лица не математическим путем. Оно, это познание, начинается не с измерения отдельных линий, – оно исходит из выражения, из целого. <...> Выражение лица способно убедить в том, что отделённое чем-либо бесконечно малым решительно ни на что не похоже, – а бесконечно малое может само создать выражение совершенно особенное, целую индивидуальность...» [Роман «Под сенью девушек в цвету», 1992, с. 436]. Так мы познаём не только лица, а ВСЁ вокруг: сначала «выражение», актуальное ЦЕЛОЕ, имеющее *к нам* отношение, а потом – детализация, ЧАСТИ «в свете» этого ЦЕЛОГО. Это происходит потому, что, как замечательно сказал А.Г. Асмолов, «мы с вами все – смыслочерпалки!» (Канал «Культура», передача «Мир и я в этом мире» от 13 февраля 2011 г.). Предварительно учёный описал проведение психологического теста на функционирование кратковременной памяти: шахматисту высокого уровня предложили запомнить и затем сказать, сколько фигур на доске и как они стоят, дав ему посмотреть на доску очень малый промежуток времени. Знаменателен ответ шахматиста: «Я не знаю, сколько там фигур и как они стоят, но если белые начинают, то они дают мат в два хода». *Смысл* актуального ЦЕЛОГО превалирует над формальными ЧАСТЯМИ.

Таким образом, структурно-смысловая модель ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ, как и другие топы, охватывает собственное ментально-смысловое поле, мобильна и диалектична. Какая именно её сторона будет актуализирована в процессе речевого общения и как будет выражена, зависит от предмета общения, ситуации общения, дискурса, экстралингвистических факторов, индивидуальных особенностей общающихся, их отношений и пр. В то же время она не довлеет над всеми другими структурно-смысловыми моделями, но позволяет не только упорядочить – доступно для всех – вещи, факты, ситуации, мысли, идеи, но и найти им «своё место» в каждой конкретной ситуации, в том числе и тогда, когда фактом становится и сама речь.

Топы ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ

«Есть два вида движения, количественно беспредельные: свойство одного из них – действие, другого – страдание. Из соприкосновения их друг с другом и взаимодействия возникают бесчисленные пары: с одной стороны,

ощутимое, с другой – ощущение, которое возникает и проявляется всегда вместе с осязаемым. Эти ощущения носят у нас имена зрения, слуха, обоняния, холода и тепла; <...> всё разнообразие вещей возникает от взаимного общения и движения, причем невозможно твердо разграничить, что здесь действующее, а что страдающее» [Платон 1993, с. 208–209].

Поскольку, приходя в этот мир, мы начинаем проявлять себя, прежде всего, движением, а мир вокруг нас динамичен, то и определить следует изначально именно движение: «ДВИЖЕНИЕ – в широком смысле – всякое *изменение*, в узком – изменение положения тела в пространстве» [ФЭС 2006, с. 125]. Движение и действие в топологическом смысле соотносятся как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ. Однако в реальной практике общения мы имеем дело, как правило, с конкретным ДЕЙСТВИЕМ, поэтому актуально для нас ДЕЙСТВИЕ и как действие, и как всеобщая предикативность, и как структурно-смысловая модель, реализующая в *конкретных ситуациях* динамику мира и нашего существования (осуществления) в нем. Кроме того, ДЕЙСТВИЕ, хотя и может быть *необдуманным* или *ошибочным*, даже *машинальным* или *автоматическим*, не может быть *непроизвольным* и, как правило, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО (в отличие от *движения*, которое может быть непроизвольным и автоматическим). И начинаем мы, родившись (т.е. попав в определённые ОБСТОЯТЕЛЬСТВА места и времени внешнего мира), с *нецеленаправленного движения*, обусловленного нашими физиологическими потребностями (которые со временем перерастут в интенции и стремления, вплоть до «стремления к значимости»). Как видим, одни и те же категории актуальны не только для внешнего, но и для нашего внутреннего мира.

В связи с этим нам представляется уместным обратиться к понятию (и явлению) интериоризации, введенному французскими психологами (П. Жане, Ж. Пиаже, А. Валлон и др.) и понимаемому в отечественной психологии как преобразование структуры деятельности предметной в структуру внутреннего плана сознания. Необходимо уточнить, что этот процесс касается не только социального плана и социального общения (в этом аспекте интериоризация рассмотрена, например, в [Ковалёв, Радзиховский 1985, с. 110–120]), но начинается значительно раньше, практически с рождения.

Г.А. Ковалев и Л.А. Радзиховский полагают, что «большая группа советских психологов (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и их сотрудники) отвечала словом "интериоризация" на вопрос: каким образом в

ходе онтогенетического развития формируются *социальные* механизмы психики человека» [Курсив мой. – В.С.]. Они же отмечают значительные разногласия в определении понятия интериоризации разными учёными, хотя иногда весьма туманно поясняют, в чём же эти разногласия заключаются. Например, Г.А. Ковалёв и Л.А. Радзиховский пишут, что о предпосылках интериоризации А.Н. Леонтьев «почти ничего не писал; более того, не ясно, считал ли он, что такие предпосылки вообще существуют». И тут же отмечают, что «по вопросу о предпосылках интериоризации А. Н. Леонтьева критиковал С.Л. Рубинштейн» [Ковалев, Радзиховский 1985, с. 113]. *Леонтьев – не писал, а Рубинштейн – критиковал?* Ожидаемым, но неправомерным представляется и вывод, к которому приходят авторы из весьма произвольно трактуемого высказывания А.Н. Леонтьева: «Каков *результат* интериоризации? В первом приближении его можно определить негативно: А.Н. Леонтьев не указывает, в чем состоит этот результат конкретно-содержательно, но из его рассуждений вытекает следующее. Итог *интериоризации есть та особенность структуры психических процессов человека, за счет которой их протекание отличается от протекания аналогичных процессов у животных*» [Там же. Курсив мой. – В.С.]. Думаем, что сам процесс не отличается. Отличается его содержание.

Позиция А.Н. Леонтьева представляется нам вполне ясной: «Интериоризация действий, т. е. *постепенное преобразование внешних действий в действия внутренние, умственные*, есть процесс, который необходимо совершается в онтогенетическом развитии человека» [Леонтьев 1983, с. 128. Курсив мой. – В.С.]. На этой прозрачной и конструктивной идее основывается и современная соматическая теория языка, приобретающая всё большую популярность, в основе которой непосредственная *связь речевой деятельности и тела человека* (см., например, в [Залевская 2002; Романов, Сорокин 2004]), а значит языка и движения, языка и ДЕЙСТВИЯ. На практике эта связь давно используется, например, в логопедии: моей маленькой родственнице наряду с речевыми упражнениями специалист посоветовал больше работать пальчиками, например, складывать узоры из мозаики, а позже – вязать, т. е. развивать микро моторику.

Другие «вершинные» языковые категории также непременно обнаруживают связь с ДВИЖЕНИЕМ и ДЕЙСТВИЕМ. С.А. Чугунова, проведя основательный анализ понятия *времени* с позиций различных наук, приходит к выводу: «*время есть движение*», а «*темпоральный опыт и внешний*

сенсомоторный опыт – это взаимообусловленные процессы» [Чугунова 2009, с. 134–135].

Наш изначально не целенаправленный «сенсомоторный опыт» *постепенно* (по мере того, как мы взрослеем) перерастает в целенаправленную деятельность и приобретает социальный характер. Мы начинаем совершать ДЕЙСТВИЯ, в том числе, речевые, *сознательно*. Это происходит не только с каждым отдельным человеком, но и в процессе человеческой эволюции в целом: «действие становится оречевлённым, а речь – предметно-отнесённой, включённой в действие» [Леонтьев 1994, с. 266]. Всё – от платоновского «говорить не есть ли одно из действий?» до глубоко обоснованных научных парадигм *теории речевых актов* и *теории речевой деятельности* – подтверждает всеобщность и глобальность структурно-смысловой модели ДЕЙСТВИЕ, «вершинность» её в качестве языковой категории и структурно-смысловой модели порождения коммуникативного смысла. Без ДЕЙСТВИЯ наш человеческий мир был бы неизбежно статичным. Точнее, его бы просто не было, потому что становление и исчезновение, рождение и смерть есть движение, обусловлены ДЕЙСТВИЕМ. Вся человеческая культура есть воплощённое ДЕЙСТВИЕ, и знакомство с культурой чужой страны начинается для нас «с изучения установившихся (традиционных) действий», «с ознакомления со многими установившимися моделями деятельности» [Блумфилд 1965, с. 196].

«Что интериоризируется? Система *социальных отношений*, в той мере, в какой она представлена, «записана» в *структуре общения между взрослым и ребёнком*» [Ковалёв, Радзиховский 1985, с. 115]. Это происходит, но это процесс вторичный. Сначала происходит *непроизвольное движение* родившегося ребёнка с естественными потребностями, требующими удовлетворения. Сознания как такового ещё нет. Названное – внешне по отношению к будущей личности, так как её ещё нет. Она – внутреннее, которое только должно сформироваться. Освоение первичных категорий-топов, существующих в бытии и потому могущих «встроиться» – в превращённой форме – в сознание, и есть интериоризация. Г.А. Ковалёв и Л.А. Радзиховский говорят о другом, более позднем, этапе формирования знаковых структур и – главное – о *социальной личности*. Об этом много и убедительно писали Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев и др. Для только что родившегося ребёнка существует только окружающий мир – в той степени, в которой он

соприкасается с его телом. И в этом смысле и пелёнка, в которую его завернули, мешая двигаться, и грудь матери, от которой он питается – в равной мере социальные и не социальные. Это пока для него не имеет значения как *социальные* факторы, но важно как ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА и ВРЕМЕНИ окружающего мира, с которыми он взаимодействует просто потому, что родился. Если его подкинули в волчье логово, он найдёт одни способы для удовлетворения своих потребностей, если он родился в замечательной человеческой семье, где его любят и лелеют, – другие, естественно, человеческие, а значит – *со временем* – социальные. В любом случае происходит общение; оно качественно разное (*с волками жить – по-волчьи выть*), но в любом случае происходит интериоризация как переход внешнего во внутреннее.

Таким образом, изначально наши действия не осознаны и поэтому квалифицируются как *движение*. Наше живое и потому *двигающееся* тело *подвергается действию* (ПРЕТЕРПЕВАНИЮ) со стороны ОБСТОЯТЕЛЬСТВ места, времени, цели и ДЕЙСТВИЙ других людей. Постепенно этот процесс, который для окружающих взрослых людей уже давно социален, окрашивается социально и для ребёнка. ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ-ПРЕТЕРПЕВАНИЕ есть две стороны процесса интериоризации, два её «конца»: начинается с претерпевания, т.е. с «испытывания» воздействия, завершается формированием динамической структуры сознания, ментального пространства. «Завершение» это, конечно же, условно. Сформированная структурно-смысловая модель ДЕЙСТВИЕ каждодневно функционирует в нашей социальной (уже сознательной) жизни.

«СТРАДАНИЕ – физическая или нравственная боль, мучение: состояния горя, страха, тревоги, тоски, <…> средство избавления от греха, <…> благо <…> по Шопенгауэру, страдание – критерий и содержание подлинной духовности» [ФЭС 2006, с. 437]. Этот же смысл функционирует и в обыденном сознании. Может быть, потому, что воздействие со стороны других людей, действующих в собственных целях (*своя рубашка ближе к телу*), часто воспринимается как насилие и противоречит *нашим* целям, вступает с ними в конфликт.

СТРАДАНИЕ по Аристотелю и Платону – нечто другое, больше логическое, чем нравственно-эмоциональное; во всяком случае, у СТРАДАНИЯ-ПРЕТЕРПЕВАНИЯ Аристотеля нет значения негативной оценки. ПРЕТЕРПЕВАНИЕ

– это ВОЗДЕЙСТВИЕ со стороны *другого* (или ОБСТОЯТЕЛЬСТВ; точнее, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЦЕЛИ *другого*).

Жизнь родившегося человека начинается не только с его собственных действий-движений, но и с *воздействия* ОБСТОЯТЕЛЬСТВ (места, времени, цели), создаваемых другими людьми, их ДЕЙСТВИЙ, которые воспринимаются телом и сознанием ребенка. Только *потом*, когда первичное ментальное поле ребенка сформировано, он становится доступным *социальной* интериоризации.

Став социальной *личностью*, человек начинает участвовать и в обратном процессе экстериоризации: из своего внутреннего ментального пространства формирует внешнее – от мнения-высказывания до материальных вещей и произведений искусства.

Согласно И. Канту, *действие* и *страдание* относятся к предикабилиям, т. е. к выводным понятиям рассудка. У Аристотеля состав предикабилий иной (*определение, собственное, род, привходящее*), но они тоже функционируют в мышлении, т. е. во внутреннем ментальном пространстве, и попадают во внешний мир через действие-высказывание или поступок. Включив в предикабилии ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ, Кант учёл динамику ментального «пространства» человека, потому что действовать – это не только *поступать*, но и *думать*, и нет ничего подвижней и изменчивей наших мыслей. Даже ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА и ВРЕМЕНИ часто формируются *нами*, а ЦЕЛИ определённо рождаются в нашей голове и реализуются в ПРОСТРАНСТВЕ и ВРЕМЕНИ посредством наших ДЕЙСТВИЙ. Каждый из нас действует в среде себе подобных, поэтому – не только в философском смысле (ДЕЙСТВИЕ – см. *Причина* [ФЭС 2006, с. 127]), но и в совершенно бытовом – понятно, что наши ДЕЙСТВИЯ вызываются чужими ДЕЙСТВИЯМИ как ПРИЧИНАМИ и порождают ПРИЧИНЫ для ДЕЙСТВИЙ других людей. С ДЕЙСТВИЕМ связано и наше знание, ибо «разве мое знание чего-нибудь стоило, если бы оно не служило руководством к действиям? А *может ли* оно не быть таковым?» [Витгенштейн 1994, с. 370].

Вся риторика построена на ДЕЙСТВИИ (воздействии) словом, которым «можно убить» и «можно спасти». Это не только образное выражение поэта В. Шефнера. Это доказывают своей практикой и наблюдениями физиолог Н.А. Бернштейн и психолог А.Н. Леонтьев. Н.А. Бернштейн описывает опыты по восстановительной терапии больных с нарушениями двигательной функции, проведённые А.Н. Леонтьевым в годы войны: даже в очень тяжёлых случаях

«амплитуда возможных произвольных движений пораженной руки способна измениться в очень широких диапазонах *за счёт изменения одной только формулировки двигательного задания*» [Бернштейн 1990, с. 42. Курсив мой. – В.С.]. Н.А. Бернштейн отмечает, что команда «поднять руку» значительно менее эффективна, чем команда «снять с крючка повешенный на нём предмет»: во втором случае больной поднимает повреждённую руку на 20–30 см. выше.

Здесь следует отметить ещё один момент: на восстановление двигательной функции влияет ещё и ЦЕЛЬ, которая не должна быть обращена на само движение, потому что изначально мы всегда двигаемся *зачем-то*, как и говорим *зачем-то*, с какой-то ЦЕЛЬЮ. Именно на этом базируется и искусство, особенно такое, которое непосредственно связано с ДЕЙСТВИЕМ, т.е. драматическое искусство, в котором «...действие и выступает как *действие, как действительное выполнение внутренних намерений и целей...* Драматический индивид сам пожинает плоды своих собственных деяний» [Гегель 1968, с. 541. Курсив мой. – В.С.], а «микродействие есть конститuent драматического текста» [Садикова 1993, с. 46–54].

На том же самом базируется и психология личности: «Формирование личности предполагает *развитие процесса целеобразования и, соответственно, развитие действий субъекта*» [Леонтьев 1975, с. 211].

Строго говоря, любой процесс есть движение и действие, поэтому и наша речь есть движение и действие. Понятие деятельности объединяет движение и действие, вбирая в себя ещё и понятие цели. Поэтому *целенаправленная деятельность* есть тавтология: деятельность не может быть не целенаправленной. Речевая деятельность непременно целенаправленна. При этом важно помнить, что и «мышление есть прежде всего определённая деятельность, именно, деятельность по образованию или выработке знаний» [Щедровицкий 2006, с. 184], т. е. также целенаправленная деятельность. А посредник между мыслительной и речевой деятельностью – язык также есть деятельность, по крайней мере, основывается на деятельности. «В. Гумбольдт был первым среди лингвистов, который сознательно положил в основу своей концепции языка принцип деятельности» [Постовалова 1982, с. 35]. Если есть потребность в языке (а она есть, коль язык *возник*), то есть и деятельность, потому что «потребность как внутренняя сила может реализоваться только в деятельности» [Леонтьев 1975, с. 191].

Однако при всей несомненной конструктивности идеи о языке/речи как деятельности её дальнейшее развитие в некоторых научных парадигмах переключилось на части речи: «начало языка надо искать там, где возникает глагол», потому что «глагол находится на рубеже речи, на стыке того, что сказано, и того, что высказывается, то есть в точности там, где знаки начинают становиться языком» [Фуко 1994, с. 127]. «Именно в этой функции, – пишет далее М. Фуко, – и нужно исследовать язык, освобождая его от того, что беспрестанно его перегружало и затемняло, не останавливаясь при этом вместе с Аристотелем на том, что глагол обозначает времена (много других слов – наречий, прилагательных, существительных могут передавать временные значения), не останавливаясь также, как это сделал Скалигер, на том, что он выражает действия или страсти, в то время как существительные обозначают вещи и постоянные состояния (ибо как раз существует само это существительное "действие"). Не нужно придавать значение различным лицам глагола, как это делал Буксторф, так как определённым местоимениям самим свойственно их обозначать. Но следует выявить сразу же с полной ясностью, что конституирует глагол: глагол утверждает, то есть он указывает, что "речь, где это слово употребляется, есть речь человека, который не только понимает имена, но и выносит о них суждения" (Logique de Port-Royal, p. 106–107)» [Там же].

Идея М. Фуко конструктивна в том смысле, что он стремится обнаружить высшую функциональную единицу языка, определяющую и конституирующую язык в целом. Однако сосредоточиваясь на *части речи как средстве выражения*, он невольно отрывает речь (и язык) от всех других видов деятельности, в том числе – от мышления, потому что суждение (как мнение) есть *результат* мышления. Как этот результат *достигается*, остается вне внимания учёного. Если же вернуть ДЕЙСТВИЮ ту функцию, которую М. Фуко отнимает у него и передаёт *глаголу*, мы избежим этой изоляции. Совокупно с другими «вершинными» языковыми категориями, которые в речи функционируют как структурно-смысловые модели, именно топ ДЕЙСТВИЕ, а не глагол, есть тот самый механизм не только выражения, но и формирования мысли, не только речевой деятельности, но и любой человеческой целенаправленной деятельности вообще.

Л.С. Выготский пользуется более обобщённым термином *предикативность*. Понятие *предикативности* он распространяет и на внутреннюю речь, отмечая специфику её проявления в ряду *письменная / устная*

/ *внутренняя* речь, которая, по Выготскому, заключается в тенденции к сокращению, «к минимуму синтаксической расчленённости». «Но то, что намечается в устной речи <...> как более или менее смутная тенденция, проявляется во внутренней речи в абсолютной форме, доведённой до предела как максимальная синтаксическая упрощённость, как абсолютное сгущение мысли, как совершенно новый синтаксический строй, который, строго говоря, означает не что иное, как *полное упразднение синтаксиса устной речи и чисто предикативное строение предложений*» [Выготский 1996, с. 344. Курсив мой. – В.С.]. Учёный отмечает сложность этого явления и подчёркивает, что предикативность внутренней речи не исчерпывается процессами сокращения, что она имеет «целый ряд структурных особенностей». Однако поскольку он мыслит (исходит, отталкивается) от *речи*, а не от мышления, то и особенности *внутренней речи* видит в отличиях от внешней речи: редуцирование фонетических моментов речи, независимость значения слова от его звуковой стороны, преобладание смысла слова над его значением и пр. [Там же, с. 345–350].

Картина меняется, если исходить из того несомненного положения, что мышление предшествует языку – как в филогенезе, так и в онтогенезе, и *предикативность* как общее СВОЙСТВО любого КОНКРЕТНОГО высказывания и речи в ЦЕЛОМ – СЛЕДСТВИЕ, а не ПРИЧИНА.

А причина – в ДЕЙСТВИИ, в физическом изначальном движении. Об этом убедительно говорит Ж. Пиаже. «Нам хотелось бы в нескольких словах объяснить, почему мы считаем, что язык согласуется со всем, что усвоено на уровне сенсомоторного интеллекта. Действительно, *сенсомоторный интеллект уже содержит некоторую логику – логику действий, когда нет ещё ни мышления, ни представления, ни языка* [Курсив мой. – В.С.]. Эти действия скоординированы согласно некоторой логике, уже содержащей множество структур, которые разовьются позднее самым ярким образом. Прежде всего, имеется, конечно, обобщение (генерализация) действий. Например, ребёнок пытается схватить висящий предмет, ему это не удаётся, но он раскачивает его; тогда, весьма заинтересованный, ребёнок продолжает ударять по нему, чтобы заставить качаться, и в результате всякий раз, когда он видит висящий предмет, он начинает толкать его и раскачивать. Этот акт, несомненно, свидетельствует о начале логического обобщения, или интеллекта, у ребенка. Основным феноменом на уровне этой логики действий является ассимиляция; *ассимиляцией я называю интеграцию новых объектов*

или новых ситуаций и событий в предшествующие схемы; я называю схемой то, что является результатом обобщения, пример которого я только что привёл выше. Эти схемы ассимиляции являются своего рода концептами, но концептами практически» [Пиаже 1983, с. 133]. В дальнейшем жизненный и речевой опыт не отменяют этого *изначального* сенсомоторного опыта: он продолжает питать нашу деятельность и тогда, когда мы о нём забываем, переводим в подсознание, а наша речь продолжает функционировать с опорой на это изначальное знание, хотя и социально обогащённое.

В процитированном выше фрагменте Ж. Пиаже говорит ещё *не о речи* как таковой, даже *не об «эгоцентрической речи»* ребенка, а о самом начале, о том, что есть подлинно врождённая способность к языку – наше *действующее* тело. Ср.: «Тело – это наш общий способ обладания миром. То оно ограничивается жестами, необходимыми для поддержания жизни и в соответствии с этим располагает вокруг нас биологический мир, то, обыгрывая эти первичные жесты и переходя от их прямого смысла к фигуральному, выявляет с их помощью ядро нового значения – таков случай двигательных навыков, подобных танцу, – то, наконец, намеченное значение не может быть достигнуто с помощью естественных возможностей тела; тогда ему нужно создать вокруг себя *орудие*, и оно проектирует вокруг себя культурный мир. На всех этих уровнях действует одна и та же функция» [Мерло-Понти 1999, с. 196]. Культурный мир как орудие не первичен, он СЛЕДСТВИЕ, возникшее по необходимости. Язык – ЧАСТЬ этого культурного мира, этого орудия, разновидность орудия, которое само есть ЦЕЛОЕ орудие, универсальное и всеобщее.

Обсуждая вопрос о структуре индивидуального сознания, А.Н. Леонтьев выделял три «образующие»: *чувственную ткань восприятия* (или образа), *значение* и *смысл*. Чтобы подчеркнуть связь сознания с бытием, В.П. Зинченко [1988], вводит в число «образующих» *биодинамическую ткань движения и действия*. В новой схеме структуры сознания *смысл* и *значение* образуют *рефлексивный* слой сознания, а *биодинамическая ткань движения и действия* и *чувственная ткань* образуют *бытийный* слой сознания. «Компоненты этой структуры не являются независимыми, поскольку они имеют общий источник происхождения – *действие*» [Уфимцева 2008, с. 130–131]. Таким образом, ДЕЙСТВИЕ – основа сознания, а «формирование языкового сознания начинается с бытийного слоя, точнее, с биодинамической ткани движения и

действия и чувственной ткани образа до возникновения вербального значения» [Там же].

Далее Н.В. Уфимцева отмечает глубину исследовательской мысли Ж. Пиаже о первичном сенсомоторном интеллекте, развитие которого проходит у ребенка несколько стадий. Однако нам представляется, что первая стадия, которую Ж. Пиаже называет «логикой действий», недооценена специалистами. Учёные, как правило, спешат перейти ко второй и третьей стадиям, когда ребёнок осваивает предметную и номинативную функцию и (на втором году жизни) переходит к освоению собственно языка – осваивает символическую функцию в целом. В результате оказывается без должного внимания то, что Ж. Пиаже называет *схемами* и *практическими концептами*, не раскрывается в полной мере глубокий и своеобразный смысл этих понятий. Нам представляется, что, во-первых, это не количественные схемы в общеупотребительном смысле, а *качественные* схемы в духе А.Ф. Лосева (см. здесь «Топ ИМЯ»), но отнесённые к ДЕЙСТВИЮ. Во-вторых, *практические концепты* Ж. Пиаже нельзя отождествлять с термином «концепты», принятым сегодня в когнитологии (ни с одним из его толкований).

У Ж. Пиаже именно *практические* концепты – как изначальные, природные, прирождённые, может быть, то самое, что Декарт называл «естественным светом», а М.К. Мамардашвили связывал с изначальным присущим нам движением (не только физическим): «Когда Декарт употребляет при характеристике человеческого мышления термин «естественный свет», то он имеет в виду некое подсказывающее и управляющее действие в нас, которое совершается как бы без нашей воли и сознания и продукты которого не являются продуктами выдумывания, вымысла» [Мамардашвили 1993, с. 94].

Таким образом, язык не может не содержать в себе в качестве «вершиной» языковой категории ДЕЙСТВИЕ и его вторую ипостась, своё противоположно направленное, – СТРАДАНИЕ-ПРЕТЕРПЕВАНИЕ, потому что всё живое пребывает в ДВИЖЕНИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДЕЙСТВИИ, потому что и неживое *взаимодействует* и *видоизменяется*. Человек не только воздействует, но и испытывает воздействие – предметов, ситуаций, поступков, высказываний и пр. Язык как функционирующая (действующая) система способен *отражать и выражать* Бытие *динамически* во всех его проявлениях – от вращения планет до общения людей.

В процессе исследования мы часто обращались к понятию актуальности. Оно сегодня не требует особого толкования, тем более – в исследовании, посвящённом бытовому мышлению и речи: то, что задействовано в процессе коммуникации *здесь и сейчас*, что интересно и важно для собеседников, то и актуально. Однако следует подчеркнуть, что изначально слово *актуальный* означало *деятельный* (лат. *actualis*) [Современный словарь иностранных слов 1994, с. 30]. Таким образом, сам процесс актуализации/выбора того или иного топа в процессе коммуникации есть деятельность, движение, ДЕЙСТВИЕ. Более того, сама *действительность* немыслима без ДЕЙСТВИЯ.

Топы ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ

Явления природы подчинены каузальному принципу, впервые сформулированному Демокритом, потом стоиками и Эпикуром. В новое время к нему обращались Ф. Бэкон, Г. Галилей, И. Кеплер, Д. Юм и другие. И. Кант, определяя причинность и включая её в число наиважнейших философских категорий, подчёркивает, что, несмотря на априорность, причинность имеет значение только в сфере опыта, «а принципы возможного опыта суть вместе с тем всеобщие законы природы, которые могут быть познаны *a priori*» [Кант 1993, с. 86]. А. Шопенгауэр различал три формы каузальности: *причина* в собственном смысле для неорганического мира, *раздражение* для растительной жизни и *мотив* в поступках всех одушевлённых существ. Идею о том, что причинность познаётся только опытным путем, с помощью индукции, отстаивали Дж. С. Милль и Г. Спенсер [ФЭС 2006].

В современном философском словаре: «ПРИЧИНА (лат. *causa*) – то, без чего не было бы другого – следствия (см. *Каузальность*). Первоначально причина понимается как предмет, который что-то делает и что-то вызывает (по аналогии с нашим *Я*, являющимся сознательной причиной наших действий). Такое понимание причины с необходимостью приводит к появлению понятия *силы* как способности вещи (как причины) вызывать нечто, т.е. производить в *результате своей деятельности* изменения» [ФЭС 2006, с. 365].

Понятие *силы* было взято на вооружение и лингвистами как ведущая категория. «Она отличается единством и цельностью принципов концептуализации – через представление о *действующей* силе, которая из простой механической, количественной величины преобразуется в одну из существенных, качественных характеристик происходящего в природе,

обществе, человеке: сила, всякая, а не только физическая, *действует, воздействует, взаимодействует, противодействует, содействует* во всем, что происходит в мире» [Рябцева 2005, с. 110].

Таким образом, ПРИЧИНА – это сила, которая не может себя не *проявлять*, а значит – тесно переплетается с ДЕЙСТВИЕМ. Особенно важно в этом рассуждении Н.К. Рябцевой широкое понимание *силы* (а значит, и *причины*), которое не ограничивается действиями субъекта. Однако Д. Юм ещё в XVIII веке пишет: «...действие совершенно отлично от причины и поэтому никогда не может быть открыто в ней» [Юм 1995, с. 37–38]. Эмпирик Юм обосновывает это тем, что если мы попытаемся *мысленно* представить причину «независимо от всякого наблюдения», она не сможет «вызвать в нас представление определённого объекта, каковым является действие этой причины» [Там же, с. 41]. Он поясняет это на примере: «Человек должен был бы отличаться чрезвычайной пронизательностью, чтобы открыть при помощи размышления, что хрусталь есть продукт тепла» [Там же].

На протяжении веков представление о том, что такое ПРИЧИНА, менялось. Уже в наше время специально проблеме исторических изменений этого понятия в науке (прежде всего в философии) посвящена работа польского исследователя Вл. Краевского [1967]. Ю.С. Степанов рассматривает, в свою очередь, *концепт* «причина» с позиций современной лингвистики, опираясь на это исследование. «Эволюция концепта "Причина" выглядит при этом следующим образом:

- (1) Вещь есть причина вещи (Аристотель);
- (2) Вещь есть причина события (Аристотель; Фома Аквинский);
- (3) Свойство есть причина события (Галилей; Ньютон);
- (4) Свойство есть причина свойства (Гоббс; Локк);
- (5) Состояние есть причина состояния (Лаплас; соврем. физика);
- (6) Событие есть причина события (Юм; современная философия)»

[Степанов 1995, с. 64].

Ю.С. Степанов дополняет этот список толкований концепта *причина* афоризмом З. Вендлера «Причины – это факты, а не события», на основании которого делает вывод: «Факт есть причина события». Нам представляется такой вывод, непосредственно следующий из афоризма Вендлера, не вполне адекватным. В афоризме Вендлера «причина» всего лишь *отделена* от «действия» (ведь *событие* есть результат действия или само действие, а *факт*

– нет, он статичен или, по крайней мере, не обязывает иметь в виду действие), что есть практически возвращение с Д. Юму. З. Вендлер неоднократно обращается к *условиям, при которых факт является причиной*: «Причины – это факты, а не события тогда и только тогда, когда...» [Вендлер 1986, с. 270]; «Однако мы не ответили на вопрос, какой факт или какие факты следует считать причиной или причинами определённого события» [Там же, с. 275]. Сами условия З. Вендлер описывает исключительно с позиций языка, по сути дела, исходит из языка как *первой* сущности. Хотя в самом начале своей статьи отмечает, что «языковое оформление отдельных причинных отношений» и «онтологические предпосылки таких утверждений» – это «две стороны одной медали» [Там же, с. 264]. Афоризм же Ю.С. Степанова нами воспринимается не как указание на *суть* причины в отличие от действия (при всем их сплетении и взаимодействии), а как указание на *связь* факта и события (посредством причины).

Таким образом, *причина есть факт* в самом широком смысле, но *не всякий факт есть причина*. Проблема ещё усложняется, когда в анализ включаются отношения ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ. Подробный анализ асимметрии ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ предлагает финский учёный Г.-Х. фон Вригт [Вригт 1986, с. 107–114], который – в отличие от многих других логиков и философов, для которых важно «чистое» мышление – следует «программе изучения обыденного языка и обыденного мышления с позиций здравого смысла» [Смирнов 1986, с. 7]. Г.-Х. фон Вригт, как и Д. Юм, различает ПРИЧИНУ и ДЕЙСТВИЕ, но справедливо полагает обе категории *динамическими*.

По мнению Вригта, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ находятся скорее в опосредованных, чем непосредственных отношениях: «Когда мы говорим, что причина вызывает следствие, мы при этом не имеем в виду, что причина *что-то совершает*. Причина вызывает следствие просто потому, что она есть. <...> Однако следствие, которое вызывается причиной в силу самого факта её существования, мы можем получить или вызвать, *заставляя* причину произойти. Сказать, что мы вызываем следствие, вовсе не значит назвать нас причинами. Это значит, что мы совершаем вещи, которые затем – как причины – производят следствия, "ведут себя" или "действуют" как причины» [Вригт 1986, с. 103]. В том, что ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ не есть «наименования двух членов одного и того же отношения», уверен и З. Вендлер [Вендлер 1986, с. 265]. Таким образом, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ не столь очевидно связаны

между собой, как мы обычно думаем, и в речевой практике мы часто используем их независимо друг от друга, что обусловлено исключительно степенью актуализации этих структурно-смысловых моделей «здесь и сейчас». Или, как говорит З. Вендлер, «тут поневоле приходится выбирать, и для нашей задачи первостепенную роль играют прагматические соображения» [Там же, с. 276].

Однако нельзя думать, что только человек «заставляет причину произойти»: «Повсюду во Вселенной действуют причины – и в тех пространственных и временных границах, которые никогда не будут доступны человеку» [Вригт 1986, с. 107]. Последнее, с одной стороны, совершенно очевидно, с другой стороны, – не имеет отношения к нашему повседневному общению, но заставляет сделать правомерный вывод: ПРИЧИНА – категория не только логическая или ментальная, но и *бытийная*. И она проявляет себя в этом качестве не только где-то далеко во Вселенной, но и каждодневно в нашей человеческой – и социальной, и личной – жизни.

Применительно к нашей теме ПРИЧИНА есть факт в той мере, в которой *эта* ПРИЧИНА признаётся общающимися. Каждый из нас слышал или использовал выражения типа: *это не причина, чтобы лить слезы; не факт, что ему это понравится* и т. д. Уже из этих примеров ясно, что *концепт* «причина», равно как и *концепт* «факт», используются говорящими для выражения своего *мнения и оценки* событий. Посмотрим, совпадают ли *причина* и *факт*, если мы будем говорить не о концептах, а о структурно-смысловых моделях порождения коммуникативного смысла, т. е. о *топах* ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ.

В примерах, которые мы приводим ниже, нет лексем *причина* или *следствие*, выражающих эти концепты, но есть *отношения* ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЯ, которые в ограниченном (конкретном) бытовом дискурсе в процессе общения людей, в их сознании, связываются как бы «напрямую». Мы увидим также, что *все*, исторически сложившиеся представления о природе ПРИЧИНЫ (что такое она *есть*), *все*, признанные в веках модели причинных отношений и рассмотренные в качестве таковых Вл. Краевским и Ю.С. Степановым, имеют место, бытуют в нашем повседневном мышлении и нашей бытовой речевой практике. Мы о них не думаем, но употребляем. Приводим «примеры из жизни» – высказывания, услышанные нами в самых неожиданных ситуациях:

(1) *Это папка мой, я его сын...* (Вещь есть причина вещи, если вещь понимать широко, как и понимал Аристотель);

(2) *Да камень тут. Вот тебе и авария!* (Вещь есть причина события);

(3) *Я упала, потому что бревно кривое!* (Свойство есть причина события); (4) *Люди нечестные – общество гнилое* (Свойство есть причина свойства); (5) *Ты волнуешься, вот и я волнуюсь!* (Состояние есть причина состояния); (6) *Сменили начальника, завод сразу вышел в лидеры* (Событие есть причина события).

Мы акцентировали внимание на ПРИЧИНАХ, но в тех же примерах представлены и СЛЕДСТВИЯ. При этом говорящие почти всегда обходятся без формальных средств связи (*потому что* и *поэтому*). В наших примерах такая формальная связка присутствует только в (3). Но если представить себе эту ситуацию «здесь и сейчас» (гимнастка падает на соревнованиях со спортивного снаряда), то высказывание, уместное в объяснении *по истечении какого-то времени после события*, скорее всего, будет иметь более сокращённый и непременно эмоциональный вид, например: «Вот... кривое...». Значит, ПРИЧИНА как структурно-смысловая модель присутствует в ситуации в любом случае, выражаем ли мы её словесно или нет, используем или нет формальные средства выражения причины и пр. Другое дело, *факт* или *не факт* (истина или не истина), что бревно действительно кривое и спортсменка действительно упала по этой причине. Это может быть её индивидуальное мнение или способ оправдаться в неприятной для себя ситуации. Тогда *причина* её *высказывания* будет совершенно другой: например, ей стыдно за своё падение. И мы имеем дело уже не с *фактом* «бревно кривое» как ПРИЧИНОЙ падения, а с *высказыванием* «бревно кривое», как СЛЕДСТВИЕМ неловкого положения спортсменки. А *причиной* падения может быть что угодно: пропускала тренировки и плохо подготовилась к соревнованиям; не выпалась, потому что всю ночь плакал её маленький брат; во время самого выступления её кто-то отвлек и т. д. и т. п. При этом структурно-смысловые модели ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ сохраняют свою актуальность в любом случае.

Таким образом, в нашей повседневной жизни мы постоянно имеем дело не столько с фактами, сколько с *предполагаемыми* фактами, а также с *отношением* к фактам. Мы их интерпретируем и понимаем по-разному. Поэтому вряд ли можно говорить о факте как *абстрактном* (родовом, классификационном) *понятии* или *концепте*, но правомерно говорить о

ПРИЧИНЕ и СЛЕДСТВИИ как структурно-смысловых моделях, которые *позволяют нам понимать и интерпретировать факты.*

Любая причина, действующая «здесь и сейчас», не только вызывает следствие, но и сама является следствием какой-то другой причины (или других причин). Этот процесс бесконечен в пространстве и времени, представляет собой некую причинную цепь, или *причинный ряд*. Чтобы отразить это свойство данной структурно-смысловой модели, следует признать, что ПРИЧИНА «есть изменение, вызывающее другое изменение» [ФЭС 2006, с. 365], то есть эта категория, как и полагал Вригт, динамична. Однако в повседневной жизни и общении для нас важнее *функциональное* понимание причины, которое на практике реализуется тем, что из причинного ряда «выхватывается» по мере надобности какое-то звено и рассматривается как ПРИЧИНА, а непосредственный результат действия этой причины рассматривается как СЛЕДСТВИЕ. При этом общающиеся, как правило, руководствуются исключительно здравым смыслом и интуицией.

ПРИЧИНА связана не только с ДЕЙСТВИЕМ (настолько, что в целях анализа приходится их почти искусственно разъединять), не только со СЛЕДСТВИЕМ, непосредственная связь с которым очевидна носителям языка в повседневном общении, но сомнительна для многих философов, но и с другими структурно-смысловыми моделями. Продолжим приводить «примеры из жизни» и увидим, что ПРИЧИНОЙ в процессе бытовой речевой коммуникации могут быть любые структурно-смысловые модели – как раз потому, что именно они – как «вершинные» языковые категории – обладают способностью в необходимой и достаточной степени синтезировать всё, сколько-нибудь актуальное в данный момент общения.

(1) *Это было очень давно, я ничего не помню* (ОБСТОЯТЕЛЬСТВО времени – ПРИЧИНА состояния); (2) *Молоко в холодильнике, не пей – простудишься* (ОБСТОЯТЕЛЬСТВО места – ПРИЧИНА предполагаемого состояния); (3) *А чего ты ждал? Люди есть люди...* (Принадлежность к РОДУ – ПРИЧИНА события или сложившейся ситуации); (4) *Смотри, какой сильный! Поднял!...* (КАЧЕСТВО – ПРИЧИНА результата ДЕЙСТВИЯ); (5) *Стол качается, одна ножка короче* (СВОЙСТВО ЧАСТИ – ПРИЧИНА состояния ЦЕЛОГО); (6) *Да ничего он не сможет! Это же Обломов, только на диване лежать горазд!* (СИМВОЛ, синтезирующий определённые, всем известные, КАЧЕСТВА – ПРИЧИНА отсутствия ДЕЙСТВИЯ).

Примеры можно продолжить, но, полагаем, этого достаточно, чтобы согласиться с Д. Юмом: «Что угодно может произвести что угодно. Творение, уничтожение, движение, разум, желание – всё это может произойти как друг от друга, так и от всякого другого доступного воображению объекта» [Юм 1965, с. 281]. Заметим, Д. Юм не дифференцирует здесь «мысленное логическое» и «естественное реально существующее». Ранее он делает более частные высказывания: «...всякий объект имеет реальную причину своего существования»; «всякое действие необходимо предполагает причину» [Там же, с. 178]. В наше время Г.-Х. Вригт сделает обобщённый вывод: «Естественно говорить о причинах явления как о факторах, которые "производят" или "вызывают" свои следствия» [Вригт 1986, с. 98]. При этом главное заключается в том, что «причина вызывает нарушение равновесия», но «говорить о причинах как о действующих агентах, ответственных за следствия, – значит использовать главным образом аналогию или метафору» [Там же, с. 99].

Г.Х. фон Вригт отмечает, что греческое слово *причина* означает одновременно и вину [Там же]. В русском языке это значение нашло отражение в выражении *причинять вред (страдание, боль)*. Таким образом, топ ПРИЧИНА совершенно естественно связывается и с топом СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ).

В наше время каузальность (от лат. *causa* – причина) – причинность, действенность – чаще всего рассматривается как закономерная связь ПРИЧИНЫ и ДЕЙСТВИЯ. «Понятие каузальности является обобщением того опыта, что нечто, *действие*, имеет место тогда, и только тогда, если имело место или в это время имеет место нечто другое, *причина*» [ФЭС 2006, с. 205–206]. Однако причинность настолько имманентна человеческой природе, что позволяет некоторым учёным сделать более широкие и убедительные, на наш взгляд, выводы, соотносимые как с реальностью, так и с мышлением: «Время и пространство имеют своей причиной познающую способность человека» [Аксенов 2001, с. 69]; «...мысль порождаема мотивом, не решенной субъектом задачей» [Овчинникова 2008, с. 58]. Ещё раньше связал ПРИЧИНУ с человеком, его мотивами и целями, А. Адлер [Adler1980]. По мысли А. Адлера, ПРИЧИНОЙ всех поступков человека является его ЦЕЛЬ.

В [ФЭС 2006, с. 205] ПРИЧИНЫ подразделяются на внешние *обстоятельства*, внутренние *условия* и «*возбуждение*, которое служит непосредственным поводом». Приводится пример: «Если порох сухой

(обстоятельство) и правильно составлен (условие), то благодаря удару (возбуждение) он воспламеняется» (действие)» [Там же]. Недостаток этого примера в том, что это не реальная ситуация и не высказывание. Что касается определения *частей* этого отвлеченного *предложения*, то с позиций школьной грамматики *всё* придаточное предложение есть придаточное *условное*. Если рассматривать этот пример как гипотетическую бытийную *ситуацию* или описание (вневременное) обычного поведения пороха, то его (пример) можно представить в топах, и тогда он будет иметь следующий вид: если порох сухой (КАЧЕСТВО) и правильно составлен (КАЧЕСТВО), то благодаря удару (ПРЕТЕПЕВАНИЕ) он воспламеняется (ДЕЙСТВИЕ как СЛЕДСТВИЕ).

Таким образом, самой всеохватной, распространяющейся на природу и общество, на индивидуальное и общее, на живую и на неживую природу, на мышление и речь, является категория причинности. Она существует в языке как одна из «вершинных» языковых категорий и функционирует в речи как одна из структурно-смысловых моделей, которыми мы пользуемся в своей повседневной речевой практике. ПРИЧИНА естественным образом связана с ДЕЙСТВИЕМ, потому что она есть то, что вызывает изменение в системе, выводит её из равновесия (Систему представляет собой и общество, и отдельный индивидуум, и вещь, и организм и пр.).

В нашей обычной жизни действующие (функциональные) ПРИЧИНЫ вызывают (актуализируют) некие важные для нашего существования и общения СЛЕДСТВИЯ разной степени длительности – «здесь и сейчас» или «на всю оставшуюся жизнь». Топы ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, таким образом, можно полагать самыми актуальными как для нашего повседневного динамического существования, так и для выстраивания «линии жизни».

Топы СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ

ИМЕНА топов СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ представляют собой отглагольные существительные и поэтому в первую очередь воспринимаются как определённые ДЕЙСТВИЯ. В то же время они могут рассматриваться и как *понятийные* (ментальные, мыслительные) структурно-смысловые модели, основанные на определённых *бытийных* КАЧЕСТВАХ реальных вещей (предметов, ситуаций, поступков, мыслей, высказываний) – на их *сходстве* или *противоположности*. Это разные топы, но мы объединили их в одну группу на том основании, что в речевой практике

они *замещают* друг друга – в зависимости от природы вещей, о которых идет речь. Другими словами, топы СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ, с одной стороны, и топ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, с другой, *не могут использоваться одновременно относительно одного и того же*, потому что в *данный момент* общения, «здесь и сейчас», вещи, как правило, в *определённом отношении* или актуально сходны (а значит – сопоставимы или сравнимы), или актуально противоположны. Если рассматривается ЦЕЛОЕ, то одно и то же может быть в одном отношении сходно и подобно, в другом отношении – противоположно, но в самих сравниваемых или сопоставляемых ЦЕЛЫХ сходство и различие существуют в единстве.

Сравниваться, сопоставляться или противопоставляться могут не только КАЧЕСТВА и не только ЦЕЛЫЕ, но и ЧАСТИ, ИМЕНА, РОДЫ, ВИДЫ, ДЕЙСТВИЯ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА и т. д. С первого взгляда может показаться избыточным существование *двух* топов для выявления и выражения сходства. Однако для лучшей ориентации в бесконечном море связей и взаимоотношений «вещей» их (топы) следует различать. В риториках прошлого СРАВНЕНИЕ рассматривалось как уподобление *однородных* предметов, а СОПОСТАВЛЕНИЕ – как уподобление предметов *неоднородных*. М.В. Ломоносов различает ПОДОБИЕ (аналог СОПОСТАВЛЕНИЯ) и СРАВНЕНИЕ [Ломоносов 1952, с. 102] В современном философском словаре СОПОСТАВЛЕНИЕ отсутствует, из чего мы делаем вывод, что «законное» место этого топа только в обиходной речевой практике. Относительно СРАВНЕНИЯ указано: «см.: аналогия» [ФЭС 2006: 435]. В современной риторике рассматривается, напротив, «смысловая модель СОПОСТАВЛЕНИЕ», хотя много внимания уделяется и СРАВНЕНИЮ [Михальская 1996, с. 144–147], которое, видимо, рассматривается автором как более частный случай СОПОСТАВЛЕНИЯ. В философии СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ объединяются общей философской категорией *аналогия*:

«АНАЛОГИЯ (от греч. *analogia* – сходство) – подобие, равенство отношений, а также познание путем сравнения. Между сравниваемыми вещами должно иметься как различие, так и подобие; то, что является основой сравнения, должно быть более знакомым, чем то, что подлежит сравнению. Различие и подобие вещей должны существовать в единстве (метафизическая аналогия) или, по крайней мере, не должны быть разделяемы (физическая аналогия). В т.н. атрибутивной аналогии то, что является основанием подобия двух вещей, переносится с первого члена аналогии на второй (когда, например,

по аналогии с человеческим телом поступки, поведение человека рассматривают как «здоровые»). В т.н. пропорциональной аналогии каждый из членов аналогии содержит нечто, чем он в одно и то же время подобен и не подобен другому» [ФЭС 2006, с. 20].

В бытовой речевой практике к аналогии, на наш взгляд, ближе именно СОПОСТАВЛЕНИЕ, чем СРАВНЕНИЕ. В быту мы иногда даже используем слово *аналогично* вместо «так же». Например, я высказываю свою точку зрения и спрашиваю собеседника: «А ты как думаешь?». Он может ответить: «Я думаю так же», но может сказать: «Аналогично». Это значит, что наши позиции СОПОСТАВИМЫ до *тождественности*, но НЕ СРАВНИМЫ, потому что *различия* в данном случае очевидно не актуальны. Таким образом, СОПОСТАВЛЕНИЕ представляет собой как бы *однонаправленную* категорию: *степень* сопоставимости может быть различна, а высшая ступень СОПОСТАВЛЕНИЯ есть ТОЖДЕСТВО. При СРАВНЕНИИ же актуально как сходство, так и различие, т. е. вообще имеет смысл *сравнивать* только в том случае, если «вещь» одновременно в каком-то отношении различна, а в каком-то отношении сходна с другой «вещью». Такое понимание СРАВНЕНИЯ диктует нам интуиция и здравый смысл повседневной жизни. В философии же, если речь идет о глобальных «вещах», СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ нивелируются, и тогда можно сказать: «Космос должен быть *в разной степени самотождественным и саморазличным*»; «Космос и тождествен с собой, и отличается от себя. Это может быть в двух разных смыслах. Или тождество и различие абсолютно тождественны, или они тождественны только до некоторой степени» [Лосев 1993, с. 217]. Тождество *до некоторой степени* в бытовом плане, относительно явлений и конкретных вещей, есть СРАВНЕНИЕ.

Мы уже говорили, что СРАВНИВАТЬСЯ могут самые разные «вещи», выраженные (структурированные) самыми разными топами. Однако *разную степень* проявления могут иметь, прежде всего, КАЧЕСТВА. Более того, одно и то же КАЧЕСТВО мы можем оценивать как *мало* и как *много* – с самой разной степенью признания наличия (или отсутствия) КАЧЕСТВА между этими полярными оценками. Ибо «между всякой данной степенью света и тьмой, между всякой степенью теплоты и совершенным холодом, всякой степенью тяжести и абсолютной легкостью, всякой степенью наполнения пространства и пустотой – всегда могут быть мыслимы ещё меньшие степени; даже между

всякой степенью сознания и полную бессознательностью (психологическую темнотой) всегда ещё существуют меньшие степени» [Кант 1993, с. 87].

Что касается «здоровых» поступков людей по аналогии со здоровым телом человека, то здесь мы имеем дело с очень распространённым явлением – языковой метафорой, которая «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [Лакофф, Джонсон 1990, с. 387]. Авторы отстаивают точку зрения, согласно которой «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [Там же.], однако они не вскрывают сути проблемы, не объясняют, почему это *так*. На самом деле, метафора есть СЛЕДСТВИЕ, результат функционирования в нашем сознании структурно-смысловых моделей СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ, которые актуальны не только для языка, но и для развития личности.

Мы приобретаем наш опыт, СРАВНИВАЯ и СОПОСТАВЛЯЯ вещи, поступки, ситуации, отношения и т. д. и т. п. В раннем детстве мы *подражаем* взрослым, а это структурно-смысловая модель СОПОСТАВЛЕНИЕ в ДЕЙСТВИИ (Я делаю *так же*, как мама, у меня ещё не всё получается, но очень *похоже*, т. е. я оцениваю свои действия, *сравнивая* их с идеалом, в данном случае – с действиями мамы). С возрастом способность к выявлению сходства и различия не становится для нас менее актуальной. Потому что «в действительности все аргументы из опыта основаны на сходстве, которое мы замечаем между объектами природы и которое побуждает нас к ожиданию действий, похожих на действия, уже наблюдавшиеся нами в качестве следствий из данных объектов» [Юм 1995, с. 47–48].

Если полное отсутствие различий даёт *тождество*, то полное отсутствие сходства даёт *противопоставление* – однако только в том случае, если у вещи *есть право* СОПОСТАВЛЕНИЯ, а ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ возникает как его крайняя степень. Другими словами, мы не можем рассматривать ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ по пословице «В огороде бузина, а в городе дядька». Но мы не можем и отказаться от топа ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ как самостоятельной структурно-смысловой модели, потому что с появлением высшей степени качества у топа СОПОСТАВЛЕНИЕ появляется и *новая коммуникативная задача*. Эту коммуникативную разницу можно определить так: СОПОСТАВЛЕНИЕ направлено на консенсус, а ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – на конфликт. Если не выдержаны *логические* соответствия, то

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ превращается в ПРОТИВОРЕЧИЕ, которое воспринимается как уязвимое место в речи или поведении собеседника.

В то же время именно ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ представляет собой подлинное основание для коммуникации. Об этом очень убедительно пишет Э. Бенвенист: «Осознание себя возможно только в противопоставлении. <…> Полярность лиц – вот в чём состоит в языке основное условие, по отношению к которому сам процесс коммуникации <…> есть всего лишь прагматическое следствие. Полярность эта <…> представляет собой особый тип противопоставления, не имеющий аналога нигде вне языка» [Бенвенист 2002, с. 294]. В реальной речевой практике эта полярность выражается личными местоимениями *я* и *ты*. «Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности» [Там же]. Таким образом, можно считать, что вся топика как диалектика, как логика общающихся, как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, обеспечивающая, по большому счету, взаимопонимание при общении, базируется на ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ *определённого рода* и, в то же время, на конверсивности *я* и *ты*, их взаимообусловленности и диалектическом тождестве.

Э. Бенвенист идёт дальше и пишет: «Я имеет референтную соотнесённость с актом индивидуальной речи» [Там же, с. 295]. Это значит, что я не только *себя* противопоставляю *другому*, но и свою *речь* (мнение) противопоставляю *речи* (мнению) другого: «Следует буквально понимать ту истину, что основание субъективности лежит в самом процессе пользования языком» [Там же, с. 296]. А это, в свою очередь, значит, что я, пользуясь языком, неизбежно *расширяю* возможности ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ, выношу их за язык, в саму коммуникацию и жизнь. Например, шестилетняя девочка, «крайне удивлённая тем обстоятельством, что в языке имеются многие тысячи слов, высказала предположение, что большинство из них "имена"; она заметила далее, что это огромное количество слов не такое уж подавляющее, поскольку они встречаются парами: имелись в виду антонимы со значением "вверх" и "вниз", "мужчина" и "женщина". Слово "вода" она противопоставила слову "сухой", а слово "покупать" слову "есть" (она умела покупать, а не продавать, и в её сознании отсутствовало противопоставление слов "покупать – продавать")» [Якобсон 1965, с. 392;

курсив мой – В.С.]. Р. Якобсон отмечает пронизательность девочки, которая «отметила два основных качества словаря: его структурность и различия в статусе разных классов слов» [Там же]. Однако для нас важнее, что девочка *адекватно пользуется языком в силу своего жизненного опыта*. И тогда противопоставления типа *вода – сухой* и *покупать – есть* закономерны. Вполне резонно представить себе и ситуацию, в которой возможно высказывание типа: *Везде вода, а вещи сухие*. Оно возможно потому, что нашему опыту присуще знание основного свойства воды – *быть мокрой*, и мы вправе ждать, что там, где есть (мокрая) вода, мокрыми будут и вещи. Однако произошло нечто, чего мы не ожидали. Отсюда и противопоставление. Это *контрарное* высказывание, т. е. содержащее неформальное противопоставление реальных вещей, с которым в нашей реальной жизни и общении «здесь и сейчас» мы имеем дело значительно чаще, чем с противопоставлением логическим или языковым (антонимичным).

В определённом смысле многие структурно-смысловые модели могут рассматриваться как ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ в своей «паре». Даже в том случае, если в конкретном дискурсе употребляется только одна из этих составляющих «пару» (только ПРИЧИНА – без СЛЕДСТВИЯ, только ЧАСТЬ без ЦЕЛОГО, только РОД без ВИДА и др.), сама *возможность* употребления существует потому, что в сознании имплицитно присутствует и другая. «С точки зрения диалектики "абстрактное " и "конкретное" следует рассматривать как взаимно предполагающие противоположности, каждая из которых может быть понята только через своё "другое"» [Ильенков 1997, с. 12].

Даже самому ПРОТИВОПОЛОЖНОМУ есть своё «противоположное». Это *тождественное*. Однако полностью тождественное нам, как правило, не интересно. Подлинную *связь* вещей обеспечивает именно ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ, а не тождественное. «Между двумя совершенно одинаковыми вещами, предметами, явлениями вообще не может возникнуть отношения взаимодействия, взаимообусловленности. <…> Две одинаковые собаки никогда не вступят в реальное непосредственное взаимодействие друг с другом. <…> Если они и перегрызутся между собой, то только благодаря чему-то третьему, отличному от них обеих, через это "третье", хотя бы этим "третьим" была брошенная кость или собака другого пола. <…> Как раз противоположность, а не тождество, не подобие как таковое связывает их реально друг с другом. "Тождество" связывает их в одно только в рефлексии

сознания, в общем представлении о "собаке вообще", в абстракции, а не в реальности...» [Там же, с. 132–133].

Таким образом, топ ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ релевантен как Бытию, так и Сознанию. *Тождественное* может рассматриваться как *противоположное* ПРОТИВОПОЛОЖНОГО, предел, по достижении которого невозможно (бессмысленно) СРАВНЕНИЕ и СОПОСТАВЛЕНИЕ. Тождественное уничтожает (обесмысливает) связи между предметами, явлениями, событиями, поступками, высказываниями, тогда как СРАВНЕНИЕ или СОПОСТАВЛЕНИЕ *устанавливает актуальную степень сходства и различия*. Поэтому ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ, СРАВНЕНИЕ и ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ входят в систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла в процессе общения и представляют собой разновидности «вершинных» языковых категорий.

Топы ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ

Некоторые учёные (Э. Дюргейм и другие представители французской социологической школы, частично Л.С. Выготский) считают, что языковые категории как таковые имеют исключительно логический смысл и формируются только благодаря социуму. Они недооценивают индивидуальную природу человека, его врождённые (прирождённые) способности к языку и мышлению, тогда как формирование *первичных* категорий, таких как ДЕЙСТВИЕ, ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ЧАСТЬ и ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ начинается с момента рождения, потому что возможность их формирования обусловлена природой человека. Постепенно эти категории трансформируются и помогают индивидууму приспособиться к обществу, позволяя накапливать жизненный опыт и осваивать средства общения, прежде всего, язык. Однако есть и такие языковые категории (они же – структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла), которые мы также относим к «вершинным», но для формирования которых необходим уже *накопленный* определённый социальный и речевой опыт. Это ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО и СИМВОЛ, именно они в первую очередь «изобилуют социальным содержанием» [Дюргейм 1965, с. 213]. Эти структурно-смысловые модели могли возникнуть только в относительно зрелый период развития человечества и в связи с формированием социальных структур общения, поэтому их можно полагать *социумными*. Это также и *ментальные* структуры, так как их использование

требует *сознательного отбора фактов*, некоторого *осмысления* собственного жизненного опыта, определённого опыта общения и *знания* других людей, их поступков и мыслей.

Эти топы можно считать *вторичными* структурно-смысловыми моделями в том смысле, что они функционируют на базе всех тех топов, что были описаны выше. В самом деле, «ПРИМЕР – ссылка на более конкретный, особо яркий случай как на момент более абстрактного предметного содержания с целью лучшего освещения и пояснения такового» [ФЭС 2006, с. 363]. Уже из этого определения следует, что в самом общем виде ПРИМЕР базируется на КОНКРЕТНОМ и АБСТРАКТНОМ. Однако указание на цель этого топа позволяет понять, что ПРИМЕР ещё и *устанавливает связи* между АБСТРАКТНЫМ и КОНКРЕТНЫМ.

Ю.В. Рождественский справедливо рассматривает ПРИМЕР как средство диалектической аргументации [Рождественский 1997, с. 280–281], считая, что «с точки зрения риторического изобретения аргументация примерами – основная» [Там же, с. 284], и именно на основе ПРИМЕРОВ выводит возможные типы риторического изобретения [Там же, с. 288].

Часто ПРИМЕРЫ представляют собой фрагменты повествования (если в качестве ПРИМЕРА актуализируется «случай из жизни»), но могут быть и очень краткими, равными ИМЕНИ, если предшествующая ситуация, общий дискурс или фоновые знания общающихся это позволяют. Не будем «приводить примеры» ПРИМЕРОВ, потому что задание *привести пример* знакомо даже первокласснику.

СВИДЕТЕЛЬСТВО в современном философском энциклопедическом словаре отсутствует. В толковом словаре Ожегова: «СВИДЕТЕЛЬСТВО – 1. Показания лица, бывшего свидетелем чего-н. 2. То, что подтверждает, удостоверяет какое-л. событие. 3. Документ, удостоверяющий что-либо. Свидетельство о рождении, напр. [Ожегов 1968, с. 694]. Эти определения для *общающихся* недостаточны, хотя из них следует, что СВИДЕТЕЛЬСТВО принадлежит не только языку, но и бытию.

Как структурно-смысловая модель СВИДЕТЕЛЬСТВО – это ссылка на авторитетное лицо, чаще всего дословное цитирование его идей, мыслей. Это КОНКРЕТНОЕ чужое (реже – своё, сказанное ранее) высказывание, приведённое по поводу, актуальному для одного из говорящих, часто переосмысленное. Происходит *законное* присваивание чужого высказывания

со ссылкой на источник. Цель этого топа в том, чтобы подтвердить собственную мысль чужими словами (подтекст: я не один так думаю). Главное, чтобы приведённое СВИДЕТЕЛЬСТВО принадлежало человеку, авторитетному в глазах собеседника.

В некоторых литературоведческих и лингвистических работах рассматривается *место* «цитаты» в чужом тексте. Эту проблему называют «текст в тексте». Например, А.И. Калыгин всерьёз выясняет, является ли цитата элементом сразу двух текстов, или принадлежит одному, и какому именно: тому, из которого взята, или тому, в который интегрирована [Калыгин 2008, с. 111]. Нам представляется очевидным: выбор фрагмента чужого высказывания и включение его в свою речь имеет целью подтвердить собственную точку зрения. Это «не текст в тексте» (такая формулировка предполагает их равноправность и не отражает *цель* цитирования), а топ СВИДЕТЕЛЬСТВО. С точки зрения топики, СВИДЕТЕЛЬСТВО может рассматриваться как разновидность ПРИМЕРА, как ПРИМЕР в ментальной сфере, как *пример мысли, содержательно мне близкой*. Чаше это действительно дословно изложенная чужая мысль, цитата, но возможно и изложение «своими словами» (с обязательной ссылкой на автора). В данной работе достаточно таких «примеров мысли», поэтому приводить примеры СВИДЕТЕЛЬСТВ считаем излишним. В то же время хотим подчеркнуть, что не только в научной работе, но и в бытовой жизни мы часто ссылаемся на авторитетные высказывания или мнения, и первое из них пришло нам в голову, вероятно, ещё в детстве: *А мама говорит – так нельзя делать*.

Таким образом, топы ПРИМЕР и СВИДЕТЕЛЬСТВО – исключительно *синтетические* (внутренняя структура каждого из них практически может соответствовать любому другому топу) и *социальные*. ПРИМЕР связан с «подражанием» другим людям (*пионер всем ребятам пример; бери пример с папы* и пр.), но уже не на интуитивном уровне, как в самом раннем детстве, а вполне сознательно; СВИДЕТЕЛЬСТВО есть использование высказываний других людей в своих целях.

«СИМВОЛ (от греч. symbolon) – отличительный знак; знак, образ, воплощающий какую-либо идею; видимое, реже слышимое образование, которому группа людей придаёт особый смысл, не связанный с сущностью этого образования. <…> Повседневная жизнь человека наполнена символами, которые напоминают ему что-либо, воздействуют на него, разрешают и

запрещают, поражают и покоряют. Всё можно считать только символом, за которым скрыто ещё нечто другое» [ФЭС 2006, с. 413].

Мы не берём во внимание научные символичные системы – символы в физике, химии, математике, «поскольку символика числа – это символика совершенно иного логического типа, чем символика речи» [Кассирер 1998, с. 690]. Хотя и «в любой системе специального назначения <…> символы предназначаются для того, чтобы выделять вещи, реальные вещи» [Хомский 2005, с. 161]. В естественном же языке и обычном общении СИМВОЛ возвращает нас к ИМЕНИ, знаку и концепту. СИМВОЛ – это концептуально обогащённое и социологизированное ИМЯ, т. е. знак, обобщающий социальный опыт и так называемые фоновые знания людей. Это может быть и вещь, которую конкретный человек наделяет большим значением, чем она значит сама по себе (амулет, черная кошка) [Садикова 2010, с. 107–108], и вещь, специально созданная для того, чтобы означать нечто другое – духовное и важное для всех людей, общества, государства в целом (герб, флаг). Иногда символ отождествляется со знаком: «В сущности, всё общество проникнуто соединительной тканью знаков: денежные купюры, государственные гербы и флаги, вывески и торговые марки, наконец, просто произносимые слова – все они семиотичны» [Брудный 2008, с. 165]. Вероятно, в определённом контексте это возможно. Тем не менее, лингвистами предпринимались попытки дифференцировать *знак* и *символ*, разобраться в их принципиальном различии на основе их коммуникативных функций в речи. Например, Е. Л. Гинзбург полагает, с одной стороны, что «знак есть некоторое обобщение символа» [Гинзбург 1974, с. 85], с другой стороны, только знаку присуща системность, «обусловленная внутренне (в отличие от символа)» [Там же, с.83]. Рассматривая общие свойства знака и символа, автор называет их «символическими средствами языка». Ссылаясь на О.С. Ахманову, Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского и др., выделяет среди них те, которые в первую очередь связаны с социумом: социальная апробированность, различимость и воспроизводимость, выполнение социальных (обобщения и общения, познавательных и магических) функций и т. д. [Там же, с. 83–84]. С коммуникативной функцией языка теснейшим образом связана познавательная функция, и в ней знаки, как считает Е.Л. Гинзбург, выполняют все функции: «назывную, описательную (включая оценочную) и заместительную, связанную с обобщением, формированием абстракций»,

тогда как «символы, например, наделены только назывной и заместительной функцией» [Там же, с. 82]. Нам представляется такое разграничение слишком отвлеченным, а потому не вполне соответствующим истине. Сам же автор в качестве разновидностей символов называет не только эмблему, но и имена собственные [Там же, с. 85]. Но если это не слова типа *макинтош* или *галифе*, в которых давно утрачена внутренняя форма, а *Обломов* или *Дон Жуан*, то в таких символах *оценка* определённо присутствует. На наш взгляд, целесообразно *не включать оценочную функцию в описательную*. Быть *описательным* СИМВОЛ не может по определению, даже если он представляет собой развернутое предложение типа «*Аннушка уже разлила подсолнечное масло*» из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Его значение не может быть тождественно поверхностному смыслу выражающего его предложения. «Символ – окно к другой сущности, не данной непосредственно» [Флоренский 1993, с. 302].

С нашей точки зрения, семиотичны *все* структурно-смысловые модели (топы). Но чтобы вполне понять *специфику* структурно-смысловой модели (топа) СИМВОЛ, недостаточно отождествлять его со знаком. «Нам ведь постоянно приходится подчёркивать *специфику* строения различных символических форм – мифа, языка, искусства, религии, истории, науки» [Кассирер 1998, с. 702]. Мы говорим о специфике символической формы в языке, где СИМВОЛ входит в язык и функционирует в речи на правах одной из «вершинных» языковых категорий и структурно-смысловых моделей. Для этого важно понять, как он формируется, как вообще возможно образование СИМВОЛА.

Ещё А.А. Потебня отмечает, что «содержание слова способно расти» [Потебня 1976, с. 180]. Учёный показывает, как происходит «сгущение мысли» через «появление внутренней формы» и последующее «забвение внутренней формы» слова, «расширяя сознание, сообщая возможность движения большим мысленным массам» [Там же, с. 211]. В процессе забвения и сгущений, трансформаций, приобретений и утрат в языке «истина, добытая трудом многих поколений, потом легко даётся даже детям»; в конце концов «можно вовсе не сознавать ни действия, ни качества» [Там же], что и происходит. Так формируется и изменяется язык в целом, все его *слова-ИМЕНА*, не только СИМВОЛ. Но *ИМЯ* вещи есть *одновременно* и СИМВОЛ, если «вещь рассматривается не просто как вещь, а как вещь, способная проявиться в других

вещах, и, больше того, как вещь, максимально выражающая всякие возможности её воплощённости в иных вещах» [Лосев 1993, с. 229]. «Близость основных признаков, которая видна в постоянных тождественных выражениях, была и между *названиями* символа и обозначаемого предмета. Калина стала символом девицы [в песне] потому же, почему девица названа красною; по единству основного представления огня-света в словах: *девица, красный, калина*» [Потебня 1976, с. 222]. А.А. Потебня не только приводит замечательные примеры символов, но и делает очень важный обобщающий вывод: «Главных отношений *символа* к *определённому* три: *сравнение, противоположение* и *отношение причинное*» [Там же. Курсив мой. – В.С]. Как видим, А.А. Потебня тоже мыслит в топических отношениях. Нарботанный многими поколениями *путь образования символа* сегодня, безусловно, достояние каждого индивидуума. Мы не задумываемся, как его (символ) создать, потому что в нашем распоряжении готовая структурно-смысловая модель СИМВОЛ; мы не задумываемся, как его понять – по той же причине. Важно только быть членом своего общества.

А.Ф. Лосев закономерно связывает СИМВОЛ с ИМЕНЕМ, и связь эта обусловлена общением. Чтобы понять это общение диалектически, надо понять и его «иное», поэтому момент постижения слова-имени есть *символ*. «Символ – не эйдос, но воплощённость эйдоса в инобытии, и притом не обязательно в реальном и фактическом инобытии. Символ в собственном смысле слова есть именно не реальный переход в инобытие, но *смысловая же* вобранность инобытия в эйдос» [Там же, с. 178; курсив А.Ф. Лосева]. Например, если топор – *орудие* для рубки, то *секира* или *меч* – при определённом родовом сходстве с топором – уже не только *другая вещь*, но и *символ*. А.Ф. Лосев пишет, что Зевса древние греки изображали в виде секиры, а Р. Вагнер создал целую мистическую концепцию меча Зигфрида [Там же, с. 177]. При этом и *меч*, и *секира* остаются в то же время разновидностями определённых *вещей*, различие которых нам оперативно доступно только благодаря их *именам*. Да и *топор* тоже способен «вобрать» в свой эйдос «инобытие». Например, во фразеологизме *зарыть топор войны* «инобытие» проявляет себя как метонимия, которая, в свою очередь, образуется тем, что ЧАСТЬ замещает ЦЕЛОЕ. Слово-символ становится здесь *высказыванием-символом*. Через *фразеологизм*, который имеет ряд общих со *словом* характеристик, становится понятным, что и *высказывание* как таковое обладает теми же

«слоями» и «модусами», которые А.Ф. Лосев выделяет в слове. При этом *смысл* понимается очень широко, без разделения на логику и эмоции, рациональную и чувственную составляющие. Если бы это было не так, то в принципе не могло бы образовываться *символа*, потому что «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нём от полной непонятности перейти к полной понятности» [Лосев 2009, с. 179]. Чувственно-эмоциональное и рационально-логическое, другими словами, может рассматриваться как «инобытие» друг друга, которое сталкивается в *символе* и превращается в некое новое гармоническое целое.

Таким образом, вместо того, чтобы перейти к фактической, конкретной, реальной вещи, А.Ф. Лосев предлагает её крайнюю противоположность – *символ*, потому что «имя есть не только физическая вещь» [Лосев 2009, с. 168]. Имя «интеллигентно модифицируется <...> в символический момент сущности, превращается в живую речь, в слово, воплощённое или долженствующее воплотиться. Символ становится живым существом, действующим, говорящим, проявляющим себя вовне» [Там же, с. 169], который в следующей своей ипостаси трансформируется в *миф*: «Символ, интеллигентно модифицированный, есть *миф*» [Там же, с. 180] («Интеллигентно» у А.Ф. Лосева не имеет оттенков оценочности, но означает объективно существующую у людей, свойственную им способность постигать и «модифицировать» разумом имена-слова). А миф ещё более, чем фразеологизм, приближается к *высказыванию*: первое значение слова «миф» в современном толковом словаре – древнее народное *сказание*.

Исследователь творчества Э. Кассирера, в основном посвященного философии естественного языка, Б.А. Фохт пишет: «Для решения основных проблем языка определяющими являются два понятия: во-первых, – понятие *символической формы*, во-вторых, – понятие *значения* (значимости), которые оба коренятся в свою очередь в ещё более основном понятии *бытия*» [Фохт 1998, с. 761]. Приоритеты, как видим, расставлены: бытие – основа всего. И далее: «... основные понятия науки и философии не являются и не мыслятся более как пассивные отображения раз навсегда данного бытия, но принимаются как самостоятельные, создаваемые мышлением *интеллектуальные символы*, находящие себе выражение в языке, и без этого выражения не возможные и не реальные» [Там же]. Автором подчёркивается

связь СИМВОЛА с бытием и смыслом (значимостью), что бесспорно. Мы же хотим подчеркнуть, что «самостоятельные, создаваемые мышлением символы» начинаются в естественном языке и бытовом общении, *и только поэтому* «основные понятия науки и философии» способны не быть «пассивным отображением раз и навсегда данного бытия». В определённом смысле любой научный термин (словесный) есть символ. ПРИМЕР формирования *культурного СИМВОЛА* даёт Э. Кассирер, показывая, как древний папирус приобретает историческую значимость и символическую ценность по мере того, как выясняется, что это не «кусок материи» с незначительными записками, а «остатки четырех дотоле неизвестных комедий Менандра»: «Он стал символом, а этот символ дал нам новый взгляд на греческую жизнь и греческую поэзию» [Кассирер 1998, с. 648].

В реальном живом бытовом общении каждый из нас способен создавать сиюминутные, подходящие для нас «здесь и сейчас» символы, основанные на общем с собеседниками знании. Например: *Я не кот Леопольд, чтобы всё время вас мирить* (СИМВОЛ – *всем известный* популярный герой из мультфильма); *Аннушка уже разлила подсолнечное масло* (СИМВОЛ – фраза из *всем известного* романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»). Если в первом примере СИМВОЛ (*кот Леопольд*) включен в высказывание, то во втором примере *всё предложение* есть одновременно и СИМВОЛ, и высказывание, и чтобы понять его *конкретный* смысл, т. е. *почему* этот СИМВОЛ использован, надо знать *конкретную* ситуацию, в которой это высказывание прозвучало.

Некоторые учёные расширяют смысл СИМВОЛА, рассматривая практически любое слово, употреблённое в очень обобщённом смысле, любой *намёк на другую сущность*, как символ. Л.А. Новиков, давая лингвистический анализ маленькой трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», пишет: «Многозначный, неясный, тревожащий душу символ *что-нибудь такое* <...> начинает постепенно конкретизироваться <...>: (Незапный мрак иль) *что-нибудь такое – Мне день и ночь покоя не даёт // Мой чёрный человек. За мною всюду // Как тень он гонится. Вот и теперь...*» и т. д. [Новиков 1988, с. 50]. Л.А. Новиков обнаруживает наличие и *сверхобразных символов*: «Орнаментальная проза А. Белого характеризуется не только обычными, но и сверхобразными символами, так сказать, символами второго порядка, где в качестве внешнего образа выступает не предмет, а слово как элемент второй сигнальной системы. <...> Такие символы не только бессознательно "кивают",

но и психологически и даже физиологически ощутимы: *Читатель! "Вдруг" знакомы тебе. Почему же, как страус, ты прячешь голову в перья при приближении рокового и неотвратного "вдруг"? <...> Иногда же чуждое "вдруг" поглядит на тебя из-за плеч собеседника, пожелая снюхаться с "вдруг" твоим собственным. <...>* (А. Белый. Петербург. Л.: Наука, 1981)» [Новиков 1990, с. 141].

Обращение А. Белого к читателю с символическим «вдруг» возможно потому, что такое употребление естественно для обычного общения: *Никаких "вдруг" быть не может! Что значит "никогда"? Не корми меня этими "завтра"...* и т. д. «Символ-слово» представляет собой «обобщение индивидуального (и вместе с тем – достаточно сходного для всех) опыта» [Там же, с. 142].

СИМВОЛ, возможно, самая креативная структурно-смысловая модель. И поэтому, вероятно, «сами символы не приводятся в языке в систематизированный вид», служа в самом общем виде для «синтезирования многообразия» [Кассирер 1998, с. 691]. В этой структурно-смысловой модели наиболее органично единство логического и чувственного, на что указывает и внутренняя форма *symbolisch, sinnbildlich* – буквально: *выражение смысла через образ* [Там же, с. 713].

Топика в целом как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла не только служит основой нашего каждодневного взаимопонимания в общении, но может лечь в основу диалектического (топологического) анализа при изучении языка и коммуникации.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДИСКУРСА

Диалектический подход позволяет изучать язык в динамическом аспекте, т.е. в процессе естественного общения, а также – систематизировать сформировавшиеся в исследовательской практике терминологические определения. В качестве методологической основы такого подхода может использоваться топика как исчислимая система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, существующая в самом языке как система вершинных языковых категорий, а в мышлении – как ментальный язык.

«Принцип общепринятости терминологического значения в лингвистике нарушается сплошь и рядом. Особенно это касается таких понятий как "язык", "структура языка", "языковая система", "инструментальная функция языка", "лексическое значение"» [Фефилов 2006]. Единообразие использования и понимания терминологии правомерно заботит и другого учёного: «Наша цель – дать самую предварительную версию некоторых основных понятий когнитивной лингвистики: «концепт», «концептуальная система», «ментальная репрезентация», «концептуальное мышление», «языковой знак», «языковое значение», «референт», «коммуникация», «языковое мышление» и др.» [Кошелев 2008, с. 22]. А.А. Залевская отмечает: «До сих пор не выявлено соотношение между составляющими терминологического ряда: "чувство языка – языковая интуиция – рефлексия – языковое сознание – метаязыковое сознание"» [Залевская 2015, с. 29–30]. Попытки бороться с таким положением дел предпринимались не раз, терминологические нормы включались в учебники для вузов [Культура русской речи 2000, с. 197–207], однако ситуация не меняется.

Чем это чревато? Вместо того чтобы заниматься исследованием языка, лингвистика занимается «самоизучением»: попытки дифференцировать уже широко распространившиеся понятия и определения становятся самоцелью. При этом практически нигде не предлагается конструктивный выход из положения. Полностью разделяя мнение авторов о необходимости единообразного понимания терминологии в одной научной сфере, или хотя бы в одной научной школе, хотим обратить внимание на ещё один термин, который вполне достоин, чтобы пополнить перечисленные ряды как неоднозначно и/или произвольно толкуемый. Мы имеем в виду термин "дискурс".

Практически любое исследование, связанное с дискурсом, начинается с анализа определений и пояснений, какую именно трактовку берёт на вооружение автор [Карасик 2002; Тюрина 2004; Романов 2005; Прохоров 2006; Борботько 2011 и др.]. Различия в толковании обусловлены, прежде всего, задачами исследования и общей терминологической системой, в которую учёные определённой школы или сферы научной деятельности включают этот термин. Однако Е.С. Кубрякова закономерно связывает необходимость появления нового термина с динамической моделью языка: «Непременной чертой динамических моделей языка оказалась необходимость описать развертывание (выделено Е.С.) речи. Понадобился термин, который отражал бы это новое понимание порождения речи – его зависимости не только от внутренних способностей говорящего и даже его индивидуальных интенций и целей, но и от разнообразных ситуаций речи с её участниками и их реакциями на те или иные особенности общения и т.п.» [Кубрякова 2012, с. 121]. Такая задача, для решения которой подходят далеко не все методологические принципы и методические приёмы, разработанные традиционной лингвистикой, принципиально меняет подход к исследованию. Полагаем, что устойчивое, но гибкое – диалектическое – определение дискурса (как и других лингвистических терминов) могло бы способствовать решению этой задачи, поскольку «в образе дискурса язык повернулся к лингвисту своей необычайно сложной динамической стороной, что требует поиска новых подходов и методов, отличных от традиционных. <…> Методы, применяемые при анализе слова, словосочетания, предложения лишь как статических сущностей, стабильных элементов системы, оказываются в целом непригодными в применении к дискурсу» [Борботько 2011].

Однако и дискурс, и коммуникация имеют в гуманитарных исследованиях если не наиболее принятое, то наиболее частотное отождествление: дискурс отождествляется с текстом, коммуникация – с информацией. При динамическом подходе такое отождествление невозможно.

В то же время не считаться с многозначностью термина *дискурс* сегодня также невозможно: его исключительная плодотворность не раз доказывалась специалистами в разных сферах коммуникативистики. Получают глубокое и разностороннее изучение виды дискурса – монологический, диалогический, разговорный, деловой, организационный, дискурс рекламы, пропаганды, войны и пр., но его родовое определение остаётся не проясненным.

Исключение составляет работа М.Л. Макарова, который полагает дискурс родовым понятием относительно речи, текста, диалога [Макаров 2003]. В этом случае дискурс вполне может рассматриваться как соответствующий коммуникации.

Попытаемся применить диалектический подход к определению этого, безусловно, конструктивного термина, чтобы хотя бы в какой-то степени преодолеть «следствие методологического голода в лингвистике после скоропостижного прощания с диалектическим материализмом» [Фефилов 2006]. Полагаем, что именно диалектический подход к определению дискурса позволит вывести его из методологического тупика и, в свою очередь, использовать в методологических целях для изучения взаимодействия при общении. Однако инструментом нашего анализа будет не диалектический материализм, а топика, понимаемая как диалектика ещё Аристотелем, что вполне соответствует задачам лингвиста широкого профиля, способного изучать язык в коммуникации, понимаемой как процессуальное взаимодействие.

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, "погружённая в жизнь"» [Арутюнова 1990, с. 137]. Афористичность определения, а также авторитет учёного способствовали введению в широкий научный обиход термина «дискурс» и в то же время накрепко связали его с текстом, который отождествляется с речью.

Термин «текст» также рассматривается неоднозначно не только на протяжении долгой истории формирования этого понятия, но и в современных исследованиях: «Что такое текст? Этот вопрос был центральным в лингвистике текста и дискурс-анализе со времён их возникновения (авторы ссылаются на работы: де Beaugrande, 1996; van Dijk, 1985, 1990; Wodak et al. 1989; Renkema, 1993; Jaeger, 1993 и др. – В.С.), хотя в настоящее время эти научные подходы всё больше сближаются. Текст и дискурс принято рассматривать как письменную (текст) и речевую форму (дискурс), хотя в научной литературе это вызывает споры. Кроме того, текст часто представляют как длинные отрезки, существующие в письменной форме» [Тичер и др., 2009, с. 36]. Полагаем, что

такое – весьма распространённое – понимание взаимоотношений текста и дискурса нельзя считать конструктивным.

Е.С. Кубрякова считает, что «нет таких текстов, которые не явились бы также конечным итогом дискурсивной, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности» [Кубрякова 2001, с. 78–79], тем самым совершенно определённо выявляя отношения текста и дискурса. Повторяем вслед за Е.С. Кубряковой: текст – итог, результат коммуникации, дискурс – процесс коммуникации. Это значит, что текст – объект анализа языка в статике, а дискурс – объект анализа языка в динамике. Поскольку необходимость термина "дискурс" появилась в связи с тем, что стала осознаваться необходимость изучения процесса общения, то дискурс никак не может отождествляться с текстом, а методы, пригодные для анализа текста, не могут использоваться для анализа дискурса.

Полагаем, что дефиниция дискурса должна быть общепонятной и общепринятой, и разумнее всего идти в этом плане от философского определения, которое вполне соответствует позиции Е.С. Кубряковой: дискурс – это «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, <....> дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [Новейший философский словарь]. Недостаточность этого определения для лингвиста, полагаем, только в том, что в нем не отражена определяющая роль коммуникации. Это родовая дефиниция, диалектически взаимосвязанная с видовой, которую можно сформулировать так: конкретный дискурс – это актуальная структурированная ситуация в процессе коммуникации, определяемая интенциями участников общения и выражаемая ими посредством вербальных и невербальных средств. Другими словами, внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы при общении взаимодействуют и создают динамическую структуру, которую и следует именовать дискурсом.

Если динамический характер дискурса для многих учёных не вполне очевиден (иначе дискурс не отождествлялся бы с текстом), то динамический характер коммуникации ни у кого не вызывает сомнений. О необходимости изучения языка в процессе коммуникации пишет В.И. Карасик. При этом учёный выделяет «следующие основные посылки: 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; 2) динамическая

модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте; 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; 6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста». [Карасик 2002, с. 192]. Со всем этим невозможно не согласиться, но следующий сразу за этими посылками вывод относительно дискурса не кажется адекватным: «Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в "сухом остатке" общения, с другой стороны» [Там же]. Нам представляется, что из тех же посылок можно сделать другие выводы: 1) коммуникация (общение) является определяющим понятием относительно других, сопредельных, таких как язык (средство) и текст (результат); 2) коммуникация – естественная среда обитания для языка, который используется в процессе коммуникации наряду с другими средствами общения; 3) текст является результатом (продуктом) общения, который в естественной коммуникации носит промежуточный характер, так как может изменяться в процессе дальнейшего общения. **ПОЭТОМУ конкретный дискурс – это актуальная структурированная и выраженная теми или иными средствами коммуникативная ситуация в процессе общения, определяемая людьми (участниками общения) со всеми их феноменальными характеристиками и интенциями, актуальными в данный момент общения.**

Таким образом, текст и дискурс не могут рассматриваться как синонимичные понятия, но дискурс и коммуникация могут быть отождествляемы в том случае, если мы хотим изучать язык в естественной для него среде обитания, т.е. в процессе коммуникации. И тут возникает ещё одна нерешённая в лингвистических и коммуникативных исследованиях проблема – проблема единиц дискурса. О.Г. Ревзина полагает, что «дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет чёткого контура и объёма и находится в постоянном движении. Назначение понятийного аппарата лингвистики дискурса состоит в том, чтобы обеспечить доступ к его структурообразующим

параметрам» [Ревзина 2005, с. 66]. Таким образом, потребность в «структурообразующих параметрах» учёным отмечена, но единицы, образующие эту структуру, не выявлены. Часто вместо структурирования процесса предлагается классификация видов дискурса, которые и выдаются за его единицы, что оставляет исследователя в традиционно статическом русле.

И тут тоже на помощь приходит топика, потому что каждый топ – это идеальная модель, инвариант, связанный не с грамматикой и лексикой, а с коммуникативным смыслом, который образуется только в конкретной ситуации в данный момент общения. А система топов – это ментальный язык, посредством которого и реализуется процесс конкретного общения, в результате которого «здесь и сейчас» формируется коммуникативный смысл. Именно этот реализующийся процесс и есть конкретный дискурс – динамическая структура (см. Рисунок).

Рисунок. Пример спонтанного конкретного дискурса

Продемонстрируем это на наиболее наглядном примере – общении с ребёнком. Девочка в зелёном плащике по имени Вероника сейчас сядет на динозавра и свесит ножки между гребнями на спине. Мне захочется пообщаться с ребёнком, и я возьму девочку за ногу.

- Это кто трогает мою ногу? (запрос на ИМЯ)
- Динозавр (ИМЯ)
- Это как? (запрос на КОНКРЕТИЗАЦИЮ)
- Поднял лапу и потрогал (КОНКРЕТНОЕ)
- Нет... (ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ)
- Почему это? (ЗАПРОС НА ПРИЧИНУ)
- Он неживой (ПРИЧИНА)

Коммуникация состоялась, и использованные топы отражают её *процесс*, потому что реально связывают наши мысли с тем, как мы их выражаем, чтобы быть понятыми друг другом. Другими словами, важно не то, какие части речи, или какую лексику мы употребляем при общении, а какие структурно-смысловые модели используем, насколько они адекватно связывают наше сознание с сознанием нашего собеседника. Например, рассмотренная вне коммуникации последняя реплика однозначно была бы оценена как выражение *признака прилагательным*. Но в данной конкретной ситуации важен не признак, а ПРИЧИНА (признак только способ выражения причины), именно в ней заключён *коммуникативный* смысл реплики.

Таким образом, коммуникативное взаимодействие осуществляется посредством структурно-смысловых моделей, которые, видимо, формируются в нашем сознании очень рано. Топы как структурно-смысловые модели адекватно отражают целостность бытия в сознании людей и позволяют эту целостность оперативно структурировать «здесь и сейчас» в процессе общения. Посредством этой диалектической системы естественным образом преодолевается хаосокосмология общения (термин Ю.Е. Прохорова).

В.Г Борботько справедливо предполагает, что «любой носитель языка неосознанно владеет неким ключевым принципом, позволяющим ему молниеносно отслеживать смысловые взаимодействия единиц на всех уровнях дискурса» [Борботько 2011]. Полностью разделяем это предположение и даже можем назвать этот «некий ключевой принцип». Это топологический принцип (о котором говорил А. А. Леонтьев [Леонтьев 2007, с. 31]), основанный на топике как системе структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла. В.Г. Борботько предвидит также исчислимость этой системы: «Вероятно, что основополагающие принципы, связанные с неосознаваемой деятельностью языковой рефлексии, немногочисленны и могут быть обнаружены в результате исследования внутренней организации

дискурса» [Борботько 2011]. Выявление топики (как исчислимой системы структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла в процессе общения) подтверждает справедливость этого предвидения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что важно рассматривать дискурс как «субстанцию», которая «находится в постоянном движении» в его первичной – спонтанной – форме, как реализацию в общении опыта коммуникантов. Тогда можно дать дискурсу ещё одно определение, методологическое: **дискурс – это динамический конструкт, позволяющий исследовать язык в естественной для него среде обитания – в коммуникации.** Инструментом такого исследования должна быть топика-диалектика, представляющая собой ментальный язык и систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла в практике спонтанного общения.

Кстати, разговор о динозавре имел продолжение. Я о нем забыла, а Вероника нет: мы продолжили прогулку и вышли к какой-то стройке. На территории строительства заработал огромный агрегат, очень громко запыхтел и зашумел. Вероника сказала: «Динозавр кричит!» Она продолжает думать о динозавре и нашла возможным связать свои мысли с реальной действительностью (хотя прекрасно знает, что «он неживой»), используя топ СОПОСТАВЛЕНИЕ.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Термины «топологический» и «топология» иногда используются в филологии, но скорее не как термины, а как метафоры [Ю. Лотман, Р. Барт]. Их «законное» и привычное место в математике. Попытки перенести их в лингвистику из математики, на наш взгляд, не могут увенчаться успехом по причинам, убедительно описанным А.Ф. Лосевым: «Основное зло заключается в том, что все эти физико-математические структуры суть явления одноплановые, незнаковые, некоммуникативные (выделено А.Ф. Лосевым)» и т.д. [Лосев 2010, с. 32–34].

Однако совсем другим путём, не из математики, топология всё-таки может занять своё законное место в филологических и лингвистических исследованиях, потому что язык как средство общения базируется на двух топологически обусловливаемых категориях – непрерывности и инвариантности. Как в математике давно уже оказывается недостаточным постигать только метрическое пространство, так и в языке невозможно изучать только линейную организацию языковых единиц. Для этого нужна синтетическая система единиц, в равной мере функционирующая в языке, в человеческом сознании и мышлении, и адекватно отражающая в них (в сознании и языке) действительность – как реальный объект, актуализируемый одновременно разными людьми и поэтому отражаемый по-разному.

Толика, понимаемая как диалектика, а не как «общие места», есть та базовая категория, которая отвечает этим задачам органичного объединения (синтеза) качеств, необходимых и достаточных для того, чтобы служить как самой практике общения, так и анализу этой естественной практики общения людей. И тогда метод, применяемый в таком анализе, естественно называть топологическим, а отрасль знания, использующую такой метод – лингвистической топологией. Этот метод учитывает принципиальный и естественный холизм языка, его целостность.

Анализируя словоцентрический и несловоцентрический и – соответственно – антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку, В.М. Алпатов справедливо отмечает, что, «говоря о двух подходах, мы имеем дело с проявлением фундаментального принципа дополненности» [Алпатов 1993, с. 25]. Однако хотим обратить внимание на то, что при анализе обоих подходов используются одни и те же ключевые слова: слово, текст, описание, хотя подходы имеют противоположную направленность: антропоцентричный

подход направлен от слова к тексту и его «интуитивным» интерпретациям, а системоцентричный – от текста к слову и более элементарным (структурным) единицам.

Нам представляется, что возможен принципиально другой подход, где ключевыми будут другие слова: топ, коммуникация, объяснение. Для этого следует: 1) признать лингвистическими целый ряд явлений, которые таковыми не признавались и относились или к логике и мышлению, или к экстралингвистическим факторам, тогда как без последних, из которых складывается ситуация, в принципе невозможна коммуникация, а значит – и использование языка; 2) освоить более высокий уровень абстракции, чем слово, которое Ф. де Соссюр, например, находил очень условной языковой единицей [Соссюр 2006, с. 107]; 3) принципиально развести понятия предложение и высказывание, оставив за первым преимущественное функционирование в письменном тексте, а за вторым – в спонтанной речи; 4) полагать коммуникацию определяющей не только речь, но и язык; 5) топы считать универсальными синтетическими единицами, анализ одновременного функционирования которых в мышлении, общении и языке/речи позволит объяснить целый ряд необъяснимых или произвольно толкуемых коммуникативно-языковых процессов и явлений.

Поскольку язык обретает плоть и кровь, т.е. реализуется, только в речи, можно сформулировать первый и главный принцип топологического метода в лингвистике: **объектом топологического анализа должна быть спонтанная естественная речь в процессе общения для решения самых обычных насущных задач в естественных условиях речевой деятельности.**

Однако исследовать это бесконечное разнообразие рождающихся в процессе коммуникации речевых реалий можно только посредством универсальных единиц, пригодных для анализа любых коммуникативно порождаемых смыслов, независимо от того, правильно ли они организованы грамматически, представляют ли собой законченные предложения. Главным критерием «законности» функционирования речевых порождений должно быть исключительно взаимопонимание общающихся.

Таким образом, мы обращаемся к проблеме языковых универсалий, которая занимает учёных очень давно, но и сегодня в этом вопросе нет единого мнения. Разногласия сводятся к двум моментам: 1) существуют они или нет; 2) если существуют, то где их искать. Понятно, что если отрицательно

ответить на первый вопрос, снимается и второй. Но если универсалии есть, то второй вопрос следует конкретизировать, потому что поиски их связывают с психикой [А.А. Леонтьев 1969], ведутся и в социуме [Гухман 1973], и собственно в языке: в некоторых общих законах языковых преобразований [Гак 1973], в лексическом составе и в семантике [Ульманн 1970; Живов, Успенский 1973; Вежбицкая 1996], в синтаксисе и грамматике [Chomsky 1957]. Кроме того, некоторые учёные полагают, что универсалии можно (или нельзя) «построить» [Маковский 1974].

Философ Г.П. Щедровицкий находит необходимым изыскивать и опять же строить универсалии в смысле языковедческой методологии. Однако он признаёт, что исходить надо из онтологии изучаемого объекта, т.е. из самого языка, его бытования [Щедровицкий 2006], что нам представляется в высшей степени закономерным. Однако изучение языка, его бытования, невозможно отрывать от мышления и естественной для него среды обитания – коммуникации. Поэтому сегодня представляется недостаточным понимать универсалии как «общие законы или тенденции, которые осуществляются с высокой степенью вероятности для разных языков или для одного языка в процессе его существования во времени» или определять универсалии «как любые высказывания о языке, относящиеся ко всем языкам вообще» [Гринберг, Осгуд, Дженкинс 1970]. И хотя авторы «Меморандума» полагают, что они «в полной мере раскрыли важность изучения языковых универсалий как для развивающейся психолингвистики, так и для самой лингвистики», поскольку рассмотрели проблему универсалий «как одну из областей науки, исследующей поведение человека», думается, что не «раскрыли», потому что поведение человека теснейшим образом связано с его мышлением и раскрывается, прежде всего, в коммуникации. А как раз коммуникация и мышление в этой работе и остались за границами исследования.

Универсалии связывают с вопросом о существовании врождённого («прирождённого» по Декарту) знания и/или врождённой способности человека к языку [Хомский 1972]. Полагаем, что это не одно и то же. Врождённые знания вряд ли существуют. Иначе они проявили бы себя и у детей-маугли. Но врождённая способность к освоению языковых знаний для практического их применения (для того, чтобы заговорить), безусловно, существует. И этой способностью обладает только человек. Если бы эти способности по природе своей не были бы универсальными, то человек одной

национальности, родившись в другой стране и вынужденный осваивать другой, неродной, язык, не мог бы его освоить.

Нам представляется недостаточным и неконструктивным сегодняшнее понимание универсалий – как в философии, так и в лингвистике. В первом случае это понятие ограничивается схоластикой [ФЭС 2006, с. 468], а значит – относится к неконструктивным, исторически исчерпавшим себя научным (или псевдонаучным) понятиям. Во втором случае поиски универсалий ограничиваются лексикой, в лучшем случае, частями речи, хотя за универсалиями и признаётся некий достаточно абстрактный смысл: «УНИВЕРСАЛИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ... Языковые явления (свойства, характеристики), обнаруживаемые во всех языках, свойственные всем языкам. = Имена и глаголы, т.е. слова существования и слова процесса, того, что происходит; местоимения, категории числа (ед. и мн.), категории 1-го лица, 2-го лица, 3-го лица и т.п.» [Ахманова 2007, с. 485]. Представляется, что в основе этого определения лежит «Меморандум языковых универсалий» 1970-го года.

И хотя Ч.Ф. Хоккетт определяет языковую универсалию как «некоторый признак или свойство, присущее всем языкам или языку в целом» [Хоккетт 1970, с. 45], полагаем, что не всегда обязательно для выполнения задачи отыскания универсалий сравнивать разные языки. Важнее, на наш взгляд, находить отличие и сходство способов выражения мысли языком и «неязыком», т.е. жестами, телодвижениями, взглядом и пр. В этом случае уходят на второй план поверхностные структуры языка и обнажаются для изучения мысленные инварианты.

Таким образом, выступает на первый план проблема границ лингвистики. На наш взгляд, эти границы сегодня уже расширились – прагмалингвистикой, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой – настолько, что поуровневое изучение языковых явлений может носить только вспомогательный характер, а предложение не может считаться высшим уровнем языка. На наш взгляд, только выход за предложение может привести к реальным, а не мнимым универсалиям в языке и открыть новые возможности для дальнейших лингвистических исследований. Если на уровне лексики концептуализация оторвала, наконец, лингвистическое исследование от узкого понимания слова, то относительно предложения-высказывания это может сделать топика как система языковых метакатегорий, или универсальных структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла.

Таким образом, языковые универсалии – это синтетические метакатегории, отражающие связь языка, бытия и мышления способом, единственно доступным человеку, которые составляют исчерпывающий перечень: ИМЯ, ДЕЙСТВИЕ, СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (признаки, качества), РОД и ВИД (разновидности), ОБЩЕЕ (абстрактное) и ЧАСТНОЕ (конкретное), ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ПРИМЕР, СИМВОЛ. Посредством этих метакатегорий осуществляется, прежде всего, наша мыследеятельность (термин Щедровицкого) и поэтому – речевая деятельность тоже. Эти метакатегории представляют собой систему отношений [ср.: Леонтьев 2007, с. 127], охватывают всё Бытие и функционируют в речи и коммуникации как рекурсивные и мобильные структурно-смысловые модели (топы), обеспечивающие взаимопонимание людей. Они же служат базой формирования любого конкретного языка, связаны с физиологией и психикой человека и могут рассматриваться как в онтогенезе, так и в филогенезе. Таким образом, **систему единиц, используемую при топологическом анализе речи в коммуникации, должна представлять система топов-универсалий.** Это второй принцип топологического анализа в лингвистике.

Топы как элементы отражённой в мышлении и языке картины мира присутствуют как в нашем бытовом общении, так и в теориях самых разных наук. Например, гештальттеория построена на соотношении частей и целого; разного рода телеологические теории – на целевых отношениях; теория фреймов основывается на действии и системе вопросов, построенной на той же топике и т.д. Однако только в естественном языке топика действительно функционирует как система. В научных теориях высвечиваются только некоторые из этих элементов, которые принимаются за базовые. В этом, на наш взгляд, одна из главных причин, почему гуманитарное знание так раздроблено, и вместо ожидаемой и желанной интеграции наук, происходит всё большее и большее их дробление. **Топологический (диалектический) метод не отменяет и не заменяет другие методы исследования, но позволяет увидеть более широкую картину исследования, определённое понятие место исследуемых реалий в общей картине мира и речемыслительной деятельности человека в этом мире, т.е. в процессе общения с другими людьми и миром.** Это третий принцип топологического анализа.

Нам представляется, что топика в лингвистике, психолингвистике и когнитологии может выполнять ту роль, которая, на наш взгляд, уготована структурно-интегративной методологии в психологии, активно разрабатываемой М.А. Холодной. По крайней мере, топика может быть той фундаментальной базой для интегративной лингвистической парадигмы, которая должна стать следующим этапом в развитии лингвистики и которую ещё только предстоит разработать усилиями многих специалистов гуманитарного профиля. Психолог М.А. Холодная, рассматривая интеллект как форму ментального опыта, выделяет «целый ряд новых качеств (атрибутов), которые в принципе не могли быть выделены в рамках тестологического подхода»: многомерность, нелинейная динамика, самоорганизация, субъектность, контекстуальность, уникальность, гетерогенность, мобильность [Холодная 2009, с. 201–203]. Другими словами, автором предлагается принципиально другой подход к внутренней структуре интеллекта, который исследуется не по результатам-«проявлениям», а по «особенностям структурной организации индивидуального ментального (умственного) опыта, который выступает в качестве психического носителя свойств интеллекта» [Там же]. Однако в основе любого индивидуального опыта лежит общая структурная база, которая каждый раз индивидуально наполняется собственным содержанием. На наш взгляд, в практике общения людей такой общей структурной базой, сугубо человеческой, является топика, понимаемая как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла.

В самом деле, топика *многомерна*, потому что позволяет преодолеть традиционные бинарные оппозиции (человек – среда, аффект – интеллект, познание – чувство и т.д.) как охватывающая и одновременно дифференцирующая мир в категориях, определяющих изначально человеческое сознание. В каждодневной коммуникативной практике топика функционирует как *динамическая и нелинейная*, потому что представляет собой виртуальную систему знаков, которые находят своё конкретное воплощение только в процессе общения. Топика *самоорганизующаяся* система как самосознание человечества, сформированное в процессе исторического развития, и как изначально заложенная в природе человека способность к освоению языка. Как присущая только человеку и индивидуально проявляющаяся топика *субъектна*. Контекстуальность может быть

отождествлена с *ситуативностью*, которой только и обеспечивается подлинная реализация топа. Любой топ, реализуясь как структурно-смысловая модель, обретает *уникальность*, неповторимость в процессе этой реализации. *Гетерогенность* топики обусловлена её «вершинной» абстрактностью и её составом: в перечень вошли те топы, которые не могут быть однозначно отождествлены с каким-то другим топом-понятием, т.е. на своём «вершинном» уровне они разнородны. Именно мобильность топики обеспечивает функционирование нашей речи в процессе коммуникации, делает нашу речь связной и даже даёт возможность общаться «без слов». Таким образом, **топика**, реализуя те качества, которые выделены М.А. Холодной в интеллекте человека, **является общей (инвариантной) коммуникативной речемыслительной системой-структурой, функционирующей индивидуально.** Это четвертый принцип топологического анализа в лингвистике.

Топика – диалектика общения и в то же время инструмент огромной объяснительной силы, который только предстоит освоить. Например, в современных гуманитарных исследованиях иногда отождествляются такие понятия, как классификация и категоризация: «В узком смысле категоризация – это подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определённую рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также – результат классификационной (таксономической) деятельности» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997]. В свете топики второе понятие (категоризация) значительно шире, соотносимо со всей топикой как системой. В классификации же задействованы только два топа – РОД и ВИД, какой бы сложной эта классификация ни была, потому что понятия рода и вида относительно: то, что было родом при одном аспекте рассмотрения, становится видом при другом.

С одной стороны, язык «произведен от речевой деятельности и прагматических условий общения» [Кибрик 1992, с. 16], с другой стороны, «для того, чтобы речь обеспечивала "коммуникацию", она должна получить полномочия на выполнение этой функции у языка, так как речь представляет собой не что иное, как актуализацию языка» [Бенвенист 2002: 293]. **Топика есть диалектика взаимодействия людей в процессе общения**, которая позволяет

преодолеть это кажущееся противоречие. Это пятый принцип топологического анализа в лингвистике.

Полагаем, что благодаря топике, понимаемой как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, «фундаментальный интуитивный тезис» Н. Хомского («естественные языки включают в себя рекурсивные порождающие процедуры») не только может «оставаться неизменным» [Хомский 2005, с. 16], но и перестаёт быть интуитивным. Но: «не рекурсивные правила в узком (синтаксическом) смысле, а открытость системы в целом» [Черниговская 2008].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Топика – это система структурно-смысловых моделей, функционирующих диалектически, подобно «превращенным формам» М.К. Мамардашвили: «Действие синкретического механизма превращенной формы основывается на том, что отношение уровней системы оборачивается: продукты процесса выступают как его условия, встраиваются в его начало в виде предваряющих "моделей"» [Мамардашвили 1992, с. 279]. Другими словами, топы *одновременно* и продукты процесса – как *реализованные* топы, как *конкретные* высказывания в каждодневной речевой деятельности, и условия, *предваряющие* процесс речевой деятельности и её понимание, как **структурно-смысловые модели**, которые существуют в сознании априорно, *до того*, как мы начинаем общаться.

В то же время каждый топ есть одновременно и «вершинная» языковая категория – подобно тому, как одно и то же явление в физике рассматривается в качестве *волны* и *частицы*. Как «волны» структурно-смысловые модели в речи перетекают одна в другую, рекурсивно взаимодействуют, связывают наше общение в единое смысловое целое, преобразуя наши интенции в коммуникативный смысл. Как «частицы» «вершинные» языковые категории ментально организуют пространство языка, в конечном итоге делая возможным его использование. Обе ипостаси топики базируются на Бытии Человека в Мире, и «предметом фундаментального изучения должна стать структура мира с находящимся внутри него субъектом и изменения этой объективной структуры в различных установках субъекта» [Рубинштейн 1989, с. 367]. Мы бы добавили – *субъектов во взаимодействии*, т.е. в процессе общения. А поскольку каждый субъект не только деятель, но и интерпретатор взаимодействия, то именно *интерпретация взаимодействия* может и должна быть *общим объектом* исследования в филологии: «Подходя к интерпретации не только как к инструменту, но и как к объекту филологии, литературоведение, философия языка и лингвистика обретают общий язык, общие интересы и общий материал исследования» [Демьянков 2001, с. 309] а *способом* этого исследования может стать *топика*.

Таким образом, топика является диалектикой древних, но продолжает оставаться актуальной и сегодня, составляя системную основу нашего мышления, речепроизводства и взаимопонимания в процессе общения.

Тописка как диалектика представляет собой ряд *сложившихся в речевой практике* людей обобщённых конструктов и может рассматриваться как система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла сверхсинтаксического уровня, которые отвечают нормам не формальной логики, но логике взаимопонимания в процессе естественного речевого общения.

Минимальной единицей этой системы является топ – смысловая динамическая целостность, обретающая коммуникативный смысл только в процессе естественного общения.

Топы исчислимы. Необходимость и достаточность списка обусловлена степенью актуальности для общающихся в процессе естественной коммуникации и порождения коммуникативного смысла. Они образуют систему универсальных коммуникативных категорий, которые органично функционируют в интеллекте (мышлении), языке (речи) и общении (понимании), динамически связывая их.

Смысл и цель топки – снабдить человека базовой системой метакатегорий (на уровне мышления)/структурно-смысловых моделей (на уровне общения), чтобы дать возможность взаимодействовать и понимать друг друга в процессе общения. Эта цель осуществляется вне зависимости от того, ставит ли человек её перед собой сознательно, или интуитивно говорит-действует, осуществляет ли её вербально, или изъясняется «без слов»: если общение имеет коммуникативный смысл, оно неизбежно реализуется топикой. Исследователь же может использовать топику сознательно в качестве инструмента топологического анализа живого человеческого общения, опираясь на изложенные выше принципы.

Будучи сами виртуальными моделями, топы постоянно реализуются в повседневной речевой практике людей в процессе общения. Именно поэтому топику можно использовать как инструмент исследования *всех* аспектов порождения смысла индивидуумами в процессе коммуникативной взаимной деятельности.

Ворожбитова А.А., Садикова В.А.

Диалог о топике (лингвориторическая и топологическая парадигмы)²

С автором монографии (В.С.) беседует **Ворожбитова Александра Анатольевна (А.В.)** – доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор Сочинского государственного университета, глава Сочинской лингвориторической школы.

В.С.: Мне очень нравится идея о возможности конкретизации лингвориторической (ЛР) картины мира посредством топов. Думаю, это действительно возможно. Хотя, может быть, не очень точно говорить о *конкретизации*. Лучше, пожалуй, о *структурировании*...

А.В.: Да, я сразу писала, что топы – связи (структура) между элементами (система) ЛР картины мира ещё в 1996 году.

В.С.: И даже: *о структурировании смысла бытия в нашем сознании* при повседневном общении людей, т.е. о *коммуникативном* смысле. Но чтобы получилось что-то продуктивное, надо, думаю, уточнить, что мы подразумеваем под топами. Коротко то, что для меня принципиально: топы (умышленно не употребляю традиционное «топосы», потому что они в риторике отождествляются с «общими местами»)...

А.В.: Позвольте вклиниться: как топосы (культурные концепты), так и топы (структурно-смысловые модели) есть «общие места», вертикаль и горизонталь, парадигматика и синтагматика лингвокультурной деятельности.

В.С.: Простите, но в когнитивной лингвистике, например, культурные концепты совсем не отождествляются с топосами! А топика как система структурно-смысловых моделей – совсем не синтагматика. Топика, понимаемая как *диалектика* (по Аристотелю) **одновременно:** 1) система *ментальных единиц*, которые начинают осваиваться человеком с момента рождения – *до языка*; 2) система *потенциальных языковых знаков*, получающих своё воплощение только в коммуникации; 3) система структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла *в процессе общения*; 4)

² *Ворожбитова А.А., Садикова В.А. Диалог о топике (лингвориторическая и топологическая парадигмы) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты / Гл. ред. д-р филол. наук, д-р пед. наук, профессор А.А. Ворожбитова – Сочи, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», 2016. – № 21. – С. 30–36.*

система *коммуникативных* категорий, обеспечивающих взаимопонимание. В любом случае это сверхсинтаксический уровень...

А.В.: А «топосы», отождествляемые с «общими местами» – ценностями-концептами, – система сверхлексических языковых знаков. Таким образом, на дискурсивном уровне («как вверху, так и внизу» и наоборот) можно провести аналогию с тремя китами языка – лексика, грамматика, фонетика: топосы 1 – концепты-ценности; топосы 2 – топы-локусы; топосы 3 – фигуры, включая тропы.

В.С.: В Вашем перечне отсутствуют топы как структурно-смысловые модели порождения коммуникативного смысла, для которых актуальны другие «киты» – *диалектика* и *коммуникация*. Стоит ли так расширять значение термина, и без того многозначного сегодня и далеко не однозначного исторически? В моем представлении топы – это то, что обеспечивает *целостность мира* в нашем сознании и *структурированность смысла* при нашем общении по поводу этого мира.

А.В.: Названные мною разновидности топов все структурируют смыслы каждый в своём аспекте...

В.С.: Нет, они не структурируют, а обеспечивают содержательность, что исключительно важно, но ни о какой целостности – не только мира, но и любого фрагмента общения – ни о какой *коммуникативной связности* и *коммуникативном смысле* без топов как ССМ говорить не приходится. Для Ваших «аспектуальных» топов совсем не нужна коммуникация и не важна диалектика. Говорить о топах имеет смысл только в том случае, если отказаться от предложения как конечной языковой единицы и рассматривать топ как объемную, рекурсивную, мобильную единицу нашей спонтанной естественной языковой и неязыковой коммуникации. Предложение «законно», по-моему, только в письменной речи. Или в официальной подготовленной. В спонтанной речи мы не говорим предложениями...

А.В.: В той системе координат оно на месте, и отказываться ни от чего не надо. Единица языка – предложение, а речи – высказывание (предложение не вообще, а в составе речевого события + речевая ситуация + дискурс), а топы – инвентивная технология изобретения содержания высказывания, мыслительных шагов, коррелируют с логическими категориями *целое/часть* и проч.

В.С.: Да, в риторике топы/топосы так и понимаются.

А.В.: ...Вряд ли корректно такое утверждение. Устная и письменная формы речи – это разделение никак не отменяет подразделения на предложения (единицы языка) и высказывания/фразы (единицы речи) как аспект рассмотрения. На зафиксированную устную речь как на письменную изначально я могу смотреть как лингвист-грамматист и изучать на этом материале именно предложения, а могу смотреть как речевед, изучать высказывания как специалист по риторике.

В.С.: Вот именно. Ни то, ни другое рассмотрение не даёт возможности изучать коммуникацию *как процесс*. Это позволяет сделать только система топов как ССМ порождения коммуникативного смысла, потому что мы говорим реализованными (актуализированными, конкретизированными) топами, совершаем посредством них коммуникативную деятельность и благодаря им друг друга понимаем!

А.В.: Сказать «мы говорим топами» – всё равно что сказать: мы говорим существительными, прилагательными, глаголами и т.п., т.е. вырвать инструментарий, который в составе целого на ментальном уровне РМ-деятельности, так же как названные части речи – на вербальном; согласно Ю.Н. Караулову, АВС и язык мысли – «две стороны склеенной ленты».

В.С.: Аналогия Ваша неправомерна. Говорить топами – значит использовать их как структурно-смысловые модели в процессе коммуникации, формировать и структурировать коммуникативный смысл, чтобы быть понятным Другому, потому что Другой тоже ими владеет: это наша общая база взаимопонимания. Но хорошо, что Вы заговорили о языке мысли. Мы можем не знать значение того или иного существительного или глагола, но топы мы знаем, потому что это достояние всего человечества. Именно топы как ССМ составляют ментальный язык, осваиваемый человеком до реального языка. Их, этих ментальных единиц, всего 20, а не бесконечное множество – как существительных, прилагательных, глаголов..., как слов, концептов, топосов, этикоме и пр.

А.В.: Говорим мы фразами в составе высказывания (развернутого) или высказываниями... Ну-ка, а если провести такую аналогию, что получится: отказаться от лексемы как конечной языковой единицы... Уже отказались, потому интерес к концепту?

В.С.: Но это естественное расширение границ лингвистики...

А.В.: ...и рассматривать концепт как объемную, рекурсивную, мобильную и пр. единицу нашей речемыслительной деятельности. Т.е. заслуга В.С., углубившейся в топику локусов, что она проводит аналогичную «когнитивному сдвигу» в лингвистике работу – в области синтаксиса, риторический (топический) сдвиг в синтаксической науке?

В.С.: Нет, не локусов. Это не сдвиг в *синтаксической* науке, а «надсинтаксический» пласт языка, который до недавнего времени полагался не столько недоступным лингвистике, сколько не её делом. Мне, например, и сегодня рецензенты часто говорят, что топики в том виде, как я её понимаю и исследую, есть логико-философская, а не лингвистическая проблема, тогда как от философии топы отличает принцип коммуникативности. Но расширение границ лингвистики – это естественный процесс. Полагаю, только *расширяя* эти границы, мы можем *углубляться* в изучение языка – с одной стороны, и осуществить (когда-нибудь, быть может) мечту о цельном гуманитарном знании. Топы не просто способы развития мысли, но изначальные мыслительные конструкты, с которых начинается наше понимание мира и освоение языка.

А.В. Но без топосов, без начинки – Благо/Зло и проч. – нет ни понимания мира, ни освоения языка.

В.С.: В том-то и дело, что Вы понимаете топы как «начинку». И если провести определяющую грань между топами-ССМ и топосами-концептами, то они и соотносятся, как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ. Другими словами, топосы (концепты) есть «начинка» для топов как структурно-смысловых моделей, а топы как структурно-смысловые модели есть инструментарий общения...

А.В.: Я ранее сказала о топосах – культурных концептах, элементах в ЛР картине мира, а не о топах – связях между этими элементами структурно-смысловых моделей.

В.С.: Не просто связях – *диалектических отношениях*, посредством которых осуществляется процесс коммуникации. ... Я рассматриваю топы как изначально присущие человеку, имманентные ему (первичные!) категории, которые есть *инструмент* освоения мира. Топы – это *готовность* ребенка к восприятию мира в ментальном плане.... В том числе – и к освоению языка.

А.В.: Да и «что такое хорошо, что такое плохо», польза/вред, красиво/безобразно, «молодец» и «фу, как некрасиво сделал». С лексикой

соотносится это, а с грамматикой – топы общее/частное, часть/целое, действие/претерпевание и проч.

В.С.: Нет, не с грамматикой! Если я иностранец, я могу не знать грамматики языка, на котором вынужден изъясняться, но топы я всё равно знаю, потому что *топы* общее/частное, часть/целое, действие/претерпевание и т.д. есть во всех языках, хотя выражаться они могут совершенно по-разному. Чтобы быть понятным, не обязательно строить правильные предложения. Например, иностранец хочет знать, как пройти к библиотеке. Он может Вам просто сказать: «Библиотека». И Вы его поймете. А он просто употребил топ ИМЯ. Не имя существительное, а топ – в той степени и так, чтобы Вы его поняли *в данной ситуации*. Он мог спросить «как пройти», просто показав пальцами идущего человека, т.е. не использовать слова вовсе, но Вы бы его поняли, потому что он реализовал топ ДЕЙСТВИЕ. О том, что элементы смысла в предложении не способны отразить его *коммуникативный* смысл, очень хорошо сказала Н.Д. Арутюнова ещё в 70-е годы прошлого века: «Если сказуемое образовано только теми элементами смысла, которые заданы значением подлежащего, то предложение выражает аналитическое суждение, т.е. суждение, истинное в силу значений входящих в него слов. **Такое предложение в общем случае лишено коммуникативной значимости**».

А.В.: В Вашей монографии 2009 года параграф о топике и психолингвистике: ребёнок начинает общаться топками (первоначально – так же, как пользоваться глазами); но ведь он общается только начиненными смысловыми элементами ЛР картины мира: голод (плохо, зло) – дай пищу (хорошо, добро), мокро – поменяй пеленки, одиноко – пообщайся со мной. Наше понимание мира и освоение языка начинается в неразрывной взаимосвязи топосов 1 (концепты-ценности) и топосов 2 (топов-локусов).

В.С.: Это только подтверждает мысль о том, что изначальные категории (в этом отношении можно сказать: пракатегории) базируются на биологических, «телесных» способностях человека. Но это ещё не ценности в социально-человеческом понимании; холодно – плохо, дали пищу – хорошо понимают и щенки, не только дети. *Оценка* на физиологическом уровне – может быть, ценности – определённы нет. На этом уровне топы – изначальны заложенные в природе человека предрасположенности. А в целом топика вполне вписывается в Вашу лингвориторическую парадигму...

А.В.: В лингвориторическую картину мира, точнее, в данном контексте.

В.С.: ...в той её части, которая «отражает общий принцип структурирования макродискурса естественного языка». Однако там так уютно прижились «внутренние топы» А.А. Волкова, что страшно что-либо разрушить внешним вмешательством.

А.В.: «Внутренние топы» А.А. Волкова – это же только название, назвать можно и по-другому, главное – суть феномена.

В.С.: А суть в том, что внутренние топы А.А. Волкова не имеют никакого отношения к коммуникации, точнее, для А.А. Волкова не имеет никакого значения коммуникация, когда он анализирует топы (у меня был опыт общения с А.А. по этому поводу). К тому же в свете топики я придаю очень большое значение названию. Ведь это топ ИМЯ, который в ментальном плане заменяет СУЩНОСТЬ и функционирует в *конкретных* высказываниях-мнениях как концепт. К тому же А.А. Волков, даже если судить только по названию, помещает топы совсем в другое место! Мне кажется, что именно топика-диалектика, а не внутренние топы, может усилить лингвистическую составляющую Вашей лингвориторической картины мира! Это очень важно: топика – это диалектика, т.е. нечто принципиально отличное от формальной логики. Как справедливо полагал А.Ф. Лосев, «...диалектика охватывает решительно всё и в то же время ничему не мешает».

А.В.: По большому счету, это одно и то же (топика-диалектика, внутренние топы) просто А.А. Волков и Ю.В. Рождественский брали за основу достаточно бессистемные перечни, справедливо Вами критикуемые в монографии. Поэтому я, например, цитировала не их, а М.Л. Гаспарова о статусах и локусах, так как приводимая им система топов, в рамках 4-х статусов, со ссылкой на наиболее непротиворечивую и последовательную версию дошедших до нас риторик, причем уже вслед за Лаусбергом, показалась мне наиболее стройной и логичной.

В.С.: Но топы как ССМ – не локусы, которые отвечают только за синтагматику, т.е., грубо говоря, организуют линейное расположение слов в предложении-высказывании. Топы-локусы не ментальны! Потому что не диалектичны.

А.В.: Думается, в каком-то смысле топика «занимается мыслью с точки зрения её истинности», но не текущей, с позиций правящей идеологии, истины, а как универсальная схематика мыслеречевой деятельности, нейтральная к сменам идеологических приоритетов, к сменам ЛР картин мира в их

содержательно-смысловом аспекте. Можно вспомнить диалектику абсолютной/относительной истины, тогда топы-локусы предстают какими-то элементами, проводниками, представителями той недостижимой абсолютной истины, которая, как линия горизонта, всегда впереди (Гегель, Ленин), но само их существование, будучи столь незыблемым, создаёт у человека впечатление существования этой абсолютной истины, к которой он стремится.

В.С.: Топика не занимается мыслью с точки зрения истинности. Она *структурирует смысл*. Коммуникативный. Который отражает *мнение* общающихся. И в этом смысле я согласна с Н.Д. Арутюновой, что в общении важнее *искренность*. Мнение – ещё со времен Аристотеля – не есть истина, а только правдоподобное. Для реализации и анализа этого правдоподобного, «чтобы не впасть в противоречие», и была им открыта (не создана!) топика. Для истины же у него есть «Аналитики», а у нас – логика. А истина-горизонт... вряд ли она актуальна для нас в повседневном общении.

А.В.: Водораздела между закономерностями РМ деятельности языковой личности в повседневном общении и в научном дискурсе, как любом другом, я бы не проводила. Инвенция, диспозиция, элокуция, акцио; этос, логос, пафос, софия, лексикон-грамматикон, тезаурус, прагматикон и синтез – действуют в рамках любого речевого события в зависимости от условий речевой ситуации и выбранного типа дискурса (как).

В.С.: С терминологией, сформированной учёными на протяжении многих веков, не поспоришь, Но ДЕЙСТВУЮТ не они. Точнее, они действуют, но не в общении, а в *анализе* общения – и очень продуктивно, конечно же.... Топика же, будучи системой «сверхсинтаксического уровня», в то же время *каждодневно присутствует в нашей речи*, потому что формирует и структурирует коммуникативный смысл общения. Ещё раз повторю: мы говорим топами как *наполненными* структурно-смысловыми моделями. Но в том-то и суть, что благодаря их модельной природе мы можем (каждый из нас!) наполнять их *своим* содержанием, выражать *своё мнение* и (по той же причине!) быть понятыми другими. Топика-диалектика позволит говорить не о среднестатистической языковой личности, что мне, честно говоря, кажется фикцией (простите!), а о (если можно так выразиться) *антропологической* языковой личности как основе *индивидуальной* языковой личности.

А.В.: Это всё хорошо; единственное – словосочетания «коллективная ЯЛ», «совокупная ЯЛ этносоциума» – нужные терминологические инструменты, так

как мы можем говорить о «русской языковой личности», «языковой личности россиянина», «советской языковой личности»....

В.С.: Если в смысле инструментария исследования определённого рода – вполне, но не для каждодневного владения языком в смысле порождения и понимания речи при общении.

А.В.: ...и всем понятно, что некое обобщение мыслится, так как мышление человека, а тем более научное мышление, зиждется, в том числе, на способности к абстрагированию, к обобщению и т.п.

В.С.: Вот именно: зиждется! Другими словами, способность к обобщению – первична! И она присуща не только учёному-лингвисту, но и самому обычному человеку. А если теперь взять ВСЕ топы в том смысле, как я предлагаю, мы и получим ТОПИКУ как основу, топику как диалектику, как первичные и глобальные языковые категории, как систему структурно-смысловых моделей порождения коммуникативного смысла, которыми может пользоваться (и пользуется!) *каждый* человек – и обычный носитель языка в своей бытовой речевой практике, и учёный!

А.В.: ...Ну да, конечно, и разве об этом кто-то спорит... Феномен лингвориторической картины мира отражает общий принцип структурирования как макродискурса естественного языка, так и дискурс-универсумов, кристаллизующихся в его рамках. Например, советский язык-дискурс сформировался в лоне русского языка как национального макродискурса. Такое формирование происходит на базе дискурс-этимонов (от гр. *etymon* – «истина») – квантов информации, истинной в рамках данного ментального пространства.

В.С.: Полностью согласна, но этого недостаточно: надо исследовать и человеческое вообще, антропологическое вообще, ОБЩЕЕ всем, чтобы прийти к консенсусу, в конце концов, иначе мы будем говорить (и реально говорим!) на разных языках, в смысле – часто не понимаем друг друга.

А.В.: Но ведь топка не сама по себе, не «просто кувшин», этот кувшин всегда с чем-то: молоком, сметаной и т.п., т.е. топка в составе ЛР картины мира включает этнокультурно специфическое понимание добра, истины и пр. в макродискурсе естественного языка – русского, немецкого и т.д. На этом стоит вся этнолингвистика.

В.С.: Только всё наоборот: не топка в составе ЛР картины мира, а ЛР картина мира – «этнокультурно специфическое понимание добра, истины и

пр.» – не в составе, нет... Толика – тот инструмент, посредством которого ЛР картина мира – в каждой конкретной ситуации общения – обретает коммуникативный смысл, каждый раз «здесь и сейчас». Кувшин должен быть пустым, чтобы его можно было наполнить... Топы как ССМ – *пустые «посудины»*, т.е. *потенциальные* языковые знаки, структурно-смысловые модели, инварианты. Причем их ограниченное количество, в моей интерпретации их 20: ИМЯ, ОБЩЕЕ (АБСТРАКТНОЕ) и ЧАСТНОЕ (КОНКРЕТНОЕ), РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), СВОЙСТВА (ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА), ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (ПРЕТЕРПЕВАНИЕ, испытание воздействия), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ (ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ), ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ. И всё! («Посудин» реально намного больше). **Исчислимость** топики как системы единиц ментального характера, используемой для общения, принципиальна. Концептов, как и слов, много; топов как ССМ – ограниченное количество. Их в принципе не может быть много.

А.В.: Имя, часть-целое и проч. – мыслительные инварианты человечества, «инопланетян», а также, судя по издаваемым книгам из серии «Ченнелинг» (контакт) – всех «космических сущностей»...

В.С.: На сегодняшний день – только человечества; другого мы просто не знаем.

А.В.: Этот перечень сам по себе ничего не даёт нам по поводу конкретного «макродискурса естественного языка» – русского, немецкого и т.п., *только* общий каркас для выявления инвариантного ядра и этноспецифических вариаций.

В.С.: Во-первых, «только общий каркас» как раз в лингвистике практически не изучен, хотя было бы естественно, кроме вариантов, заниматься и инвариантным...

А.В.: Заниматься этим нужно, согласна. Я всё мечтаю в полноте применить инструментарий топики в работах лингвориторической школы. Но нужно учесть, что топы корреспондируют с членами предложения. Представим связный текст, дискурс как одно предложение...

В.С.: Нет, не будем представлять. Потому что топы НЕ корреспондируют ни с членами предложения, ни с частями речи. Они корреспондируют только с ситуацией и коммуникативным смыслом (см. ранее пример с иностранцем).

А.В.: И всё-таки... В нём будет дискурс-подлежащее (топы имя, определение, символ); определение (свойства, сопоставление, противопоставление, сравнение), сказуемое (действие, претерпевание), обстоятельства (причины/следствия, а также цели, образа действия, времени)...

В.С.: Всё перечисленное не имеет отношения к топам как структурно-смысловым моделям порождения коммуникативного смысла. Язык ведь полисемичен, и Вы использовали те же слова, но в другом смысле. А *представлять* надо СИТУАЦИЮ общения (а лучше обратиться к реальной коммуникации в реальных ситуациях). Только в этом случае имеет смысл выявлять топы. Иначе Вам достаточно традиционных лингвистических и риторических понятий, и использовать топы как ССМ просто не имеет смысла (простите невольный каламбур).

А.В.: Как синтагматика и парадигматика, как лексика и грамматика, так топики-1 концептов-ценностей и топики-2 топов-локусов («общие места» – и те, и другие, но разного плана/уровня). По аналогии – ассоциативные эксперименты Ю.Н. Караулова... А вот в составе ЛР картины мира – это уже «русский язык», «немецкий язык», так как безликая универсальная сетка имеет концепт-наполнение ЛР идеала и ЛР антиидеала, что такое хорошо и что такое плохо и пр. в зеркале данного языка, выработанное данным этносом в целом в течение веков, глобально, без учёта революционных временщиков, внесших какие-то частные нюансы (Словарь Д.С. Ушакова как памятник русского советского языка, по Н.А. Купиной).

В.С.: Безусловно. Только она не безликая, а человеческая. И сами ассоциативные эксперименты Караулова были бы без неё невозможны. Это структура нашего сознания, которой никак нельзя пренебрегать. А то, о чём Вы говорите, это уже следующий этап (даже два этапа). Иначе получается, что мы хотим выпить молока, не помещая его в посуду.

А.В.: Думается, что, создавая конкретное высказывание, сперва человек хочет выпить молока. «Нравственно то, что служит победе коммунизма». А чтобы выпить его, выбирает посуду, и это может быть наилучший вариант – стакан или похуже – миска, но всё равно это технический момент (донести эту мысль).

В.С.: Строго говоря, уже то, что человек *хочет выпить молока*, есть топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО цели! В ментальном и ситуативно-коммуникативном плане. И донести мысль – это тоже коммуникативный момент, а не технический.

А.В.: Это уже для лингвиста, который анализирует его вербализованное (хотя бы во внутренней речи) желание. А человек голодный мыслит не топами, а потребностями своими: голодный спазм желудка – и воспоминание-представление о вкусном белом молоке.

В.С.: Правильно: топ ИМЯ... Ведь топы изначальны, раньше собственно языка... Любое желание человека связано с его ментальной сферой. А топы в равной мере присутствуют и в мышлении, и в речи, потому и в языке. Просто люди об этом не знают (как известный классический герой не знал, что говорит прозой), потому что мыслить топами органично для них присуще. Общающимся совсем не важно, как это называется. Это задача лингвиста – найти в *самом общении* и *назвать*, тут я с Вами согласна.

А.В.: Если продолжать пример, то в природе можно выпить молока прямо из вымени коровы...

В.С.: Можно, но это будет не по-человечески...

А.В.: Изголодавшийся партизан в войну увидел в лесу заблудившуюся корову, взялся за вымя, чтобы хлебнуть молока через ладонь или напрямую в рот, и он уже теперь не человек, что ли? Не носил он с собой посуды на этот случай.

В.С.: Замечательно. Это ситуация.

А.В.: На том же уровне – есть имена существительные, имена прилагательные, глаголы и т.п.

В.С.: Простите, если мы рассматриваем *ситуацию*, а не Ваше *высказывание* о ней, то это НЕ тот же уровень: если мы рассматриваем высказывание, то это уровень грамматики конкретного языка; если ситуацию, то это топический (топологический) уровень, т.е. принципиально другой. С точки зрения топики в предложенной Вами *ситуации* человек совершает ДЕЙСТВИЕ с учётом ОБСТОЯТЕЛЬСТВ места, времени, цели и по определённой ПРИЧИНЕ.

А.В.: Я имела в виду, в плане параллелизма вербальной и ментальной сторон склеенной ленты карауловской... Макродискурс естественного языка образует не только грамматика, но и лексика...

В.С.: А ещё – ситуация общения, само общение, намерения говорящих и пр. У Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – это текст, погружённый в жизнь».

А.В.: Опорные точки – концепты как топосы–1 – «общие места» согласно второй трактовке. И топики – не зря обе основные трактовки дошли до нас – как

топосы-1 (концепты культуры, существующие в любом языке, актуальные для каждого человека, по Н.Д. Арутюновой), так и топосы-2, т.е. топы-локусы, а в элокутивной ипостаси, верхушка айсберга, – топосы 3 – фигуры, включая тропы.

В.С.: Вы опять вернулись к риторике. Тропы тоже вторичны, они строятся на топах: метонимия – замена ЦЕЛОГО (топ) ЧАСТЬЮ (топ); метафора строится на СРАВНЕНИИ (топ), оксюморон на ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ (топ) и под. Мне кажется, такая классификация исключает из системы мышление...

А.В.: Мышление там само собой, я пересилила инструментарий речемыслительной деятельности языковой личности. Исключить то, о чём говорим и ради чего говорим, невозможно, речемыслительная деятельность и есть объект обсуждения, и предмет – ЛР закономерности её осуществления в дискурсивно-текстообразующем процессе. В лингвориторической парадигме даётся такая – двойная точно (и предлагается тройная, но это уже благодаря внутренней взаимосвязи всех частей риторического канона) – концепция топики, а в Вашей концепции взята *половина*, отраженная в одной из дошедших до нас трактовок.

В.С.: Если рассматривать её только в русле риторики, то, вероятно, так и кажется. Но мы ведь хотим совместить эту идею с лингвистикой. По крайней мере, у меня была именно такая задача: ввести топику в современную лингвистическую теорию, исходя, так сказать, из первоисточников – в двух отношениях: от Платона и Аристотеля диахронически и от спонтанной живой (не научной) речи, реализующей общение, синхронически. Мне казалось, судя уже по названию Вашей концепции (лингвориторическая), что и у Вас стояла та же сверхзадача...

А.В.: Можно сказать, что в филогенезе сначала топы – выбор посуды, а в онтогенезе, когда её виды уже в распоряжении говорящих, – топосы-концепты.

В.С.: Нет, не совсем так. И в онтогенезе мы сначала осваиваем топику, потому что это наш человеческий способ структурирования мира в целях познания и общения. Это наша *способность* его познать, начав с ним *общаться*. Концепт – это концепт, а топ – это топ. На мой взгляд, именно топы позволяют нам органично *связать* мышление, речь и бытие. А мышление не всегда вербально и уж точно предшествует речи: сначала думаем, потом говорим. ...

А.В.: Не всегда. Говорим – само вылетает, потом думаем – это запросто. В связи с риторикой мы говорим о вербальном мышлении, а так-то оно разных

видов: предметно-действенное, наглядное, словесно-логическое, дискурсивно-интуитивное и т.д.

В.С.: Конечно, но топы универсальны, а потому вездесущи. Топы как коммуникативные структурно-смысловые модели (для общающихся) и глобальные языковые категории (для исследователей) должны получить своё законное место в языке (собственно, они там были и будут всегда) и в языкознании, если мы хотим их использовать *сознательно*. В самом общем виде топы и то, что Вы называете топосами-концептами, соотносятся как ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ (абстрактное и конкретное), где ОБЩЕЕ не аморфное, а структурированное нашим сознанием (посредством топов!) и актуализированное в процессе общения Бытие.

А.В.: На этой оптимистической ноте и закончим дискуссию в этот раз. А когда-нибудь мы вернёмся к этому, когда у меня появится опыт практического применения топов как инструментов ЛР анализа, как у Вас.

В.С.: Мне сегодня одна пожилая женщина рассказала про свою четырёхмесячную внучку: «Она уже сама себя укачивает! Я же ей пою: а-а-а-а-а... В следующий раз подхожу, а она мне сама: а-а-а-а-а... Точно, как я!» Вот так: четырёхмесячный ребёнок уже способен осваивать топ ПРИМЕР...

А.В.: Думается, что терминологическое сочетание «топ ПРИМЕР» корректно употребить в том случае, если ребёнок, допустим, просит купить игрушку и приводит маме пример: «соседскому Вите родители вчера купили такую». А в данном случае с младенцем речь идёт только о ПОДРАЖАНИИ.

В.С.: Без подражания ребёнок в принципе не мог бы освоить топ ПРИМЕР. Подражание и есть *начало освоения ПРИМЕРА*.

А.В.: В общем, продолжим наш увлекательнейший диалог в будущем!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов Г.П. Причина времени. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 301 с.
- Александров Г.Ф. Учение Аристотеля о категориях бытия // Аристотель. Категории. – М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939. – С. V–XXXVI.
- Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания, 1993, № 3. С 15–26.
- Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1978. – 687 с.
- Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М.: Наука, 1991. – 413с.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время / Под ред. Н.Д. Арутюновой, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 3–16.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М., 2007. – 576.
- Аристотель. Категории / Пер. А.В. Кубицкого. М.: Гос. соц.-эконом. изд., 1939. – 84 с.
- Барт Р. S/Z. Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2009. – 373 с.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424с.
- Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // М.М. Бахтин. Собр. соч. Т.5. – М.: Русские словари, 1996. – С.7–10.
- Белинский В.Г. Общая риторика Н. Кошанского // Полн. собр. соч. Т.7. Статьи и рецензии 1843–1845 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 503–514.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448с.
- Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
- Блер Х. Опыт о красноречии проповедников. Пер. И. Павинского. СПб, 1800. – 124 с.
- Блумфилд Л. Язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 181–199.
- Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Часть I. – С. 263–283.
- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Н.Н. Болдырев / Вопросы когнитивной лингвистики, 2006, №2. – С. 5–22.
- Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 4-е изд. – М.: Либроком, 2011. Режим доступа: <http://www.x-books.com.ua/catalogue.php?gen=49&aut=19264&id=56319>
- Боровкова О. В. Топика: эскалация притязаний // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 321. – С. 5–56.
- Боровкова О.В. Методологическое оправдание топики посредством «выявления топоса» // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 38–41.
- Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт, 1998. –335 с.

- Брудный А.А. Коммуникация: существование и сущность // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи. – М.: Смысл, 2008. – С. 162–172.
- Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. – М.: ИФ РАНЮ 2002. – С. 340 – 353.
- Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1999. – 448 с.
- Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: ОГИЗ–СОЦЭКГИЗ, 1935. – 383с.
- Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 6–19.
- Вежбицкая А. Прототипы и инварианты // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201–231.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. – С. 291–325.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (Язык. Семиотика. Культура): Монография. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. – С. 264–276.
- Вертгеймер М. О гештальттеории // Хрестоматия по истории психологии. Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 84–97.
- Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
- Волков А.А. Основы риторики: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
- Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: дис. д-ра филол. наук, Краснодар, 2000. – 500 с.
- Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации): монография. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 312 с.
- Воротников Ю. Л. Врожденные концепты, семантические кварки и смысловые исходы // Филологические науки. – 2007. – № 3. – С.47–52.
- Вригт Г.-Х., фон. Объяснение и понимание // Г.-Х. Вригт, фон. Логико-философские исследования: – М.: Прогресс, 1986. – С.37–241.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 416 с.
- Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М: Наука, 1973. – С. 349–372.
- Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 123–130.
- Гарднер К. Предисловие к первому, американскому, изданию (1969) // Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – М.: Лабиринт, 1994. – С. 5–10.
- Гегель Г. В.Ф. Эстетика. В четырех томах. – Т.1. – М.: Искусство, 1968. – 312 с.
- Гиндин С.И. Что знала риторика об устройстве текста. Часть 2. Риторические учения о расположении и изобретении // Риторика. – 1996. – №1. – С. 23–37.
- Гинзбург Е.Л. Знаковые проблемы психолингвистики // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 81–105.
- Гоготишвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 906–923.
- Гоготишвили Л.А. Радикальное ядро «Философии имени» А.Ф. Лосева //А.Ф. Лосев. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009. – С. 5–28.

- Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л. / Под ред. Д.П. Горского. Краткий словарь по логике. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
- Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. – Вып. 5. – С. 31–44.
- Гухман М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования // Вопросы языкознания. 1973. № 4. – С. 3–15.
- Декарт Р. Беседа с Бурманом // Соч. в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1994. – С. 447–488.
- Демьянков В.З. Предикаты и концепция семантической интерпретации // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1980. № 4. – С.336–346.
- Демьянков В.З. Ментальный язык // Краткий словарь когнитивных терминов/ Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. – С. 99–101.
- Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309–323.
- Джохадзе Д.В. Античный диалог и диалектика // Философия и общество, №2, 2012. – С. 23–45.
- Дюргейм Э. Социология и теория познания // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях.– М.: Просвещение, 1964. – Часть I. – С. 212–256.
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд. иностр. лит-ры, 1958. – 408 с.
- Живов В.М., Успенский Б.А. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Вопросы языкознания, 1973, № 3.– С. 24–36.
- Задворная Е.Г. Категоризация // Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003.
- Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 5–18.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
- Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007, № 5. – С. 4–12.
- Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета, серия: Филология. № 4. – Тверь, 2015. – С. 29–36.
- Ибн Сина. Избранные философские произведения. – М.: Наука, 1980. –550с.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 464 с.
- Калыгин А.И. Цитата как иконический знак // Вестник МГУ. – Серия 9. «Филология». – 2008. – № 2. – С. 109–112 .
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. – М.: Прогресс; VIA, 1993. – 230 с.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. – Часть II. – М.: Просвещение, 1964. – С. 85–90.

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – 787 с.

Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. В 2-х частях. Пер. А. Никольского. Часть 1. – СПб., 1834.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. – 336 с.

Клепикова Т.А. Разделяемое языковое сознание: метакогнитивные процессы в языке и речи // Когнитивные исследования языка.– Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – Вып. VI. – С. 270–273.

Ковалев Г. А., Радзиховский Л. А. Общение и проблемы интериоризации. 1995. // ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/851/851110.htm>

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.

Кошелев А. Д. О языке психолингвистики (предисловие издателя) // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 21–40.

Краевский Вл. Проблема онтологической категории причины и следствия // Закон. Необходимость. Вероятность. – М.: Прогресс, 1968. – С. 289–311.

Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

Кубрякова Е. С. О номинативном аспекте речевой деятельности / Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 13–22.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 72–81.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.И. Ширяева. – М.: НОРМА–ИНФРА, 2000. – 560 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 512 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Комкнига, 2007. – 312 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304с.

Леонтьев А.Н. Избр. психол. произведения. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.

Леонтьев А.Н. Избр. психол. произведения. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 318 с.

- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.
- Ломтев Т.П. Язык и речь // Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – С.54–60.
- Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. –Т.7. Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1952. – С. 89–378.
- Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
- Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
- Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – 2-е изд., испр. – М.:Искусство,1995. – 320с.
- Лосев А.Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. – М.: АСТ, 2000. – 878 с.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 296 с.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
- Маковский М. М. Универсалии в социолингвистике (Опыт социальной типологии лексико-семантических систем). Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 33. Вып. 4. М., 1974. – С. 331–340.
- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – 414 с.
- Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М.: Прогресс; Культура, 1993. – 352 с.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание: учебник для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 6-е изд.– М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 304 с.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – С-Пб.: Ювента; Наука, 1999. – 607 с.
- Микеладзе З. Н. Основоположения логики Аристотеля. Примечания // Аристотель. Соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 594–598.
- Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
- Моран А. Элеонора Рош. 2006. Режим доступа: <http://www.psychology-line.net/members/member-1.html>.
- Новейший философский словарь, 2014. Режим доступа: http://enc-dic.com/new_philosophy/Diskurs-412.html.
- Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Русский язык, 1988. – 304 с.
- Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. – М.: Наука, 1990. – 181 с.
- Овчинникова И.Г. Коммуникация, ситуация, событие сквозь призму повествования // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи. – М.: Смысл, 2008. – С. 39–59.
- Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1968.

- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 314–384.
- Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 133–136.
- Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.1. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
- Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.2. – М.: Мысль, 1993. – 526 с.
- Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т.3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
- Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М.: Наука, 1982. – 222 с.
- Постовалова В.И. «Философия имени» А.Ф. Лосева и подступы к её истолкованию // А.Ф. Лосев. Философия имени. – М.: Академический проект, 2009. – С. 29–78.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614с.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: «Рефл-бук», – Киев: «Ваклер», 2001. – 656 с.
- Прохоров Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации. Дис.... д. филол. н. – М., 2006. – 338 с.
- Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта; Наука, 2008. –170с.
- Психоллингвистика. Сборник статей (переводы). – М.: Прогресс, 1984. –367 с.
- Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. – Новосибирск, 2005. – С. 66–78.
- Реформатский А.А. Введение в языковедение. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
- Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. – 597 с.
- Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. –М.: Лабиринт, 1994. –212 с.
- Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: аспекты невербальной семиотики. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, 2004.– 253 с.
- Романов А.А. К соотношению понятий дискурс VS текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления // Языковая личность в дискурсе: Полифония структур и культур. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. – М., –Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2005. Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm>.
- Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 78–95.
- Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Akademia, 2005. – 640 с.
- Садикова В.А. Специфика композиции и языка драматического произведения (на материале трагедии А.С. Пушкина "Скупой рыцарь"): дис.... кандидата филол. наук. – М.: РУДН, 1993. – 166 с.
- Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 188 с.
- Садикова В.А. Топика как система «вершинных» языковых категорий //Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2010. – С. 144–153.

Садикова В.А. Топ «ИМЯ» // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 2 (19). 2010. Идентификационный номер 0421000038\0012. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

Садикова В. А. Толика как типология инвариантов высказывания. Функционирование вершинных языковых категорий-топов в науке и бытовом общении. – Германия: LAP (Lambert Academic Publishing), 2011. – 364 с.

Садикова В.А. Толика и коммуникативные качества речи // Вопросы филологии, 2011, № 3 (39). – С. 15–20.

Садикова В.А. Основные принципы топологического анализа в лингвистике // Вопросы филологии. – 2015. – № 4 (52). – С. 11–15.

Садикова В.А. Роль языковых универсалий в преодолении рисков общения // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: мат. междунар. научн.-практ. конф. – Воронеж: ООО «ПТ», 2015 – С. 619–623.

Садикова В.А. Дискурс. Диалектический подход к определению понятия // Современная коммуникативистика. – 2016. – № 5. – Т. 5. – С 15–20.

Садикова В.А. Категории, предикабилии и топы Аристотеля как основание современной системы коммуникативных языковых единиц. Сетевой журнал «Научный результат», серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». Т. 2. № 2. 2016. С. 16–21. Режим доступа: <http://research-result.ru/media/linguistics/2016/2/17-22.pdf>.

Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: КомКнига, 2006. – 256 с.

Спиноза Б. Избранные произведения. – М.: Гомполитиздат, 1957. – 577 с.

Станиславский К.С. Об искусстве театра. Избранное. – М.: ВТО, 1982.–510с.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981. – 360 с.

Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20-го века. – М.: Ин-т яз. РАН, 1995. – С. 3–34.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: Ияз РАН, 1995. – С. 35–73.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Под ред. и пер. с англ. А.А. Киселевой. – Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

Толмен Э. Поведение как молярный феномен // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 46–82.

Тюрина С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования, 2004. Режим доступа: <http://pandia.ru/text/77/275/20998.php>.

Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып.5. М.: Прогресс, 1970. – С. 254–258.

Уфимцева Н.В. Онтогенез языкового сознания: методологический аспект // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи. – М.: Смысл, 2008. – С. 126–137.

Фефилов А.И. Метаязык как средство спекулятивной интерпретации // Мир лингвистики и коммуникации, № 2, 2006. Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/002/content_2.htm.

Философский энциклопедический словарь / Ред.-составители: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблёва, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2006.

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Прогресс, 1993. – 324 с.

Фохт Б.А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера // Э. Кассирер. Опыт о человеке. – М.: Гарадарики, 1998. – С. 761–764.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. – Серия 2: Информационные процессы и схемы. – 1992. – №3. – С.1–7.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – С-Пб.: Academia, 1994. – 406 с.

Хализев В.Е. Теория литературы, 2004. Режим доступа: <http://avantapersonnel.ru/writer/14754/book/100293/halizev>.

Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. – Вып. 5. М.: Прогресс, 1970. – С. 45–76.

Холодная М. А. Структурно-интегративная методология в исследовании интеллекта // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. Сб. научн. тр. М.: Языки славянских культур, 2009. – С.195–204.

Хомский Н. Язык и мышление / Перевод с англ. Б. Ю. Городецкого. М.: Изд. МГУ, 1972. – 172 с.

Хомский Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» / Пер. с англ. П.В. Феденко. М.: КомКнига, 2005. – 288 с.

Худяков А.А. Понятийные категории как объект лингвистического исследования, 2006 // Лингвистика. Общие вопросы теории и методологии. Режим доступа: <http://www.PomorSU.ru/?page&id=sin50301>.

Цицерон М. Т. Тописка // Марк Туллий Цицерон. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 56–81.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432с.

Чейф У.Л. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 78–88.

Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд лингвиста и биолога //Разумное поведение и язык. - Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. - М., 2008. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/chernigovskaya-08.htm>

Чугунова С.А. «Движение времени» у представителей разных культур: Монография. – Брянск: Брянск. гос. ун-т, 2009. – 240 с.

Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл (Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства) // Н.Ю. Шведова. Русский язык. Избранные работы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 445–543.

Шибкова О. С. Когниолингвистическая концепция категории *Качество*: дис....док. филол. наук. – Ставрополь, 2006. – 460 с.

Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006. – 600 с.

Экономические и гуманитарные исследования регионов, 2011, №4. Режим доступа: <http://moyuniver.net/yazykovye-kategorii-i-problemy-lingvisticheskoy-kategorizacii>

Юм Д. Исследование о человеческом разумении. – М.: Прогресс, 1995.–240с.

Якобсон Р. Значение лингвистических универсалий для языкознания // В.А. Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях. – Часть II. – М.: Просвещение, 1965. – С. 383–395.

Якобсон Р. Часть и целое в языке. // Р. Якобсон. Избранные работы. – М., Прогресс, 1985. – С. 301–305.

Якобсон Р. Речевая коммуникация // Р. Якобсон. Избранные работы. – М., Прогресс, 1985. – С. 306–318.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия).– М.: Гнозис, 1994. – 344 с.

Adler A. What life should mean. – London: George Allen and Unwin, 1980. – 300 p.

Ramus P. Arguments in Rhetoric against Quintillion. Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?q=P.%20Ramus%20%20%20>

Rosh E. Cognitive representation of semantic categories. Toward an Experimental Psychology: General 104, 1975. – P. 192-233.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ДИАЛОГ – ДИАЛЕКТИКА – ТОПИКА.....	7
МЕСТО ТОПИКИ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИЙ	15
МЕНТАЛЬНЫЙ ЯЗЫК И КОММУНИКАТИВНЫЙ СМЫСЛ	30
КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОПОВ	36
<i>Топ ИМЯ</i>	36
<i>Топы ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, АБСТРАКТНОЕ и КОНКРЕТНОЕ</i>	47
<i>Топы РОД, ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ</i>	55
<i>Топ СВОЙСТВА, ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА</i>	60
<i>Топ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели)</i>	68
<i>Топы ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ</i>	80
<i>Топы ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ</i>	90
<i>Топы ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ</i>	101
<i>Топы СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ</i>	108
<i>Топы ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, СИМВОЛ</i>	114
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДИСКУРСА.....	123
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
ПРИЛОЖЕНИЕ. Ворожбитова А.А., Садикова В.А. Диалог о топике	141
ЛИТЕРАТУРА	154

Научное издание

САДИКОВА Валентина Алексеевна

ТОПИКА КАК СИСТЕМА СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫХ
МОДЕЛЕЙ ПОРОЖДЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
СМЫСЛА

Монография

Подписано в печать 17.04.2017. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500. Заказ № 193.
Редакционно-издательское управление
Тверского государственного университета
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.